

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Барановичский государственный университет»

С. А. Мудров

**РЕЛИГИЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ
ИНТЕГРАЦИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ЦЕРКВЕЙ С УЧРЕЖДЕНИЯМИ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА**

Монография

Барановичи
БарГУ
2015

УДК 27(035.3)

Мудров, С. А.

Религия и европейская интеграция: взаимодействие церквей с учреждениями Европейского союза : монография / С. А. Мудров ; М-во образования Респ. Беларусь, Барановичский государственный университет. — Барановичи : БарГУ, 2015. — 182 с. ISBN 978-985-498-670-8.

Анализируется роль христианских церквей в европейской интеграции и развитии Европейского союза (далее — ЕС). Автор, доктор философии, кандидат социологических наук объясняет, каким образом церкви участвуют в процессе унификации Европы, взаимодействуют с учреждениями ЕС и формируют своё отношение к интеграционным процессам. Степень влияния церквей анализируется на основании доступной социологической информации и на конкретных примерах: реформе договоров ЕС (2001—2009 годы) и формировании иммиграционной политики Евросоюза.

Адресуется преподавателям, научным работникам, студентам, представителям религиозных организаций и всем, кто интересуется вопросами религии, европейской интеграции и развития ЕС.

Табл. 4. Библиогр.: 498.

Рекомендовано редакционно-издательским советом учреждения образования «Барановичский государственный университет»

Рецензенты:

доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета А. Н. Данилов; доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета Д. Г. Ротман

Научное издание

Мудров Сергей Александрович

**РЕЛИГИЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ
ИНТЕГРАЦИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ЦЕРКВЕЙ С УЧРЕЖДЕНИЯМИ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА**

Монография

Ответственный за выпуск Е. Г. Хохол
Технический редактор Е. И. Ломонос
Компьютерная вёрстка Е. И. Ломонос
Корректор С. А. Березнюк

Подписано в печать 24.08.2015. Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 10,70. Уч.-изд. л. 10,80. Тираж 110 экз. Заказ 527.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования
«Барановичский государственный университет».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/424 от 02.09.2014.

Ул. Войкова, 21, 225404, г. Барановичи.
Тел. 8 (0163) 45 46 28, e-mail: rio@barsu.by .

ISBN 978-985-498-670-8

© БарГУ, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
<i>Введение</i>	8
ГЛАВА 1. ТЕОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ — МИР ФАКТОРОВ, ИНСТИТУТОВ И ИДЕЙ	17
1.1 Федерализм и европейская интеграция	17
1.2 Неофункционализм	20
1.3 Либеральная межправительственная теория	24
1.4 Социальный конструкционизм	27
1.5 Выводы	30
ГЛАВА 2. ИДЕНТИЧНОСТЬ, НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И РЕЛИГИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД	32
2.1 Идентичность и европейская интеграция	33
2.1.1 Национальная идентичность	34
2.1.2 Европейская идентичность	36
2.1.3 Европейская и национальная идентичность	39
2.2 Негосударственные субъекты и европейская интеграция	40
2.3 Церкви и европейская интеграция	42
2.4 Церкви как негосударственные субъекты	45
2.5 Христианские церкви в начале интеграции	49
2.5.1. Интеграция как христианско-демократический проект	50
2.6 Выводы	53
ГЛАВА 3. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	55
3.1 Стратегия исследования	55
3.2 Выбор тематических исследований	56
3.3 Количественные и качественные методы	59
3.4 Этические вопросы	62
3.5 Выводы	63
ГЛАВА 4. ЦЕРКВИ КАК ОСОБЫЕ УЧАСТНИКИ ИНТЕГРАЦИИ: УРОВЕНЬ ВЛИЯНИЯ	65
4.1 Церковно-государственные отношения	65
4.2 Уровень влияния церквей	68
4.2.1 Протестанты и европейская интеграция	69
4.2.2 Католики и европейская интеграция	74
4.2.3 Православные церкви и европейская интеграция	78
4.2.4 Степень религиозности как фактор влияния церквей	84
4.2.5 Церкви на наднациональном уровне	87
4.3 Практическое сотрудничество	96
4.4 Выводы	101
ГЛАВА 5. ТЕМАТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОДИН. ЦЕРКВИ И ПРОЦЕСС РЕФОРМЫ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ДОГОВОРОВ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ	103

5.1. Исторический аргумент: религия до конвента	104
5.2. Христианский взгляд на Конституционный договор: Церкви и формирование общественного мнения	106
5.3 Церкви как негосударственные организации и участники формирования идентичности: мобилизация и поддержка	109
5.3.1 Дебаты в ходе работы конвента	111
5.3.2 Дебаты в ходе межправительственной конференции	120
5.3.3 Лиссабонский договор: действия и оценки	124
5.3.4 Философия дебатов: вопросы идентичности	127
5.4 Выводы	132
ГЛАВА 6. ТЕМАТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДВА. ЦЕРКВИ И ПОЛИТИКА ЕС В ОБЛАСТИ ИММИГРАЦИИ И ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ УБЕЖИЩА	133
6.1 Политика ЕС в области иммиграции и предоставления убежища: веки развития	134
6.1.1 Переходный период	136
6.1.2 Вторая стадия	138
6.1.3 Третья стадия	140
6.2 Церкви и вопросы миграции	140
6.3 Церкви как негосударственные субъекты работа в сфере миграции и предоставления убежища	142
6.3.1 Христианские организации в сфере миграции и предоставления убежища	143
6.3.2 Стратегия христианских организаций	144
6.4 Директива о возвращении	149
6.4.1 Первоначальные шаги	150
6.4.2 Дальнейшая работа	151
6.4.3 Процесс принятия директивы и роль церквей	153
6.4.4 Окончательная версия	155
6.5 Выводы	156
Заключение	159
Церкви в социальном конструкционизме	159
Особая роль церквей	160
Тематические исследования: церкви и реформа договоров Евросоюза и церкви и политика Евросоюза в области иммиграции и предоставления убежища	162
Тематическое исследование один. Церкви и реформа договоров ЕС	162
Тематическое исследование два. Церкви и политика ЕС в области иммиграции и предоставления убежища	164
Общий вклад монографии	165
Ограниченность монографии и возможность будущих исследований	166
Резюме	167
Рэзюмэ	168
Resume	169
Список использованных источников	170

ПРЕДИСЛОВИЕ

Участие церквей в европейской интеграции — это постоянно развивающийся процесс. При этом взаимодействие церквей с европейскими учреждениями становится наиболее заметным либо на определённых стадиях интеграции, либо в определённых политико-правовых областях. Поэтому исследование роли религии в европейской интеграции ведёт к необходимости изучать эмпирический материал, посвящённый взаимодействию церквей с учреждениями Европейского союза.

В первых главах данной монографии сформулированы теоретические положения и концепции, отражающие роль церквей в европейской интеграции. Таким образом была подготовлена основа для сбора информации в эмпирической части, дальнейшего развития предварительных концепций и проведения необходимых обобщений посредством использования метода тематических исследований. Тематические исследования должны были соответствовать трём основным критериям: во-первых, наличие интереса со стороны церквей и их участие; во-вторых, адекватная компетенция Евросоюза в избранной области; в-третьих, наличие информации в открытом доступе, которая могла быть использована для последующего анализа. Основываясь на данных критериях, мы сделали выбор в пользу двух тематических исследований: в сфере реформы договоров и в сфере политико-правовых инициатив.

В рамках первого исследования было проанализировано участие церквей в реформе договоров ЕС (особое внимание уделялось Конституционному договору). Был рассмотрен период реформ с 2001 по 2009 годы, начиная с Лакенского саммита в декабре 2001 года и заканчивая вступлением в действие Лиссабонского соглашения в декабре 2009 года. Разработка Конституции Европейского союза сопровождалась дебатами о возможном включении ссылки на Бога и христианские корни Европы в преамбулу документа. Кроме того, на повестку дня были вынесены вопросы, связанные со статусом религиозных организаций. Церкви заняли определённую позицию по данным вопросам, прилагая усилия для того, чтобы повлиять на содержание окончательных решений. Данное тематическое исследование позволило установить, какие аргументы церкви выдвигали в поддержку определённых формулировок в тексте Конституции и какие аргументы высказывались против. Мы определили степень обоснованности аргументов со стороны церквей и их оппонентов и установили, какие действия предпринимали представители церквей для достижения поставленных перед ними целей. Кроме этого, нам удалось проанализировать дебаты идеологического характера — о ценностном измерении Европы, и о роли христианства в истории. Мы также определили, какие организации и индивидуумы действовали от имени церквей и, в некоторой степени, узнали о мотивации их действий.

На политико-правовом уровне было избрано тематическое исследование роли церквей в политике ЕС по вопросам иммиграции и предоставления убежища. Данное исследование соответствовало трём основным критериям, упомянутым

ранее. Так, сфера миграции и предоставления убежища входит в зону интересов церкви, поскольку речь идёт о защите уязвимых групп населения. Некоторые церкви, в особенности католическая, активно работают в этой сфере, что наиболее заметно по количеству соответствующих структур в Брюсселе. По избранной теме имеется адекватный объём информации, причём в свободном доступе. Наконец, происходит процесс усиления полномочий ЕС в области миграции и предоставления убежища. Данное исследование позволило определить конкретный вклад церкви в одну из политико-правовых областей деятельности ЕС, а также выявило используемые ими методы.

Процесс получения информации для тематических исследований проходил следующим образом. Мы полагались, главным образом, на качественные методы, определив тексты и индивидов как источники информации. Действительно, значительная часть информации доступна в официальных публикациях ЕС, законодательных актах, письмах, петициях и официальных заявлениях. Дополнительная информация, а также разъяснения уже имеющихся сведений, были получены путём проведения академических интервью с представителями церкви и европейских учреждений. Были проинтервьюированы представители Римско-католической церкви, Православных церквей Греции, Кипра, Румынии и России, лютеранских церквей Финляндии и Швеции, а также представители Европейской комиссии, Европейского парламента и бывшие члены конституционного конвента. Большинство интервью было проведено при личных встречах в Брюсселе в июле 2010 года; отдельные интервью были проведены по телефону или электронной почте. Общее количество интервью — 28; в большинстве случаев интервьюируемые эксперты не возражали в отношении упоминания их имени при опубликовании результатов исследования.

Оригинальный вклад монографии заключается в том, что она определяет роль и место христианских церквей как особых участников европейской интеграции. Во-первых, в монографии указывается, что религия должна быть включена в социально-конструкционистскую теорию европейской интеграции. Не уделяя должного внимания религии, социальный конструкционизм теряет свою полноту и целостность, так как упускает из виду тех участников интеграции, которые связаны с идентичностью и негосударственными организациями. Во-вторых, в монографии доказывается, что религиозный компонент европейской интеграции следует изучать не как религию в целом, но как конкретную религию — христианство, в силу его важной исторической роли и доминирования в странах — членах ЕС. В-третьих, церкви определены в качестве уникальных участников европейской интеграции. Действительно, церкви имеют признаки и свойства негосударственных организаций, но они также участвуют в формировании идентичности и являются особыми институтами в рамках церковно-государственных отношений. Кроме того, их особый вклад утверждается историческими обстоятельствами: например, той ролью, которую церкви (особенно Римско-католическая) играли на начальных этапах процесса интеграции. Наконец, данная работа раскрывает конфессиональные и региональные особенности участия церквей в деятельности ЕС и степень влияния церквей.

В монографии подтверждено высказанное ранее мнение [1], что наиболее евро-скептической деноминацией являются неопротестанты. Указывается, что римо-

католики не имеют единого взгляда на евроинтеграцию. Кроме того, подтверждая наличие евроскептицизма среди православных, мы опровергаем мнение, что православные церкви находятся «в состоянии войны» [2] с Евросоюзом. Мы также доказываем, что в условиях растущего секуляризма церкви способны сохранять своё влияние, при этом секуляризация не наблюдается в ЕС в целом. Далее, мы идентифицируем регионы высокого, среднего и низкого влияния церквей в ЕС, замечая, что только страны с однородным православным и католическим населением находятся в регионах с высоким влиянием церквей. В двух тематических исследованиях подтверждается, что мобилизирующий потенциал церквей является значительным в случаях, когда вопросы, находящиеся на повестке дня, имеют высокую значимость (например, процесс реформы договоров). В заключение определяется, что церкви являются не только уникальными, но и уважаемыми и влиятельными участниками процесса европейской интеграции, способными влиять на общественное мнение и процесс принятия решений в ЕС.

Репозиторий БарГУ

ВВЕДЕНИЕ

Европейский союз (ЕС) — это, в первую очередь, политический и экономический союз европейских государств. Однако данное определение ЕС не является исчерпывающим. Согласно некоторым мнениям, ЕС — это «последняя мировая империя», представляющая исполнение библейских пророчеств о последних днях мира и пришествии антихриста [3]. Такой образ, формируемый, главным образом, представителями протестантской конфессии, подтверждает, что сущность Евросоюза можно связать с религией и его развитие можно обсуждать в религиозных терминах. И хотя основные теории европейской интеграции (неофункционализм, межправительственный подход и социальный конструкционизм) не уделяют адекватного внимания религии, такой ограниченный теоретический подход становится всё менее убедительным. Действительно, религиозная составляющая интеграционных процессов в Европе — это повседневная реальность, выражаемая в различных и порой неожиданных аспектах.

Так, упомянутый выше взгляд на Евросоюз как на империю — это штрих из более полной и детальной картины. Фактически религиозный оттенок (зачастую отрицательный) придаётся символам и зданиям ЕС. По мнению представителей церквей, главным образом протестантских, здание Европарламента сконструировано по подобию Вавилонской башни, центральный офис Европейской комиссии в Брюсселе (Берлемон) напоминает сверху надломленный крест, а двенадцать звёзд на флаге ЕС взяты из двенадцатой главы Откровения св. Иоанна Богослова [4]. Более того, отдельные протестантские группы считают весь процесс интеграции, с самого его начала, религиозным «заговором», инспирированным Римско-католической церковью и направленным на подрыв протестантизма [5]. Но даже этот «заговор» не является конечным пунктом европейской религиозной истории. Религия проявляется в жизни Евросоюза и с другой стороны, причём эта сторона менее мистическая и более прагматичная, связанная с важными вопросами политического характера.

В данном контексте можно упомянуть следующее. Так, один из аргументов против членства Турции в ЕС был религиозного характера: высказывалось мнение, что Турция, будучи мусульманской страной, исповедует враждебную Евросоюзу религию, в силу того, что ЕС является «христианским клубом» [6]. В ходе обсуждения проекта Европейской Конституции наиболее ожесточённые дебаты велись именно по религиозным вопросам. Речь, в частности, шла о включении в текст документа ссылки на христианское наследие Европы или же ссылки на Бога. Религиозные аргументы также звучали в ходе дебатов о вступлении в Евросоюз Польши (самой большой страны из числа принятых в союз в 2004 году). Присутствовали они и в Ирландии, в ходе проведения референдумов в 2008 и 2009 годах об одобрении Лиссабонского соглашения [7]. Европейский парламент неоднократно принимал резолюции, непосредственно затрагивавшие церковные вопросы. Одна из таких резолюций — это требование обеспечить свободный доступ женщин на святую гору Афон — автономную

монашескую территорию в Греции. Женщинам запрещено посещать Афон, в соответствии с афонской традицией, уже около тысячи лет.

Можно также вспомнить, насколько часто религия появлялась на повестке дня ЕС, когда Европейский парламент в 2004 году отверг кандидатуру итальянца Рокко Буттиглионе на должность комиссара Европейской комиссии. Данное событие было связано с религиозными воззрениями кандидата: Буттиглионе высказал своё мнение по вопросам семьи и гомосексуализма, в соответствии с разделяемой им католической социальной доктриной. Это возмутило либеральных членов Европарламента и, в конечном итоге, привело к отклонению его кандидатуры [8]. Решение Европарламента по Буттиглионе вызвало вполне объяснимый рост негативных настроений среди представителей Римско-католической церкви. Роберт Ройал, президент Института веры и разума в Вашингтоне, заявил, что искренне верующие католики отныне лишены возможности занимать высшие посты в Евросоюзе [9].

Церкви и европейская интеграция. Наше предположение о том, что религия не должна рассматриваться как чуждый европейской интеграции фактор, является адекватным основанием для дальнейшего развития аргументов данной монографии. Необходимо определить, каким образом можно изучать церкви в ходе исследования европейского проекта. Работы, опубликованные на настоящий момент, не позволяют составить полную картину участия церквей в процессе унификации Европы.

Признавая тот факт, что церкви не являются чужеродным образованием в европейской интеграции, мы должны определить их функции в европейском проекте. Отсюда возникает ряд закономерных вопросов. Каковы теоретические основы для изучения роли и влияния церквей? Существует ли специфика их вклада в процесс европейской интеграции? Каким образом и в каком контексте церкви могут влиять на интеграционные процессы и политику ЕС? Имеют ли значение конфессиональные особенности в общеевропейском политическо-правовом контексте? Безусловно, попытки ответить на часть этих вопросов предпринимались и ранее. В настоящее время возможным объяснениям роли и присутствия церквей в европейской интеграции уделяется всё больше внимания.

Можно указать на следующие мнения. Так, по оценке Франсуа Форе, религия не представляет собой ни проблемы, ни решения для легитимизации Европы, поскольку «её воздействие не меняет обычные правила игры» [10, с. 38]. Форе утверждает, что Евросоюз, переживший ряд кризисных моментов (отставка комиссии Сантера, трудности расширения ЕС и функционирования евро, негативный результат по Конституции ЕС на референдумах во Франции и Нидерландах в 2005 году), стал искать новые пути и способы легитимизации. Среди них — попытки поместить граждан ЕС в центр принятия решений и активизация диалога с представителями гражданского общества. Форе считает, что в данном ракурсе Европейская комиссия предлагает сугубо консультативную роль для церквей, хотя автор и признаёт, что религиозные организации усилили присутствие на наднациональном уровне, благодаря своим представительством в Брюсселе и политической мобилизации в Европейском парламенте [11]. Тем не менее, лоббирование (со стороны религиозных организаций) носит скорее защитный

характер, нацеленный на сохранение достигнутых позиций на национальном уровне. В целом, по мнению Форте, европейские институции в своих отношениях с религиозными организациями следуют обычной, общепринятой политике [12].

Бенуа Шаллан утверждает, что сочетание Европы и религии — это сравнительно недавняя конструкция. Проанализировав девять основных законодательных актов Европейских сообществ и Европейского союза (включая Римский договор, Единый европейский акт, Маастрихтский, Амстердамский и Нишский договоры, Европейскую Конституцию), автор пришёл к выводу, что «вопрос религии не является центральной темой в правовых рамках Европы» [13, с. 69]. По мнению Шаллана, рост интереса к религии в ЕС обусловлен объективными причинами, включая попытку оградить себя от исламских соседей (Турции) [14].

Рассуждения Мартина Стивена в целом сводятся к тому, что процесс европейской интеграции позволяет наднациональным (европейским) структурам всё более активно вмешиваться в деятельность церквей на национальном уровне. Стивен полагает, что «Европейский союз — это, по своей сути, светская организация, не упоминающая христианство ни в одном из договоров или директив» [15, с. 181]. При этом сам факт принятия общеевропейских законов, обязательных для исполнения на территории стран — членов ЕС, не может не затрагивать христианские церкви. Стивен подчёркивает, что церкви действуют не только в рамках определённых церковно-государственных механизмов, влияя на ход голосования и европейские ценности, но и как политические группы, отстаивающие определённые интересы и «лоббирующие тех, кто принимает решения по вопросам социального характера, которые их [церквей] касаются» [16]. Хотя Стивен признаёт, что религиозные лобби в ЕС несопоставимы по масштабу и влиянию с аналогичными лобби в США, он отказывается от попытки объяснить данный факт ходом европейской интеграции, прибегая в целом к иному объяснению: невозможности адекватно оценить эффективность групп влияния [17].

Тем не менее, не все исследователи согласны с тем, что в различных документах и нормативных правовых актах Евросоюза религии уделяется недостаточно внимания. Так, Норман Доэ утверждает, что сегодня можно вести речь о существовании «европейского закона о религии» [18, с. 147]. Доэ, в частности, обращает внимание на следующие примеры упоминания религии и церквей. Лиссабонское соглашение признаёт «специфический вклад» церквей в развитие Европы. В рамках седьмой программной директивы (в контексте европейского гражданства) религии, наряду с другими составляющими, признаются в качестве «строительных элементов» европейского многокультурного наследия и идентичности [19]. В целом Доэ делает вывод о том, что в Евросоюзе присутствуют черты «модели сотрудничества» в церковно-государственных отношениях, хотя используется и разделяющая лексика, поскольку Союз нельзя признать государственно-церковной системой [20]. Ронан МакКреа считает, что ЕС ограничивает роль религии в важных политических и законодательных вопросах, но в то же время признаёт, что Союз «разрешает религии влиять на закон как элемент гражданского общества и, что более важно, как элемент общественной морали» [21, с. 103].

Люсиан Леустеан отмечает возрастание значения религиозных вопросов в ЕС, невзирая на то, что «налаживание контактов между европейскими учреждениями и религиозными сообществами произошло на сравнительно поздней стадии развития Европейского сообщества» [22, с. 167]. Поворотным моментом стало подписание Маастрихтского соглашения, а также последующая инициатива Жака Делора по налаживанию сотрудничества между ЕС и церквями, известная как проект «Душа для Европы» [23]. В настоящее время, по мнению Леустеана, Еврокомиссия открыта для диалога с религиозными организациями, причём есть вероятность, что выгоды от диалога будут взаимными, а религиозные организации «станут более активно влиять на повестку дня европейских учреждений» [24]. Очевидно, что рост взаимодействия в сфере «церкви—ЕС» ведёт к всё более активному обсуждению темы европейской интеграции в самих церквях, с последующим уточнением отношения к интеграции и Евросоюзу. Из тех немногих публикаций, в которых анализируется данный вопрос, можно выделить мнение Минкенберга и Хэйна о склонности неопротестантов к евроскептицизму, а также точку зрения Рамет о том, что православные церкви якобы находятся в «состоянии войны» с Евросоюзом [25].

Таким образом, можно говорить о трёх основных направлениях в сфере анализа роли церквей в европейской интеграции. Во-первых, речь идёт о мнении, что религия или нормы, связанные с религией, присутствуют в законодательстве ЕС, иногда в скрытой форме. Во-вторых, церкви способны оказывать влияние различными способами, в том числе как представители лоббирующих структур. В-третьих, роль церквей становится более видимой и значимой после Маастрихтского соглашения, причём сотрудничество между церквями и ЕС выгодно обеим сторонам. Данные выводы, отражающие некоторые аспекты деятельности церквей, не дают полной картины участия церквей в европейской интеграции. Наши основные вопросы (как и в каком ракурсе можно изучать церкви в ЕС, какой вклад они вносят в процесс интеграции и т. п.) по-прежнему остаются без ответа. Поэтому необходимость более ясного определения роли и места церквей в европейской интеграции становится одной из важнейших задач данной монографии.

Теоретический подход. Ключевой аргумент данного исследования состоит в том, что церкви рассматриваются как особые и уникальные участники европейской интеграции. Понятие особого статуса церквей базируется на теории социального конструкционизма, в рамках которой в европейской интеграции исследуются негосударственные участники. Церкви являются уникальными потому, что, по своей сути, отличаются от прочих негосударственных субъектов (действительно, большинство церквей имеет древнюю историю и включает значительную долю населения страны). Церкви — это особые участники, поскольку они внесли весомый вклад на начальной стадии процесса интеграции, а также участвуют в формировании идентичности и стремятся к созиданию ценностного и духовного измерения европейской интеграции. Таким образом, церкви заслуживают специальное место среди других субъектов, принимаемых во внимание социальными конструкционистами.

Указанный выше ключевой аргумент подчёркивает особые подходы настоящего исследования. Церкви, невзирая на схожесть с прочими негосударственными

субъектами, сохраняют принципиальное отличие — как религиозные, духовные организации. Это отличие особенно заметно благодаря их вкладу в формирование национальной и европейской идентичности, их роли на начальных этапах интеграции и, наконец, благодаря существованию феномена церковно-государственных отношений. Таким образом, мы находим возможность для теоретического обоснования участия церквей в евроинтеграции, с указанием на недостатки уже существующих теорий (по крайней мере, в части, касающейся религиозных вопросов).

Определение места религии в теориях европейской интеграции является непростой задачей. Действительно, основные теории интеграции, такие как неофункционализм и межправительственный подход ничего не говорят о религии. Отчасти это связано с тем, что предмет анализа этих теорий находится в другой плоскости, что затрудняет учёт религиозного фактора. Единственной основной теорией европейской интеграции, в которой можно учитывать религиозный фактор, является социальный конструкционизм. Во-первых, именно эта теория принимает во внимание неэкономические факторы при анализе интеграции. Во-вторых, её представители пытаются понять, каким образом нормы, ценности и идеи вносят вклад в развитие ЕС [26]. Социальные конструкционисты также учитывают негосударственные субъекты при анализе европейской интеграции. В их подходе интеграция не сводится только к рациональному выбору и сугубо экономическим расчётам, поскольку мы сталкиваемся с явлением, в котором есть место эмоциям и субъективности. В общей картине интеграционного процесса, создаваемой конструкционистами, заметно влияние исторических факторов, убеждений, идентичности и различных негосударственных организаций [27].

Такая модель более точно отображает черты интеграционных процессов, особенно после подписания Маастрихтского соглашения. Признавая, что взгляды социальных конструкционистов являются во многом корректными, мы не можем не заметить серьёзные недостатки данной теории. Действительно, наряду с другими теориями европейской интеграции она игнорирует присутствие христианских церквей в интеграционных процессах. Такое игнорирование парадоксально, ведь только конструкционизм предлагает учитывать роль идентичности и негосударственных субъектов в процессе унификации Европы. Поэтому методологические подходы социального конструкционизма могут использоваться для представления и адекватного понимания роли церквей в европейской интеграции. Данное положение вытекает из логики социального конструкционизма и его особенностей.

Инкорпорирование церквей в анализ европейской интеграции основано на следующих положениях. Во-первых, признание того, что конструкционисты включают идентичность и негосударственные субъекты в анализ унификационных процессов в Европе. При этом во внимание принимается как европейская идентичность, так и национальная идентичность государств — членов ЕС [28]. Во-вторых, учитывается аргумент, что церкви формируют идентичность и являются негосударственными субъектами. Более того, религия является частью идентичности, одним из её составных элементов [29]. Эти два момента

очень важны для включения церквей в европейскую интеграцию, так же, как и понимание того, что социальный конструкционизм позволяет взглянуть на церкви сквозь призму идентичности и негосударственных субъектов.

Другие моменты касаются следующего. Церкви вносят вклад в формирование европейской и национальной идентичностей как напрямую, так и косвенным образом (через систему ценностей). В своих отношениях с внешним миром церкви проявляют черты негосударственных субъектов, используя механизмы влияния, характерные для большинства негосударственных организаций (петиции, переговоры и т. п.) [30]. В то же время в деятельности церквей есть признаки, которые позволяют говорить об их уникальности. Речь идёт об исторических аспектах и церковно-государственных отношениях. Эти черты отражают, главным образом, сущность церквей как религиозных и духовных организаций.

Если говорить об исторических особенностях, то следует отметить, что церкви (особенно Римско-католическая) играли активную роль на начальных этапах европейской интеграции, причём Ватикан занимал проинтеграционную позицию [31]. Католическая церковь «активно вдохновляла, продвигала и формировала европейскую интеграцию» [32, с. 51]. Гари Вилтон замечает, что христианская (католическая) вера Роберта Шумана, одного из отцов-основателей проекта европейской унификации (наряду с верой де Гаспери, Моне и Аденауэра), не ограничивалась только частным благочестием, но являлась «вдохновением той жизни, которая была посвящена служению обществу и созиданию Европы на прочных и безопасных христианских основах» [33, с. 8]. В 1950 году была основана особая транснациональная группа, в состав которой вошли ведущие протестантские политики и церковные деятели. Эта группа, получившая наименование Экуменической комиссии по европейскому сотрудничеству, была создана для того, чтобы «представлять экспертные оценки по европейским вопросам для протестантских церквей» [34, с. 444]. К слову, один из президентов Европейской комиссии (Жан Рей, 1967—1970 годы) был членом этой группы [35, с. 166].

Также очевидным является наличие тесных связей между христианско-демократическими партиями того времени и, главным образом, Римско-католической церковью. Нельзя не отметить и явную поддержку процесса интеграции со стороны Ватикана. Как пишет Брент Нельсен, «развитие католических и, в конечном итоге, христианско-демократических партий как политических крыльев католического общественного движения, происходившее в конце 19 — начале 20 века, привело людей, вдохновляемых католическими принципами, в политически влиятельное положение. Таким образом, централизованная церковь и массовое политическое движение придало католическим понятиям европейского единства политический вес» [36, с. 3]

Тем не менее, в течение последующих десятилетий присутствие церквей было не так заметно, как ранее, и ссылки на религию в процессе интеграции происходили нечасто. Причины следует искать в особенностях европейского исторического развития: активное участие и безусловная поддержка интеграции церквями на Западе могли негативно сказаться на сотрудничестве и экумени-

ческих контактах с церквями на Востоке. Дело в том, что церкви в Восточной Европе были зависимы от коммунистической власти, а последняя рассматривала проект европейской интеграции как враждебный [37].

С падением коммунистических режимов в СССР и европейских странах ситуация стала меняться. Кроме того, подписание Маастрихтского соглашения изменило характер интеграции: более заметными стали неэкономические субъекты и их участие в интеграционных процессах. Наконец, инициатива Жака Делора, озвученная в 1992 году («необходимо дать душу Европе, придать ей духовности и смысла»), стала наглядной иллюстрацией растущего интереса к религиозным организациям со стороны европейских учреждений [38]. Поэтому логика европейского развития, как на Западе, так и на Востоке, привела в начале 1990-х годов к росту вовлечённости церквей в процесс европейской интеграции.

Если же говорить о государственно-церковных отношениях, то они являются феноменом, который имеет отношение только к церквям. Другие участники процесса европейской интеграции не обладают признаками, формируемыми в рамках церковно-государственных отношений. Речь идёт о специальном статусе церквей, их взаимоотношениях с государственными органами, а также о влиянии на систему образования и иные значимые сферы. Как правило, церкви выстраивают систему взаимоотношений с государством в рамках трёх возможных моделей: государственная (официальная) церковь, полное отделение от государства (секулярная модель) и кооперационистская (гибридная) модель [39]. При этом в рамках каждой модели возможны вариации, так же, как и различия в реальном положении церквей при одинаковых моделях, но в разных странах [40].

Сам факт того, что церкви могут считаться уникальными участниками европейской интеграции, создаёт необходимые предпосылки для дальнейшего развития аргументов данного исследования. Мы получаем возможность для более детального изучения вопроса о том, каким образом церкви встроены в жизнь Евросоюза, а также можем оценить их уровень влияния. Здесь необходимо особо отметить, что процесс секуляризации, который происходит в некоторых регионах Евросоюза, не применим к ЕС в целом [41]. Действительно, существуют серьёзные региональные различия в Европе; например, религиозность выше в южных католических регионах и ниже в северных протестантских странах ЕС [42, с. 232]. Более того, влияние церквей в некоторых регионах Евросоюза возросло, как, например, в странах, ранее входивших в коммунистический блок.

В настоящее время нет оснований для того, чтобы утверждать, что в ЕС в целом церкви потеряют значительную часть своего влияния или вообще будут замкнуты в границах «частного благочестия». Данные социологических исследований показывают, что большинство жителей Евросоюза считают себя верующими людьми, принадлежат определённой конфессии и выражают достаточно позитивное отношение к церквям. Число неверующих не превышает 50%-й барьер ни в одной стране Евросоюза. Самые высокие показатели не превосходят одной трети населения, с наибольшим числом неверующих во Франции (33%), Чехии (30%), Бельгии и Нидерландах (по 27%), Эстонии (26%)

и Германии (25%) [43]. Как подчёркивал Джонатан Фокс, религия неизбежно влияет на взгляды людей, «восприятие событий и их действия», включая, разумеется, взгляды политиков и государственных деятелей [44, с. 59].

Тем не менее, не следует предполагать, что церкви проявляют активность и способны влиять на события во всех сферах и областях. Реальность несколько иная: церкви более активны в тех вопросах, которые они считают наиболее значимыми. Такое положение объясняется тем, что ограниченные ресурсы церквей не позволяют им внимательно следить за всеми аспектами деятельности ЕС. Те вопросы, которые являются наиболее важными для церквей, имеют, как правило, ценностное измерение, включая в себя проблемы идентичности, морали и защиты наиболее уязвимых групп населения [45].

Есть ещё один нюанс, который, на наш взгляд, заслуживает внимания. Иногда о церквях говорят как о «рыночных игроках», преследующих корыстные, даже эгоистичные цели. При этом упускается из внимания тот факт, что церкви — это не коммерческие учреждения или лоббисты в узком смысле слова. Их главная цель заключается в том, чтобы, во-первых, показать путь духовного спасения и совершенствования для тех людей, которые готовы прислушиваться к голосу церквей и, во-вторых, поддерживать христианские моральные ценности. Церкви работают ради блага общества, даже если их подходы непопулярны и не разделяются большинством. Для православной и католической церквей, а также некоторых протестантских деноминаций (но не для традиционных протестантов), изменения социальных и богословских доктрин едва ли возможны, даже под давлением со стороны влиятельных политических и социальных групп или органов власти. К примеру, католики в Англии предпочли закрыть свои приюты для сирот, нежели согласиться с новым законом, который не давал им возможности отказывать в усыновлении детей однополными парами [46].

Другой аспект, о котором следует сказать более подробно, связан с отношением церквей к европейской интеграции. Важно знать, каким образом церкви воспринимают и оценивают Европейский союз и интеграцию, поскольку роль церквей может зависеть и от этого фактора. Интеграция является объектом пристального внимания со стороны католиков, причём Ватикан выражает в целом оптимистичный взгляд на процессы европейской унификации [47]. Этот взгляд не всегда разделяется некоторыми представителями Римско-католической церкви, особенно в случаях, когда затрагиваются морально-нравственные вопросы. Так, католический священник из Ирландии предупреждал, что Брюссель может навязать Дублину «легализацию аборт, эвтаназию и гомосексуальные союзы» [48]. Такого рода критика ЕС отчасти присутствует и среди представителей православных церквей, утверждающих, что Европа потеряла душу, отвергнув свои христианские корни [49]. У протестантов наиболее евроскептическая позиция выражена в среде неопротестантских деноминаций, в то время как традиционные протестанты придерживаются проевропейских воззрений [50]. Критика ЕС также стала более заметной в последние годы со стороны англиканской церкви, с констатацией факта, что ЕС отказывается признавать христианское наследие и превращается в сугубо технократический проект, испытывающий дефицит демократии [51].

Степень влияния церквей во многом определяется их собственным стремлением принимать участие в различных аспектах деятельности ЕС,

а также уровнем религиозности в государствах — членах Евросоюза. Следует также различать влияние на национальном и наднациональном уровне. Говоря о влиянии церквей, мы говорим об их способности продвигать такие инициативы, которые отражают религиозные взгляды, мнения и ценности. Другими словами, влияние отражает их вклад в процесс принятия решений.

Римско-католическая церковь является наиболее влиятельной религиозной структурой на панъевропейском уровне, благодаря её ресурсам и особому статусу Ватикана как государственного образования. Данный факт подтверждается католическим присутствием в Брюсселе: офис Комиссии епископских конференций ЕС (далее — КОМЕСЕ) считается наиболее профессиональным и влиятельным. Тем не менее, не следует игнорировать всё более активную роль православных и, в меньшей степени, протестантских представительств (что подтверждает возрастающую роль церквей в целом) [52]. Что касается национального уровня, то здесь влияние церквей колеблется в зависимости от степени религиозности и уважения к национальным церквям. При этом конфессиональный аспект не играет ведущей роли. Скажем, степень влияния Римско-католической церкви может быть высокой (Хорватия и Польша) и низкой (Франция и Бельгия). При этом в упомянутых государствах отмечаются существенные различия в численности верящих в Бога, принадлежащих какой-либо конфессии и выражающих доверие церковным институтам [53].

В целом, принимая во внимание уровень религиозности и доверия церкви, параметры исторического развития и особенности церковно-государственных отношений, можно выделить три категории государств с разным уровнем влияния церквей: высоким, средним и низким. Территория с высоким влиянием включает Грецию, Италию, Кипр, Мальту, Польшу, Румынию и Хорватию, со средним — Австрию, Болгарию, Венгрию, Германию, Данию, Ирландию, Испанию, Литву, Люксембург, Португалию, Словакию, Словению, Финляндию и Швецию и с низким влиянием — Бельгию, Великобританию, Латвию, Нидерланды, Францию, Чехию и Эстонию.

Кроме того, степень влияния церквей может зависеть от вопроса, находящегося в конкретный момент на повестке дня европейской интеграции. Так, если речь идёт о проблеме, к которой приковано пристальное внимание со стороны общественности и правительства, следует ожидать проявления более высокого мобилизационного потенциала церквей, который, во многих случаях, перевешивает потенциал их оппонентов. В некоторых вопросах церкви могут действовать совместно со светскими организациями [54]. Очевидно, что такого рода сотрудничество укрепляет влияние церквей, хотя и не позволяет однозначно учитывать их особый вклад.

В то же время нельзя не заметить, что в Брюсселе создана сеть представительств церквей при европейских организациях и налажены хорошие связи с учреждениями ЕС. Это позволяет церквям оказывать влияние на деятельность Евросоюза, особенно в ситуации, когда европейские институты настроены на совместную содержательную работу с религиозными организациями.

ГЛАВА 1. ТЕОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ — МИР ФАКТОРОВ, ИНСТИТУТОВ И ИДЕЙ

Прежде всего следует отметить, что ни одна из существующих теорий европейской интеграции не содержит адекватного упоминания о религии. При этом количество теорий продолжает возрастать. Как отмечает Филипп Шмиттер, «не проходит и года, чтобы не появился учёный, создавший новую теорию и, что ещё более удивительно, сумевший при этом убедить других учёных издать коллективный труд в поддержку своих идей» [55, с. 45].

Растущее число теорий (или того, что называют теориями, хотя не во всех случаях научные разработки соответствуют данному определению) европейской интеграции неизбежно ставит перед исследователями ряд дополнительных вопросов. Прежде всего, возникает проблема выбора наиболее точных и логически завершённых теорий. Трудности также появляются из-за того, что новые теории зачастую представляют собой незначительные модификации уже существующих. Тем не менее, среди большинства исследователей сложилось мнение, что наиболее точно и объективно основные аспекты европейской интеграции объясняют три теории: неофункционализм, либеральный межправительственный подход и социальный конструкционизм. Впрочем, анализ трёх основных теорий будет неполным, если мы обойдём вниманием федерализм, без которого невозможно составить объективное представление о европейской интеграции.

1.1 Федерализм и европейская интеграция

Мнение, что федерализм стоял у истоков интеграции, заслуживает особого внимания. Действительно, идеи федерализма разделяли многие из тех, кто инициировал интеграционные

процессы (сам федерализм появился за несколько десятилетий до начала европейской интеграции). В 1941 году Алтьеро Шпинелли и Эрнесто Росси заявили, что все «многочисленные проблемы» европейского континента «найдут своё разрешение в европейской федерации» [56, с. 5]. Уинстон Черчилль, буквально через год после окончания Второй мировой войны, заметил: «Мы должны построить нечто вроде Соединённых Штатов Европы. Только таким образом сотни миллионов тружеников смогут снова обрести простые радости и надежды, ради которых стоит жить» [57, с. 8—9]. Роберт Шуман, защищая идею создания Сообщества угля и стали, заявил: «Данное предложение приведёт к созданию первого прочного основания европейской федерации, которая неотделима от сохранения мира» [58, с. 14]. Жан Моне в своей инаугурационной речи в качестве президента Высого совета, обратил внимание на федеративный характер Европейского сообщества угля и стали [59, с. 43].

И хотя происхождение идей федерализма остаётся дискуссионным, в данном контексте сложно не учитывать роль религиозного фактора. Как отмечает Лоулин, «федералисты <...> были вдохновлены учением Римско-католической церкви» [60, с. 142]. Действительно, католическая церковь традиционно выступала за единение среди европейцев, оппонировав национальным государственным образованиям (как светским, так и протестантским). Известный федералист (и одна из ключевых фигур интеграционного проекта) Конрад Аденауэр был привержен христианскому видению Европы. В этом ключе логично выглядело заявление Христианского социального союза Баварии, сделанное в 1946 году: «Европа — это наднациональное сообщество среди семьи народов. Мы поддерживаем создание европейской конфедерации для общего сохранения и продолжения *христианской* западной культуры (курсив наш. — С. М.)» [61, с. 622].

Без возникновения федерализма и, более того, без христианского видения федерализма объединение Европы было бы более сложным, если вообще не невозможным делом. Лоулин считает, что именно послевоенная открытость идеям федеративной Европы способствовала успешной реализации проектов, инициированных

отцами-основателями Европейского сообщества — Шуманом и Моне [62, с. 143]. Так называемый «метод интеграции Моне» предполагал «постепенно нарастающую зависимость», когда политическое созидание Европы становится зависимым от «совокупных, в основном функциональных, экономических достижений» [63, с. 2—3]. При этом в качестве конечной цели провозглашалось создание федерации.

И хотя метод интеграции Моне был более успешен в теории, чем на практике, в 1980-е годы федерализм обрёл второе дыхание. Как отмечал Бёджесс, «федеративные идеи внесли свой вклад в юридическую, политическую и конституционную эволюцию Европейского сообщества, в создание Европейского союза в Маастрихте» [64]. Всё большее число исследователей заявляет, что Европейский союз приблизился к стадии конфедерации (или даже федерации). Как подчёркивает Элазар, «в мире появились новые конфедерации, такие как Европейский союз, объединяющие федерации (Германия), союзы (Великобритания) и унитарные государства (Франция) с помощью федеративных механизмов нового стиля» [65, с. 16]. Рэй Козловски утверждает, что «Маастрихтский договор по меньшей мере трансформировал конфедерацию де-факто (Европейское сообщество) в формальную конфедерацию — Европейский союз. Некоторые исследователи пошли ещё дальше, считая, что Евросоюз — это зарождающаяся федерация, что, в значительной степени, было подтверждено созданием валютного союза» [66, с. 568].

Вместе с тем федерализм в большей степени сохраняет черты цели или идеи, нежели полноценной теории. Даже выдающиеся федералисты прошлого, например Жан Моне, использовали, в значительной мере, функционалистские рассуждения и умозаключения. Для них было очевидно, что процессы интеграции шли в соответствии с функциональной логикой, развивались в технократическом, а не в идеалистическом политическом оформлении. Неофункционализм легко вытеснил федерализм, как только стало понятно, что оптимистические прогнозы 1940-х годов о создании европейской федерации не оправдались. Теория неофункционализма смогла привлечь пристальное внимание академических кругов.

1.2 Неофункционализм

Оценивая развитие неофункционализма, следует упомянуть, что данная теория появилась на самых ранних этапах европейской интеграции, когда надежды и ожидания участников интеграционных процессов были отличны от ожиданий, сформировавшихся спустя несколько десятилетий. Поэтому фундаментальное произведение Эрнста Хааса «Объединение Европы», впервые опубликованное в 1958 году, является, пожалуй, наиболее успешной на тот момент попыткой осуществить критический анализ развития событий в Европе в 1950—1957 годах. Наиболее важные моменты работы сводились к следующему. Во-первых, Хаас отверг федералистское объяснение интеграции, довольно популярное в его время. Рассуждая об интересах и ценностях основных участников интеграционного процесса, Хаас говорил, что они «слишком сложны для того, чтобы сводить их к простым категориям вроде “желание франко-германского мира” или “воля к объединённой Европе”» [67]. Во-вторых, Хаас был серьёзно настроен на то, чтобы говорить о возможном создании единого европейского государства. Наконец, развивая свою теорию, он утверждал, что процесс интеграции неизбежно повлечёт за собой изменение ценностей и интересов «в терминах региональной, а не чисто национальной ориентации» [68].

Модель интеграции Хааса заключается в следующем. Происходит так называемое «смещение лояльности» (по направлению к наднациональным структурам), которое, тем не менее, «не обязательно предполагает немедленное отрицание национального государства или правительства» [69]. Более того, национальные группы могут даже прибегнуть к «наднациональным агентствам и процедурам» для достижения своих целей, блокируемых или сдерживаемых на национальном уровне. Таким образом, как следует из теоретических положений Хааса, наднациональный орган, особенно если он в состоянии обеспечить адекватную степень лояльности национальных групп, может проводить свою собственную политику, во многом независимую от национальных правительств.

Идеи Хааса были дополнены Леоном Линдбергом, который, через пять лет после выхода «Объединения Европы», опубли-

ковал свой труд «Политическая динамика европейской экономической интеграции». Линдберг не только дополнил Хааса, но и развил его концепцию «спилловер» (эффект избытка), заключающуюся в том, что интеграция в одном секторе является причиной начала интеграции в другом секторе. Как подчёркивает Линдберг, «мы сформулируем это следующим образом: первоначальная передача власти (полномочий) центральным институтам создаёт ситуацию или серию ситуаций, с которыми можно справиться только путём дальнейшей передачи власти или полномочий. Эффект избытка предполагает развитие такой ситуации, в рамках которой способность государства-члена [сообщества] достичь поставленной цели может зависеть от достижения другим государством одной из поставленных целей» [70, с. 10].

Как неофункционалист, Линдберг внёс большой вклад в анализ деятельности наднациональных учреждений, которые он называет «центральными». По его мнению, центральные учреждения способны обрести значительные законотворческие полномочия [71]. Кроме того, Линдберг говорит об экономических группах, которые, с одной стороны, подвержены влиянию интеграции, с другой — пытаются использовать интеграцию для достижения собственных целей. Эти группы, как подчёркивает Линдберг, могут формировать ассоциации, действующие на панъевропейском уровне независимо от национальных правительств. По мнению Линдберга, Европейская комиссия «поощряла развитие этих групп, активно при этом их поддерживая» [72]. Возможно, это делалось для того, чтобы создать сильные и эффективные инструменты, необходимые для давления на национальные правительства.

Созданная Хаасом и Линдбергом теория просуществовала недолго: уже через десять лет после выхода своей книги Хаас заявил об её «устаревании». Теория, по словам её автора, оказалась не в состоянии объяснить «значительные изменения в европейском обществе и политическом стиле, которые происходили одновременно с интеграционными процессами, но автономно от них» (курсив авт. цит. — Э. Х.) [73]. В итоге Хаас модифицирует свою теорию, пытаясь найти новые, более уместные и объективные объяснения изменений, происходивших на европейском пространстве.

Хаас признал, что сугубо прагматичные интересы нельзя считать непреложными движущими силами интеграции, но это не повлекло за собой развитие идеологических и философских аспектов теории. Как подчеркнул Хаас, деятели (участники) в Западной Европе довольно индифферентны к таким доктринам, как «марксизм, экзистенциализм, христианский персонализм, культурный национализм или либерализм минимального вмешательства в экономику» [74]. Вместо развития философско-идеологической составляющей своей теории, Хаас разрабатывает концепцию «турбулентных полей» и «соединения фрагментарных моментов», которая создаёт видимость, но не реальность кардинальных изменений теории. Более того, рассуждения Хааса о «возможных результатах» интеграции (в краткосрочный или среднесрочный период) ставят под удар его прогностические способности: «не будет ни европейской федерации, ни политического союза даже конфедеративного типа, ни экономического и валютного союза, напоминающего федеральное управление таможенным союзом» [75].

Тем не менее, невзирая на недостатки неофункционализма, его полного исчезновения не произошло. Неофункционализм проявляется в новых модификациях и формах. Как подчёркивает Бен Розамонд, «неофункционализм показал завидные качества стойкости и возрождения в последние годы» [76, с. 50]. Ряд исследователей, хотя и не декларирующих своей приверженности неофункционализму, теоретизируют в полном или значительном соответствии с неофункционалистской логикой. К примеру, Дональд Пучала, представляя систему конкорданса, признаёт, вполне в духе неофункционализма (особенно если сравнить с концепцией турбулентных полей Хааса), что «важными участниками [интеграции] являются не одни только национальные правительства. Фактически наиболее сложные Конкордансные Системы могут включать участников в четырёх организационных сферах: субнациональной, национальной, транснациональной и наднациональной» [77, с. 278].

Вэйн Сандхолтз и Джон Зисман используют неофункционалистскую логику для анализа одного из ключевых событий интеграционного процесса — Договора о Европейском союзе.

Говоря о причинах, которые вынудили европейцев «пересмотреть экономические цели и интересы, а также средства, необходимые для их достижения», они указывают на «сдвиги в связанных друг с другом технологических, индустриальных и экономических мощностях (возможностях)» [78, с. 96]. И хотя авторы принимают во внимание кардинальное изменение геополитической ситуации (перемены в СССР, благодаря которым Советский Союз перестал восприниматься на Западе в качестве угрозы), для них власть (полномочия) европейских учреждений играют главную роль. Действительно, как подчёркивают Сандхольц и Зисман, «1992 год стал возможен благодаря тому, что институции Европейских сообществ, особенно Комиссия, сумели эффективно сыграть роль лидера в определении политики». Именно Европейская комиссия, при помощи бизнес-структур, «смогла мобилизовать коалицию правительственных элит, которая благосклонно относилась к общей цели унификации рынка». По сути, европейские учреждения взяли на себя функции политических игроков [79].

Тем не менее, невзирая на рост числа сторонников обновлённых (или обновляемых) версий неофункционализма, в этой теории по-прежнему сохраняются субъективные и алогичные черты. Так, говоря о «социальных движениях и ассоциациях, объединяющих группы по интересам», влияющим на процесс интеграции, неофункционалисты сводят их к экономическим субъектам, исключая из этого списка религиозные организации и объединения, преследующие политические цели. Столь узкоориентированный прагматизм представляется не до конца обоснованным и в чём-то даже ущербным.

Тем не менее, именно неофункционализм вдохновил ещё одного учёного, который попытался создать последовательную теорию, способную, по его словам, объяснить всю историю европейской интеграции — от Мессины до Маастрихта. Либеральная межправительственная теория является личным изобретением профессора Гарвардского университета Эндрю Моравчика и занимает важную нишу в ряду основных теорий европейской интеграции.

1.3 Либеральная межправительственная теория

Либеральная межправительственная теория (ЛМТ), как подчёркивает Франк Шиммельфенниг, является теорией одного автора — Эндрю Моравчика, — которому так и не удалось собрать вокруг себя группу учеников [80, с. 75]. Тем не менее, Моравчик, опубликовавший в 1998 году фундаментальную работу «Выбор для Европы», отстаивает выдвинутые им идеи с высокой степенью уверенности в своей правоте. Действительно, объяснения Моравчиком европейской интеграции выглядят ясными и убедительными, с адекватным эмпирическим материалом. Даже критики Моравчика (например, Фритц Шампф) признают: «Это [«Выбор для Европы»] очень хорошая книга. Её эмпирические главы настолько богаты на хорошо документированные детали и пронизательные интерпретации, что их внутренняя ценность намного превосходит ту функцию, которая проявляется в поддержке или опровержении немногих и, в какой-то мере, неубедительных гипотез, которые они (главы) должны подвергнуть проверке» [81, с. 167].

Как подчёркивает Моравчик, ключевые положения его теории сводятся к следующему: «Европейская интеграция стала следствием серии рациональных выборов, сделанных национальными лидерами, которые последовательно отстаивали экономические интересы — главным образом коммерческие интересы могущественных экономических производителей, а также макроэкономические предпочтения правящих коалиций. Последние, в свою очередь, медленно эволюционировали в ответ на структурные изменения в глобальной экономике» [82, с. 3].

Экономические интересы, находящиеся в центре теории Моравчика, отодвигают на второй план другие факторы, которые, в принципе, могли бы также считаться значимыми для процесса европейской интеграции. Моравчик, отвергая построения неофункционализма, подвергает особой критике концепцию, в соответствии с которой наднациональные учреждения являются движущей силой процесса интеграции. Как говорит автор «Выбора для Европы», «процесс интеграции не вытеснил и не нарушил политическую волю национальных лидеров; на самом деле он

явился отражением их воли» [83]. Высокая степень последовательности в теории Моравчика просматривается в его оценках ключевых моментов интеграции. Так, оценивая Римский договор, он отмечает: «В то время как основная часть литературы, посвящённая переговорам по заключению Римского договора, предполагает, что такие мотивы, как геополитические реалии, наднациональная деятельность, технократические или идеологические мотивы были решающими, я полагаю, что есть весомые доказательства, что гораздо большую роль сыграли коммерческие интересы... Существующие исследования (особенно касающиеся Великобритании) значительно недооценивают, каким образом на национальную политику влияло желание поддерживать (продвигать) экспорт» [84].

Анализируя поведение членов Европейского экономического сообщества в части, касающейся сельскохозяйственной политики, Моравчик также ставит на первое место экономические аргументы. По его мнению, геополитические предложения были модифицированы тогда, когда было необходимо получить внутреннюю политическую поддержку и оказать давление для достижения экономических целей [85]. Точно так же, оценивая Единый европейский акт (1986 год), сторонники межправительственного подхода утверждают, что он стал следствием требований бизнес-элиты. Геополитические мотивы также имели значение, однако «экономические интересы преобладали в том плане, что ни одно из ведущих правительств <...> не желало жертвовать значительными экономическими интересами ради идеологически желательной интеграции» [86].

Наконец, в ЛМТ подвергнуто сомнению общепринятое объяснение Маастрихтского соглашения. Признавая значение таких факторов, как объединение Германии, формирование повестки дня чиновниками из наднациональных структур и идеологию федерализма, Моравчик в то же время утверждает, что национальные предпочтения были, главным образом, обусловлены «устойчивыми структурными экономическими интересами стран с сильной и слабой валютой» [87]. По мнению Моравчика, маастрихтские переговоры стали своеобразным возрождением «межправительственного стиля» и в то же время подчеркнули

неэффективность попыток договориться на наднациональном или транснациональном уровне [88].

Безусловно, желание Моравчика поместить экономические интересы в центр процесса европейской интеграции вызывает немало вопросов. Во-первых, должны ли мы предположить, что эти интересы подчиняют себе все прочие и во всех случаях? Во-вторых, действительно ли их доминирование является всеохватным? В-третьих, как можно объяснить в сугубо экономических терминах расширение ЕС 2004 и 2007 годов, в котором, как известно, политические и идеологические факторы сыграли значительную роль? Наконец, если мы признаем, что процессы интеграции нельзя объяснить в сугубо экономических плоскостях, следует определиться, какое значение необходимо придать неэкономическим факторам.

Не удивительно, что либеральный межправительственный подход подвергается серьёзной критике. Моравчика, в частности, обвиняют в том, что он «фокусирует внимание лишь на британской, французской и германской политике», полагаясь при этом на не совсем надёжные факты [89, с. 156, 158]. По мнению Капорасо, Моравчик также необъективен в выборе конкретных примеров, поскольку они целенаправленно подобраны для подтверждения выдвинутых им гипотез [90]. Более того, ряд исследователей прямо выражает сомнение в том, что процесс интеграции имеет сугубо экономическую мотивацию, предпочитая видеть за ним политико-экономические причины [91].

Правда, Моравчик признаёт, что «всегда очень разумно помнить, что в мире гораздо больше сложного, чем можно передать в рамках одной теории» [92, с. 672]. При этом Моравчик соглашается с тем, что мир идей тоже имеет значение, хотя, конечно, не настолько большое, как мир заводов, банкнот и трубопроводов. Как он подчёркивает, «в том понимании интеграции, что сложилась в либеральном межправительственном подходе, роль идей присутствует, но не является центральной» [93].

В любом случае, учитывая жёсткость и однозначную экономическую ориентацию теории Моравчика, даже такое признание играет существенную роль. Оно позволяет сделать шаг в сторону подхода, в котором идеи, нормы и ценности превалируют над

миром бесстрастных экономических и технократических механизмов, затмевающих человеческий фактор. Не стоит забывать, что именно живые люди — с их ценностями, предпочтениями и интересами стоят за многочисленными и многообразными аспектами европейской интеграции. Более того, как подчёркивают Рисс и Вьенер, «наше понимание материальных интересов — это лишь наши “идеи” о наших материальных интересах» [94, с. 779]. Забывать о них — значит ещё больше удаляться от реальности.

Закономерно в этой связи, что для более предметного анализа интеграции необходима теория, учитывающая человеческий фактор. Недаром Моравчик соглашается с тем, что «даже самые материалистические объяснения европейской интеграции <...> признают важную второстепенную роль идей» [95]. И если мы обратимся к менее материалистическим объяснениям, то сможем обнаружить подходы, в которых идеи играют перво-степенную роль. Речь, прежде всего, идёт о теории социального конструкционизма.

1.4 Социальный конструкционизм

Как было подчёркнуто в предыдущих разделах, в 1990-е годы стало очевидно, что наиболее популярные теории европейской интеграции не учитывают ряд значимых моментов. Действительно, появление в лексиконе политологов, социологов и экономистов термина «Европейский союз» (тем более, что союз зачастую характеризовали как зарождающееся государство) продемонстрировало, что анализ интеграционных процессов не может сводиться только к рассмотрению роли наднациональных институтов или национальных правительств, движимых исключительно экономическими интересами. Конечно, сложно отрицать значимость неофункционализма в 1950-е годы и значение либерального межправительственного подхода в период до расширения ЕС 2004 и 2007 годов и дебатов о тексте Европейской Конституции. Нельзя в полной мере исключать значимость указанных выше теорий и сейчас: они в состоянии объяснить значительную часть событий в процессе интеграции.

Проблема, однако, заключается в том, что их объяснение является неполным и зачастую игнорирует важные факторы европейской унификации.

Факторы, на которые обращают незначительное внимание неофункционалисты или межправительственники, в большей мере учитываются одной из новых теорий интеграции — социальным конструкционизмом. По мнению конструкционистов, попытка объяснить интеграцию (особенно после заключения Маастрихтского соглашения 1992 года), игнорируя при этом социальные институты и социальный контекст, является ошибочной [96]. Конструкционисты подчёркивают, что их теория «особенно хорошо подходит для исследования европейской интеграции». Они, в частности, отмечают следующее: «Европейская интеграция претерпела определённые изменения, а потому имеет смысл предположить, что идентичность её участников, а также их интересы и поведение тоже изменились. Эти аспекты изменений могут быть изучены в рамках конструкционистского подхода, но они остаются в большей степени невидимыми в тех подходах, которые игнорируют процесс формирования идентичности и/или предполагают, что интересы даются извне» [97].

Вместе с тем нельзя не отметить, что социальный конструкционизм существует в различных вариантах и версиях, т. е. «различных теоретических ориентациях» [98, с. 776]. Довольно сложно говорить о целостном конструкционистском видении европейской интеграции. Мы можем только рассуждать об определённых аспектах и тенденциях, что, конечно, ослабляет позиции конструкционизма, открывая путь для критики со стороны таких учёных, как Эндрю Моравчик.

Тем не менее, говоря об основных тенденциях, можно отметить следующее. Теоретическая составляющая адекватно развита Джеффри Чекелем. Признавая, что «процесс европейской интеграции в большей степени касался интеграции рынков, в которых интересы бизнеса — национальные и транснациональные — играли ключевую роль», и подчёркивая, что бизнес-группы, конечно, отличаются по структуре и целям от «участников гражданского общества — местных НПО [неправительственных организаций], церквей», он отмечает следующее: «Если институциональные

(усиление роли Европарламента) и материально-правовые (юстиция и внутренние дела) инновации Маастрихта и Амстердама продолжают своё развитие, вероятным представляется появление новых участников и новых вопросов политического плана. Более того, нынешние интересы в Брюсселе, Лондоне и других местах в том, чтобы изменить роль ЕС со строго регулятивной до той, которая имеет возможность создавать стандарты и “мягкое законодательство”, играют на руку социальным участникам — таким, как НПО. Дело в том, что НПО наиболее влиятельны именно в деле продвижения таких неформальных практик и норм» [99].

Кроме подхода Чекеля, можно ещё отметить следующие моменты. Томас Диц включает анализ дискурса «в канон подходов к европейским исследованиям», заявляя о «важности языка в процессе европейской интеграции» [100, с. 599, 610]. Рей Козловски пытается привнести использование конструкционизма в анализ федеральных теорий, говоря о том, что «федерализм обеспечивает важный взгляд на европейскую интеграцию», а конструкционизм «помогает переделать федеральные теории для более убедительного анализа ЕС» [101]. Джо Шо предлагает использовать конструкционизм для изучения конституционализма в постнациональном формате ЕС — по её мнению, конструкционизм для этого наиболее приемлем.

Тем не менее ряд исследователей предпринял попытку создать согласованную модель конструкционизма, вбирающую в себя несколько направлений. Как заявили Кристиансен, Йоргенсен и Вьенер, «один из наиболее значимых вкладов конструкционизма заключается в том, чтобы включить влияние норм и идей на конструкцию идентичностей и поведения» [102]. Эти исследователи также полагают, что конструкционизм мог бы оказать влияние на изучение европейской интеграции посредством развития теорий, определения рамок анализа и метатеоретизирования.

Кристиансен, Йоргенсен и Вьенер называют следующие аспекты европейской интеграции, которые, по их мнению, следует включить в рамки конструкционизма. Во-первых, «есть необходимость понять сущность европейского государства (общественного строя) как места социального взаимодействия, регулируемого всё

большим количеством правил» [103]. Во-вторых, следует обязательно использовать значительный потенциал конструкционизма для исследований в области формирования идентичности. Это может, в частности, включать следующее: «во-первых, исследование сущности потенциальной “европейской идентичности”, во-вторых, исследование изменения национальных идентичностей под влиянием процесса интеграции. В-третьих (с учётом сказанного выше), возникает вопрос о плюрализме национальных идентичностей и культур, а также степени, с которой европейская политическая идентичность или политическая культура может быть основана на таком различии» [104].

Безусловно, социальный конструкционизм остаётся, в какой-то степени, в тени неофункционализма и либерального межправительственного подхода. В то же время очевидно, что его вклад помог разорвать порочный круг тех теоретических дебатов, в которых доминировали представители указанных выше теорий. Действительно, в Европейском союзе XXI века так много говорят об идентичности, культуре и негосударственных организациях, что их игнорирование было бы абсурдным. Социальный конструкционизм помогает вывести теоретизирование в области европейских исследований на качественно новый уровень.

1.5 Выводы

Каждая теория европейской интеграции содержит информацию, полезную для адекватного понимания интеграционных процессов в Европе. Представители неофункционализма, либерального межправительственного подхода и социального конструкционизма понимают, что унификация Европы основана на множестве взаимосвязанных факторов, и в ней имеет значение роль наднациональных институтов, экономических игроков, негосударственных субъектов и идей. Наиболее адекватной теорией в настоящий момент является социальный конструкционизм, который учитывает роль идентичности и негосударственных организаций в европейской интеграции.

В то же время социальный конструкционизм не лишён ряда недостатков. В частности, обращая особое внимание на процесс формирования идентичности в Европе и роль неправительственных организаций, социальные конструкционисты игнорируют религию и христианские церкви. Между тем, невозможно исключить религию из процесса формирования идентичности в Европе, особенно если принять во внимание прошлое континента и значительный уровень религиозности в ряде его стран в настоящее время (например, в Польше, Португалии, Хорватии). Необходимо также учитывать, что церкви сохраняют определённое влияние в среде неправительственных организаций, а их способность влиять на процесс принятия решений достаточно высокая.

Таким образом, игнорирование церквей является одним из существенных недостатков социального конструкционизма. Этот недостаток особенно очевиден в настоящее время, при наблюдающемся усилении манифестации религиозного фактора, в том числе среди представителей других континентов и культур, избравших для проживания территорию Европейского союза.

ГЛАВА 2. ИДЕНТИЧНОСТЬ, НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И РЕЛИГИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Как было подчёркнуто в предыдущей главе, обзор существующих теорий европейской интеграции выявляет их некоторую односторонность и субъективизм. Действительно, представители господствующих теорий европейской интеграции обращали основное внимание на материальные факторы как движущие силы процесса интеграции. Для них экономические и финансовые аспекты интеграции были гораздо важнее политико-идеологических факторов, а события на европейском континенте, как ключевые, так и менее важные, были обусловлены, прежде всего, прагматичными интересами участников. Ситуация изменилась только с приходом социального конструкционизма с его неэкономической повесткой дня [105, с. 50].

Конечно, этому способствовали объективные причины. Создание Европейского союза через подписание Маастрихтских соглашений стало ключевым фактором, принёсшим значительные новшества. Об этих нововведениях упоминает Лорен МакЛарен: «С установлением общего гражданства и введением паспорта ЕС, отменой национальных валют, координацией политики в области иммиграции и предоставления убежища, а также созданием европейских вооружённых сил, становится понятным, что интеграция становится всё менее экономически ориентированной по своей сути» [106].

Тем не менее не совсем корректно утверждать, что меньший акцент на экономических процессах при анализе европейской интеграции является абсолютным новшеством. Об этом говорили и раньше — как при рождении интеграции, так и при её дальнейшем «взрослении». Анжелика Шуер отметила, что «одна из главных целей отцов-основателей Европейского союза заключалась в том, чтобы уменьшить конфликт и преодолеть вражду между европейскими обществами путём создания новой превос-

ходящей группы, которая, в конечном итоге, приведёт к развитию европейской идентификации и чувства общей принадлежности» [107, с. 30]. Роберт Шуман был убеждён в том, что «данное образование (Сообщество угля и стали, Евроатом и Экономическое сообщество) не может и не должно оставаться лишь экономическим и техническим предприятием. Ему нужна душа, понимание исторического момента, его настоящей и будущей ответственности, политической воли, стоящей на службе общей идеи» [108, с. 52].

Таким образом, отмечая актуальность подхода социальных конструкционистов, особенно в той части, которая касается идентичности и неправительственных организаций, мы можем обратить на данные вопросы особое внимание. Необходимо определить, каким образом идентичность, неправительственные организации и религия связаны с процессом европейской интеграции.

2.1 Идентичность и европейская интеграция

Концепция идентичности всегда привлекала к себе пристальное внимание академических кругов, поэтому говорить о недостатке литературы, посвящённой данной тематике, не приходится. Основные направления в анализе идентичности сводятся к следующему: во-первых, определяется отличие между различными типами идентичности; во-вторых, ведётся дискуссия о формировании идентичности и о факторах, которые на это влияют. Нельзя также не отметить, что отдельные исследователи отвергают существование идентичности в принципе. Так, Роджерс Брубакер и Фредерик Купер заявляют, что «социальные и гуманитарные науки сдались слову “идентичность”», которая, в реальности «слишком двусмысленна, слишком разделена между “мягкими” и “жесткими” значениями, сущностными содержаниями и конструкционистскими определителями» [109, с. 1—2].

И хотя такая точка зрения не является доминирующей, сам факт её существования подчёркивает сложность дебатов, которые ведутся вокруг идентичности.

Использование идентичности при анализе европейской интеграции можно развивать в следующих направлениях. Поскольку

Европейский союз — это ассоциация независимых государств, мы можем принимать во внимание концепцию национальной идентичности. Если о ЕС говорят как о формирующемся европейском государстве, следует включить в повестку дня концепцию европейской идентичности. Наконец, нельзя забывать о проблеме взаимодействия национальной идентичности с европейской. Полагаем, имеет смысл начать анализ с национальной идентичности как таковой.

2.1.1 Национальная идентичность

Различные аспекты национальной идентичности адекватно описаны в работах ряда зарубежных учёных. Так, Дэвид Миллер указывает на пять основных характеристик национальной идентичности. Во-первых, индивид, заявляющий о своей принадлежности к определённой нации, предполагает, что люди, принадлежащие к той же нации, разделяют его взгляды и убеждения. Во-вторых, Миллер подчёркивает, что национальная идентичность «олицетворяет историческую целостность (непрерывность)». Третий аспект национальной идентичности заключается в том, что она является активной. «Нации — это сообщества, которые вместе работают, принимают решения, достигают поставленных целей и т. д.». В-четвёртых, национальная идентичность «соединяет группу людей с географически определённым местом». Наконец, как пишет Миллер, «национальная идентичность требует того, чтобы люди, которые её разделяют, имели бы нечто общее — ряд черт, которые в прошлом часто называли “национальным характером”, но которые я предпочитаю описывать как общую национальную культуру». В определение общей национальной культуры Миллер заложил политические принципы и «социальные нормы, такие как честность в уплате налогов». Кроме того, Миллер отмечает, что идентичность «может также включать определённые культурные идеалы, например, религиозные верования или приверженность к сохранению чистоты национального языка» [110, с. 23—26].

Следует заметить, что включение культуры и религиозных верований в концепцию национальной идентичности не является

единоличным изобретением Миллера. Мнение учёного разделяют другие исследователи. Так, Патрик Митчелл считает, что национальная идентичность «включает убеждения о нации, её происхождении, её предназначении и взаимоотношениях с другими нациями. По этой причине она становится видимой посредством изучения общих видимых характеристик нации; её мифов, культуры, территориальных ассоциаций, символов, ритуалов и определённом месте в содружестве наций» [111, с. 48]. Карина Коростелина утверждает, что «национальная идентичность состоит из многочисленных аспектов и параметров: политических, территориальных, экологических, этнических, социальных, религиозных» [112]. Джон Байлс и Пол Спунлей подчёркивают, что «религия, возраст и пол встречаются повсюду как три маркера идентичности, которые отражают формирование и сущность национальных идентичностей» [113, с. 192]. Эйлса Хендерсон и Никола МакЭвен, рассуждая о роли ценностей в конструкции и развитии национальной идентичности, утверждают, что «дискурс общих ценностей может сам по себе и не создавать национальной идентичности... Тем не менее, дискурс общих ценностей может играть определённую роль в поддержании и придании формы национальной идентичности. Общие ценности могут придавать значение коллективному измерению национальной идентичности...» [114, с. 177].

Впрочем, ценности не только придают идентичности дополнительный смысл — они также играют определённую роль в процессе формирования идентичности. Безусловно, формирование идентичности — это многоуровневый процесс, включающий в себя исторические обстоятельства, особенности этнических отношений, определённую мифологию нации и даже намеренные действия властей. Тем не менее, сложность структуры не заслоняет собой ценности, поскольку именно ценности придают формированию идентичности особые черты. Как объясняет Дэвид Миллер, «мы всегда начинаем с ценностей, которые были привиты нам сообществами и институтами, к которым мы принадлежим: семьёй, школой, церковью и т. д. Когда нам необходимо поразмышлять над этими ценностями, мы обнаруживаем, что некоторые из них мы уже не разделяем, а между другими находим противоречия. Наконец, мы достигаем такого состояния,

когда выдвинутые к нам требования сбалансированы, и установлена наша собственная шкала предпочтений между различными ценностями. Именно в этот момент формируется наша особая идентичность» [115].

Тем не менее, признавая тот факт, что религия и ценности являются параметрами национальной идентичности и даже влияют на процесс её формирования, мы не можем заявлять об их ведущем характере. Более корректно говорить о различной степени их веса и влияния, которые зависят от особенностей исторического развития конкретной территории и роли религиозных идей в обществе. Очевидно, что вес и влияние данных параметров меняется: как в сторону увеличения, так и уменьшения. Следовательно, церкви могут проявлять заинтересованность в усилении религиозного параметра национальной идентичности. И хотя конкретный вклад церквей в формирование идентичности зависит от степени влияния церкви в данном обществе, сам факт существования данного вклада предполагает наличие специальной функции для церквей — функции формирователей идентичности.

2.1.2 Европейская идентичность

Бенуа Шаллан подчёркивает, что в процессе европейской интеграции произошло смещение от восприятия Европы как географической зоны к Европе как политическому проекту, в рамках которого были собраны государства, желавшие расстаться с частью суверенитета в пользу наднациональных структур. Он замечает, что «в этих сложных процессах появилась европейская идентичность, отличная (а порой также конфликтующая) с национальной идентичностью» [116]. Шаллан утверждает, что защитники идеи европейской идентичности говорят о самых различных её основаниях, включая общий исторический опыт, наследие просвещённой рациональности и общая религиозная идентификация.

Шаллан акцентирует внимание на том, что европейская идентичность, по мнению Шора и Страта, — это недавнее изобретение, причём продвигаемое европейской элитой. Попытка её сведения к религиозным характеристикам является отражением

восприятия той угрозы, которая в настоящее время усматривается в исламе и, конкретно, в мусульманской Турции, стремящейся войти в состав ЕС [117].

Концепция европейской идентичности, невзирая на то, что она гораздо моложе концепции национальной идентичности, получила определённое признание ещё до прихода социального конструкционизма с его неэкономическими подходами к интеграции. Филипп Шлезингер, цитируя один из абзацев Зелёного доклада Европейской комиссии «Телевидение без границ» (опубликованного в 1984 году), подчёркивает: «Европейская унификация будет достигнута, если этого захотят европейцы. А европейцы этого захотят только в случае появления такого параметра, как европейская идентичность» [118, с. 220]. В согласии с указанным выше мнением Сеан Кэрей отмечает: «В 2001 году Европейская комиссия опубликовала Белый доклад о европейском управлении, в котором было подчёркнуто усиление “европейской идентичности и важности общих ценностей в рамках Европейского союза”» [119]. Возможно, это было связано с тем фактом, что «существуют нормативные предположения, что создание европейской идентичности приведёт к возрастающей общественной поддержке интеграции» [120].

Что касается теоретического обоснования существования европейской идентичности, то и здесь разброс мнений достаточно велик. Так, некоторые учёные не признают её существование в качестве единой и целостной концепции, предпочитая вместо этого говорить о существовании многогранного объекта. К примеру, Брутер, которого цитируют в своей статье Капорасо и Ким, делает различие между гражданским компонентом европейской идентичности (относимым к ЕС) и культурным (который относится к Европе в целом) [121]. Более предметный анализ второго компонента ставит на повестку дня вопрос о границах Европы, а также о том, являются ли эти границы географическими или культурными. В зависимости от ответа на этот вопрос можно говорить о дальнейшем развитии культурного компонента, который, при некоторых условиях, может даже совпадать с гражданским. Как подчёркивают Франц Майер и Ян Палмовски, «поскольку некоторые идентичности даны, нетрудно

аргументировать, что европейская идентичность существует только благодаря одному лишь географическому и историческому положению Европы (Wintle, 2000). Каждая индивидуальная и коллективная составляющая идентичностей выражается в европейском контексте. Она определяется через сочетание культурных, религиозных, экономических и идеологических факторов» [122].

Майер и Палмовски настаивают также на отсутствии такого явления, как европейская историческая идентичность. По их мнению, европейские учреждения смогли сформировать свой уникальный облик и «служат в качестве общей точки обращения для жителей ЕС». Более того, «европейские учреждения сами могут стать носителями европейского исторического мифа» и даже «могут рассматриваться как яркие выразители “новой” европейской идентичности после 1945 года». Таким образом, мы получаем возможность заявить, что европейские учреждения приобрели собственную идентичность, которая сделала их «отличной от других, национальных или культурных идентичностей» [123].

В настоящее время процесс формирования европейской идентичности сохраняет ряд противоречий. Причём речь идёт не только о тех случаях, когда исследователи полностью отрицают существование европейской идентичности. Причина заключается в несколько расплывчатой, нечёткой ситуации с европейской идентичностью, которая часто кажется лишь желательной (а не реальной) и необходимой для успешного течения процесса европейской интеграции. Судя по всему, у европейских учреждений есть собственные, специфические интересы в сфере формирования идентичности, предполагающие поддержку и укрепление общей идентичности.

Тем не менее, даже если согласиться с мнением, что сущность европейской идентичности остаётся непрочной, а естественный характер её формирования сомнительным, мы всё равно не сможем исключить определённый уровень влияния европейской идентичности в рамках ЕС. Более того, если суммировать наличие определённых интересов европейских учреждений с некоторыми традиционными параметрами формирования идентичности (язык, этнос, культура, религия и т. п.), то присутствие и влияние европейской идентичности станет ещё более выраженным и заметным.

2.1.3 Европейская и национальная идентичность

Взаимодействие европейской и национальной идентичностей — это постоянно идущий процесс, который продолжается по мере развития европейской интеграции. Существуют следующие оценки возможных результатов взаимодействия. Во-первых, высказывается мнение, что формирование целостной европейской идентичности достигается путём слияния национальных идентичностей. При этом сторонники более радикального подхода утверждают, что «интеграция, похоже, угрожает национальной идентичности, так как стремится к уменьшению националистических мотивов» [124].

Второй подход, описанный Лаурой Крэм, просматривается в концепциях тех учёных, которые признают, что ЕС способствует многообразию национальных идентичностей. Как подчёркивает Крэм, «европейская интеграция совсем не обязательно ведёт к слиянию национальных идентичностей или к развитию однородной идентичности Европейского союза, которая бросает вызов или конкурирует с лояльностью национальным интересам. Конечно, это не означает, что идентичность Европейского союза никогда не будет представлять угрозы существующим идентичностям (или всегда поддержит выражение особых территориальных идентичностей), но свидетельствует о том, что это совсем не обязательно должно произойти» [125, с. 115].

Наконец, можно обратить внимание на третий подход, предлагаемый Томасом Риссом, который выдвигает теорию о мирном сосуществовании европейской и национальной идентичностей: во-первых, через концепцию вложенных идентичностей, когда одна скрывается под другой, наподобие фигурок матрёшки. Во-вторых, через концепцию перекрёстных идентичностей, когда некоторые члены одной категории идентичностей являются также членами другой. В-третьих, Рисс говорит о концепции «мраморного» пирога, в которой «внимание акцентируется на том, каким образом национальные и культурные дискурсы, включая конструирование исторической памяти, соотносят Европу и национальное государство друг с другом» [126, с. 490—491].

Таким образом, указанные выше подходы, сформулированные Крэм и Риссом (их можно назвать негативными, позитивными и нейтральными), отражают наиболее вероятные результаты взаимодействия европейской и национальной идентичностей. Акцентирование внимания на одном из результатов приносит определённые политические и идеологические последствия, укрепляя позиции сторонников или противников интеграции. Кроме того, продолжающийся процесс взаимодействия между идентичностями вовлекает всё большее число участников, включающих европейские учреждения, национальные правительства, европейские и национальные негосударственные субъекты. Многочисленные субъекты гражданского общества приносят свой вклад в процесс формирования идентичности. Этот вклад существует наряду с их специфической вовлечённостью в процесс интеграции, речь о которой будет идти в следующем разделе настоящей главы.

2.2 Негосударственные субъекты и европейская интеграция

Негосударственные субъекты могут считаться участниками процесса европейской интеграции. Это мнение разделяют представители неофункционализма и социального конструкционизма. Сторонники либерального межправительственного подхода выражают иную точку зрения, выдвигая на первый план национальные правительства, движимые экономическими интересами.

В стандартное определение негосударственных субъектов включают различные группы: частные компании, политические и религиозные группы, общественные объединения [127, с. 57]. Значит, негосударственные субъекты могут преследовать разнообразные цели — от финансово-экономических до нравственных и идеологических, причём эти цели зависят от сущности субъектов. Софи Хубер и Катрин Милзов, говоря о важности изучения роли негосударственных субъектов в процессе европейской интеграции, замечают, что «принятие во внимание негосударственных субъектов» поощряет «заимствование из других дисциплин таких концептуальных аспектов, как идентичность, социализация, или общественная сфера» [128, с. 7—8].

Дирк Йарр объясняет возрастающее влияние негосударственных субъектов тем, что «деятельность правительств достигла, во многих отношениях, предела своих возможностей, а потому <...> новые субъекты вступили на сцену глобального и регионального развития» [129]. Он также подчёркивает, что «сложность и техническая детализованность» различных вопросов, возникающих перед Евросоюзом, требует от наднациональных учреждений взаимодействия не только с правительствами, но и с рыночными силами и организациями гражданского общества. Йарр полагает, что в такой сложной и многоуровневой системе, какой является Евросоюз, неправительственные организации смогли значительно усилить свой вес и влияние, поскольку они «явно переключились с работы в рамках различных проектов на систематическое лоббирование и стали серьёзно вмешиваться в политику и процесс принятия решений» [130].

Холли Йарман, цитируя Брайана Хокинга, утверждает, что причина, по которой Европейская комиссия инициировала диалог с негосударственными субъектами, объясняется желанием усилить свою легитимность (поскольку комиссия не избирается населением), а также желанием использовать те экспертные знания, которыми данные субъекты могут обладать. В качестве примера Йарман говорит о влиянии негосударственных субъектов в области торговой политики [131, с. 27].

Конечно, было бы неверно утверждать, что роль неправительственных субъектов равнозначна весу и влиянию министерств и кабинетов министров. Тем не менее негосударственные субъекты могут использовать (или пытаться использовать) правительства своих стран для продвижения собственных интересов на общеевропейском уровне. Действительно, умение лоббировать на национальном уровне может воплотиться в принятие (или блокирование) определённого решения на наднациональном уровне. С другой стороны, здесь сложно не ожидать появления большего количества трудностей: в связи с возрастанием числа стран — членов ЕС со всё более усиливающимся желанием негосударственных субъектов продвигать свои интересы через национальные властные структуры.

Как следствие, негосударственные субъекты более активно практикуют прямое лоббирование учреждений Евросоюза,

в особенности Европейской комиссии. Отчасти это оказалось возможным благодаря тому, что европейские институты стали более открытыми для негосударственных субъектов. Кроме того, неправительственные субъекты приобрели новые знания и опыт, позволяющие им объединяться в коалиции для достижения поставленных целей. Прямое давление на европейские учреждения, как правило, малоэффективно; поэтому негосударственные субъекты более активно осваивают тактику закулисных переговоров, пытаясь убедить тех, кто полномочен принимать решения, в полезности своих предложений.

Ещё раз подчеркнём: негосударственные субъекты не взяли на себя функции национальных правительств. Но их видимость и влияние присутствия стали неоспоримым фактом. В какой-то мере процесс европейской интеграции превратился в поле битвы, на котором различные силы сражаются для того, чтобы достичь видимой для них победы. Причём растущее культурное, религиозное и политическое многообразие ЕС придаёт сражению ещё больше сложности и непредсказуемости. Очевидно, что европейская повестка дня непредставима сейчас без присутствия негосударственных субъектов, — так же, как она была невозможна без присутствия национальных правительств несколько десятилетий назад.

2.3 Церкви и европейская интеграция

Признание того факта, что негосударственные субъекты и идентичность имеют непосредственное отношение к процессу европейской интеграции являются достаточным основанием для развития дальнейшей аргументации данной главы. Действительно, мы можем сейчас сконструировать модель, отражающую место и роль церквей в европейской интеграции. В данную модель включены следующие составляющие: церкви как участники формирования идентичности и церкви как негосударственные субъекты.

Вклад церквей в формирование национальной и европейской идентичностей можно обнаружить на различных стадиях данного процесса. Как подчёркивает Золт Эниэди, «национальная иден-

тичность, особенно на периферии Европы, часто строится вокруг религиозных ценностей и связана также с существующими режимами церковно-государственных отношений. Церкви обеспечивают ритуалы, единство и идентичность для государственного строительства даже в современном мире» [132].

Следует обратить внимание на следующие моменты. Согласно одному из них, церкви могут вносить непосредственный вклад в процесс формирования идентичности, особенно в тех регионах, где религия по-прежнему является важной составляющей повседневной жизни. Этот вклад определяется особенностями исторического развития Европы, которое невозможно представить без присутствия христианства.

И хотя другие религии (иудаизм и ислам) тоже присутствовали на европейском континенте, христианство на протяжении многовековой истории сохраняло статус наиболее могущественной и влиятельной веры. Христианство внесло значительный вклад в формирование европейской культуры, литературы и науки, причём в монастырях велись научные исследования и был организован процесс обучения. Христианская архитектура стала неотъемлемой частью европейских городов. В одном из заявлений Священного Синода Греческой православной церкви подчёркивается: «Европе не следует забывать, что её духовные основания находятся в Евангелии Христа» [133]. Как отмечал Пол Валери, «европейца невозможно выделить только на основании расовой принадлежности, языка и национальности, поскольку Европа — это родина многих языков, национальностей и традиций. Европейец — это тот, кто объёмлет римское право, постигает греческое образование, а также принимает и усваивает христианское учение» [134].

Мы приходим к выводу, что сама концепция европейской идентичности включает в себя христианский параметр. Менендес, объясняя взгляды Джозефа Вейлера, подчёркивает: «Христианство не только является религией, оставившей наиболее глубокий след на идентичности Европы и европейцев, но оно является той верой, которой придерживается в настоящее время наибольшее число европейцев... Даже другим верующим следует признать, что их идентичность как европейцев несёт на себе глубокое влияние христианства» [135, с. 186].

Второй способ влияния церковей на процесс формирования идентичности является опосредованным — через ценности как один из параметров идентичности. Действительно, ценности (по крайней мере частично) связаны с религией. Более того, «Вейлер заявляет, что идентичность европейцев и Европы как Союза по-прежнему находится под сильным влиянием христианских ценностей» [136].

Нельзя также не обратить внимания на три классические модели, в соответствии с которыми религиозные организации могут выстраивать свои отношения с внешним миром: автоцентричная модель, свидетельствующая модель и протестная модель [137]. Форе подчёркивает, что в современной Европе эти три модели находятся в смешении и взаимодействии, поскольку случаи безусловной поддержки или отрицания существующего политического устройства крайне редки. Кроме того, Форе предлагает учитывать факт размывания «традиционной» религиозности и развитие околорелигиозного феномена — в виде мистицизма, эзотеризма и т. п.

В дополнение к этому в современной Европе можно обозначить существование двух систем ценностей: секулярных и религиозных. Эти системы находятся в постоянном противоборстве, причём противоборство отражает желание создать определённый тип европейской идентичности, основанный на религиозном или внерелигиозном измерении. При этом следует отметить, что, говоря о христианских ценностях в Европе, мы имеем в виду консервативные ценности, не размытые модернистскими тенденциями, заметными в среде отдельных христианских деноминаций.

Эти ценности имеют достаточно ясно выраженный морально-нравственный аспект, в рамках которого, к примеру, семья считается союзом мужчины и женщины, человеческая жизнь существует и должна быть защищена с момента зачатия до момента естественной смерти; честность, целомудрие и взаимная помощь должны всячески поощряться, а не подвергаться насмешкам.

Консервативные ценности резко критикуются представителями европейского секуляризма. В этой борьбе большинство церковей занимает однозначную позицию: защитников консервативных христианских ценностей. Конфликты между сторонниками двух

концепций и двух точек зрения подвигают церкви к более активному участию и поддержке одной из сторон. Действительно, для церквей важно добиться того, чтобы ценности, положенные в основу европейской идентичности, не продвигали секулярное видение Евросоюза.

Однако не все исследователи согласны с тем, что религия является одним из формирующих факторов европейской идентичности. По мнению Форе, «теории европейской идентичности, основанные на религии, имели не больший успех (фактически скорее даже меньший, если это возможно), чем секулярные теории» [138]. Более того, Форе видит в религии препятствие для выработки общеприемлемого основания для Европы, приводя в качестве примера случай, когда родственники Шумана отказали просьбе президента Франции Франсуа Миттерана в том, чтобы поместить прах Шумана в Пантеон [139]. Логика Форе не до конца понятна, поскольку неясно, почему языческий (или вовсе безрелигиозный) Пантеон должен служить основанием для Европы, немалая часть населения которой продолжает заявлять о своей религиозности.

Вполне логично, что церкви стремятся защитить определённые ценности и стиль жизни исходя не только из их богословских доктрин и особенностей нравственного богословия, но и из желания внести свой вклад в процесс формирования идентичности. Разумеется, та категория ценностей, которую защищают церкви, соотносится с их богословскими доктринами. Но для нас сейчас важно обратиться ко второму аспекту, отражающему роль церквей в европейской интеграции, — как негосударственных субъектов или общественных объединений.

2.4 Церкви как негосударственные субъекты

Говоря о церквях как негосударственных субъектах обратим внимание на следующие моменты: во-первых, целесообразно взглянуть на то, каким образом церкви и религия могут в принципе присутствовать в европейском обществе, во-вторых, важно проанализировать особенности влияния религии на политику и процесс принятия решений.

Как правило, о роли религии (фактической или желательной) в современном обществе говорят с двух противоположных позиций. В рамках первой, либерально-секулярной, видится необходимость чёткого разделения религии и политики и необходимость так называемой приватизации религии, сведения её к сугубо частному делу [140, с. 890]. Как объясняет Петтерссон, «приватизированная религия не обременяет себя общественными или политическими вопросами» [141]. Иларион Алфеев подчёркивает, что такое развитие событий продиктовано желанием загнать религию в гетто, удалить её из общества, минимизировав влияние на граждан, особенно на молодёжь [142]. В рамках второго подхода «приватизация» религии видится ошибочной, так как для неё предусмотрена определённая общественная роль: «Демократическое государство должно гарантировать свободу религиозных воззрений в частной сфере и возможность для религиозных сообществ отстаивать (продвигать) свои ценности в общественной сфере (Stepan 2003:39). Из этого следует, что все религиозные объединения должны иметь право формировать политические партии... Также следует, что данный принцип совместим со всеми институциональными типами церковно-государственных отношений» [143].

Высказывается мнение, что первый подход может превалировать в преимущественно нерелигиозной части Европы, а второй возможен в европейских странах с более низким уровнем секуляризации. Иногда предполагается, что первый подход можно применить к Евросоюзу в целом — в силу того, что в Европе происходят быстрые процессы секуляризации. По крайней мере, как подчёркивают Лоэк Халман и Вээрл Дролэнс, «резко падающая посещаемость церковей в Европе часто принимается в качестве свидетельства того, что эта часть света продолжает секуляризоваться» [144, с. 263]. Франц Холлингер, Макс Халлер и Адриана Валле-Холлингер отмечают, что «в Европе в течение 20 столетия религиозные учреждения потеряли значительную долю своего влияния, а религиозные практики и верования сократились» [145, с. 133].

Однако признание этих фактов не означает резкого снижения влияния религии в Европе в целом. Сложность и многофакторность

процесса секуляризации не позволяет выделить конкретные тенденции, которые можно было бы применить к ЕС в целом. Действительно, как признают Халман и Дролэнс, «секуляризацию можно считать европейским феноменом, но это не предполагает, что Европа является однородно секулярной» [146]. Холлингер, цитируя одного из ведущих британских социологов религии, подчёркивает: «Дэвид Мартин настаивает на том, что эволюция религиозных учреждений в Европе может значительно варьировать. По мнению Мартина, направление, в котором религия меняется в процессе модернизации, связано с ролью религии во время знаковых периодов в истории данного общества» [147].

Торлейф Петтерссон признаёт, что «передовые страны Западной Европы, как известно, имеют значительные различия в религиозных вопросах. Религиозность намного выше в южных католических регионах, нежели в северных протестантских» [148]. Очевидно, что применять концепцию «приватизированной» религии по отношению к ЕС в целом было бы, по меньшей мере, преждевременно. Более того, дальнейшая (возможная) секуляризация Европы совсем не обязательно повлечёт за собой «приватизацию» религии. Как подчёркивает Юрген Хабермас, даже в значительно секуляризованных обществах религиозные структуры могут находить рычаги влияния. По мнению Хабермаса, церкви «могут оказать влияние на общественное мнение, внося вклад в ключевые дискуссионные вопросы, вне зависимости от того, являются ли их аргументы убедительными или спорными... Будь это дискуссия о легализации абортов или добровольной эвтаназии, о биоэтических проблемах репродуктивной медицины, вопросы о защите животных или изменении климата — и по этим, и по аналогичным вопросам разделительные предпосылки настолько сложны, что невозможно вначале понять, какая из сторон способна выступить наиболее убедительно» [149, с. 20].

Аргументация Хабермаса открывает возможность для лучшего понимания тех методов, которые могут быть использованы церквями для продвижения своих интересов как на высшем, так и на более низких уровнях Евросоюза. Церкви, будучи негосударственными субъектами (или общественными объединениями), могут использовать ряд способов, среди которых можно, в частности, отметить следующие:

1) прямое или не прямое лоббирование, в том числе при помощи различных дружественных организаций. Так, Джон Уорхест, анализируя «расширенное католическое лобби» (в его случае — для Австралии), пишет о «католических, квазикатолических и полукатолических организациях», среди которых — Опус Деи, Ассоциация «Право на жизнь», Национальный гражданский совет и др. [150]. Каролин Варнер говорит о политике лоббирования, используемой католической церковью в Европе. Церковь лоббировала правительства как через политические партии, так и другими способами, добываясь поставленных перед собой целей [151];

2) политическая мобилизация (особенно среди прихожан) и более активное влияние на формирование общественного мнения. Робин Дрискелл, Элизабет Эмбри и Ларри Лайон замечают, что «духовенство и религиозные лидеры могут выступать с посланиями, политически мобилизующими членов церкви (Guth et al., 2003), а организационные навыки, изученные в церкви, можно применить при последующем участии в политической деятельности» [152]. Дэвид Мартин выделяет три способа, которые помогают церквям адекватно действовать в общественной сфере: «они могут мобилизовывать политические партии, действовать как группы давления, или же полагаться на собственные ресурсы для того, чтобы внести вклад в решение социальных проблем» [153].

Следует, конечно, учитывать возможные недостатки указанных выше методов. Например, потенциальная мобилизация членов церкви далеко не всегда достаточна для того, чтобы оказать действенное влияние на государственную политику. Это может зависеть от того, в какой мере постоянные прихожане согласны с идеями, формируемыми духовенством. И даже если степень согласия высокая, могут встретиться другие объективные препятствия: например, низкая активность или отсутствие необходимых навыков у членов церкви для того, чтобы привнести религиозные идеи в политическую и общественную жизнь.

В любом случае, политическая мобилизация остаётся сильным и действенным методом в тех странах, где влияние церкви достаточно ощутимо и где имеется возможность мобилизовать массы,

или же есть влиятельные политические группы, готовые действовать в соответствии с рекомендациями или просьбами церквей. Более того, мобилизация масс — это важный инструмент в формировании сильного и стабильного общественного мнения, с которым невозможно не считаться демократическому правительству. Конечно, общественное мнение — колеблющаяся величина (что было продемонстрировано на референдумах по важнейшим вопросам развития ЕС), но даже этот изменяющийся инструмент может оказаться эффективным для того, чтобы заставить правительства принять определённые решения. Как отмечает Эниэди, «церкви часто вовлекаются в политическую борьбу <...> В демократическую эпоху способность церквей оказывать давление на государство зависит в значительной степени от того, насколько они обучены в мобилизации общественного мнения» [154].

2.5 Христианские церкви в начале интеграции

Одним из вопросов, который необходимо рассмотреть в контексте уникального присутствия церквей в европейской интеграции, является анализ роли христианства/церквей на начальной стадии интеграционных процессов. Так, Леустеан признаёт влияние религии посредством христианско-демократических партий на создание Европейского сообщества, но в то же время указывает, что «ратификация Парижского (1951) и Римского (1957) договоров была бы невозможна без политической поддержки других партий» [155].

Говоря о церквях различных конфессий, следует всё же помнить, что в контексте начальной стадии процесса европейской интеграции основная роль обычно отводится Римско-католической церкви или учреждениям, выражавшим идеи и ценности католической церкви. Даниел Филпотт и Титоти Самуел Шах отмечали, что католическая церковь «активно вдохновляла и продвигала европейскую интеграцию», в то время как роль других церквей была «сравнительно слабой и спорадической» [156, с. 51].

Вклад церквей обычно оценивается через обсуждение роли христианско-демократических партий на начальных этапах интеграции и христианские убеждения «отцов-основателей» Европейского сообщества.

2.5.1. Интеграция как христианско-демократический проект

По мнению ряда исследователей, на начальных этапах интеграции определённую (а по некоторым источникам — определяющую) роль играла Римско-католическая церковь [157]. Хосе Казанова подчёркивает, что «первоначальный проект Европейского союза был христианско-демократическим, санкционированным Ватиканом. Его реализация начиналась на фоне общего религиозного подъёма в Европе после второй мировой войны и в геополитическом контексте холодной войны. Словосочетания “свободный мир” и “христианская цивилизация” стали синонимами» [158, с. 66]. В том же духе высказывается Брайан Хехир: «Ватикан (и католическая церковь в целом) были тесно связаны с христианско-демократическими партиями в Западной Европе. Евросоюз основан на Европейском сообществе, а Европейское сообщество находилось под большим влиянием христианской демократии. В свою очередь, христианская демократия послевоенной Европы представляла собой политическое движение, связанное с католической социальной мыслью и находящееся в тесном сотрудничестве со Святым Престолом» [159, с. 103].

Тимоти Бёрнс подчёркивает, что ЕС был в значительной степени сформирован католическим социальным учением [160]. Широко известен факт, что отцы-основатели Европейского сообщества (государственные деятели, стоявшие у истоков европейской интеграции) были глубоко верующими людьми. Речь, прежде всего, идёт о министре иностранных дел Франции Роберте Шумане, канцлере ФРГ Конраде Аденауэре и министре иностранных дел Италии Альчиде де Гаспери.

Роберт Шуман полагал, что европейская унификация не сможет состояться без «вдохновения, исходящего из её христианских истоков», а Европа является «воплощением универсальной демократии, в христианском смысле этого слова» [161]. Рокко

Буттиглионе утверждает, что «вера в Иисуса Христа была в центре жизни Альчиде де Гаспери» [162]. Стефано Тринчесе подчёркивает, что свойство де Гаспери постоянно ссылаться на «священные тексты как элемент спасения» являлось «главной чертой его действий, особенно в моменты страданий и неопределённости». Довольно интересно де Гаспери высказывался о роли христианства в европейской цивилизации: «Когда я утверждаю, что христианство стоит у истоков происхождения европейской цивилизации, я не имею намерения подобрать некий исключаящий конфессиональный критерий для оценки нашей истории. Я лишь указываю на общее европейское наследие, на ту единую мораль, которая делает акцент на человеке и его ответственности» [163].

Линда Риссо признаёт, что христианско-демократические партии являлись «инициаторами процесса европейской интеграции», и отмечает, что Ватикан поддерживал европейский проект [164]. При этом Риссо подчёркивает, что европейские христианско-демократические партии послевоенных лет «основывали свои политические программы на мнении, что западная цивилизация взаимосвязана с христианскими ценностями, нуждается в защите от искушения современного образа жизни и в защите от коммунизма — как ещё большей опасности» [165].

Папа Пий XII, занимавший Римский престол с 1939 по 1958 годы, уже в 1948 году «развивал тему возможного Европейского союза» [166]. Как подчёркивает О'Махони: «Пий XII и его католические современники — де Гаспери, Аденауэр, Роберт Шуман фактически пытались построить “христианско-демократическую” Европу как бастион защиты от коммунизма. Для них это была также серьёзная попытка организовать справедливый порядок в Европе <...> Это была новая Европа, создаваемая из свободной Западной Европы, основанная на демократии, ищущая институциональные формы для союза и сотрудничества, базирующегося на христианских принципах» [167].

Пий XII, поддерживая создание Европейского сообщества, видел в этом «историческую миссию христианской Европы» [168].

И хотя некоторые исследователи пишут об экономических истоках европейской интеграции [169], есть все основания

полагать, что политическая составляющая, обусловленная, в том числе, христианскими ценностями, сыграла ключевую роль. Как подчёркивает Питер Павлович, цель интеграции заключалась прежде всего в том, чтобы не допустить новой войны на европейском континенте, добиться сотрудничества и уважения между давними противниками — Францией и Германией [170]. Экономическое сотрудничество являлось инструментом, средством для достижения цели. Данный факт, очевидный в начале 1950-х годов, редко вспоминается в настоящее время. Хотя именно он позволяет увидеть присутствие религиозных аспектов при рождении единой Европы в эпоху после Второй мировой войны.

Пол Галлагер утверждает, что если христианство действительно сделало Европу своим домом (что, в принципе, очевидно при изучении европейской истории), то в таком случае «не удивительно, что католики должны проявлять особый энтузиазм в отношении любого проекта, акцентирующего внимание на европейском измерении, политическом или ином» [171, с. 97]. Говоря о Римско-католической церкви, он обращает внимание на то, что «её желание быть частью “Европейского проекта” вполне естественно», поскольку безразличие в этом случае означало бы отказ от призвания Церкви и истории [172]. Более того, для церкви тесное сотрудничество с европейскими учреждениями представлялось как «часть вклада в благополучие мира» [173].

Мэдли говорит об идее европейской интеграции скорее как о католическом, а не христианско-демократическом проекте, поскольку создание наднациональной структуры, необходимой для управления Европейским сообществом угля и стали происходило в русле католической критики национальных государств [174]. Не случайно в начале 1950-х годов протестанты и социал-демократы нередко рассматривали европейскую интеграцию как «католический заговор консерваторов, идеологически окрашенную попытку возродить клерикальную политику в качестве производного крупного бизнеса, управляемого Ватиканом» [175]. Католики в это же время поддерживали интеграционный проект [176].

Однако Леустеан обращает внимание на то, что уже в 1950 году была сформирована транснациональная группа, включавшая ведущих политиков-протестантов и духовенство. Группа, получившая

название «Экуменическая комиссия по вопросам Европейского сотрудничества», была создана для того, чтобы «осуществлять экспертизу для протестантских церквей по европейским вопросам» [177]. Членом этой группы в 1967—1970 годах был один из президентов Европейской комиссии Жан Рэй [178]. Высказывались даже предположения, что за декларацией Шумана скрывался политик-протестант — Андре Филипп, министр экономики Франции в 1946—1947 годах и президент Комиссии по международным делам протестантской федерации Франции [179].

В этой связи очевидно, что игнорировать значение и вклад церквей на начальных этапах европейской интеграции — значит идти против фактов и свидетельств истории.

2.6 Выводы

Обоснование присутствия церквей в европейской интеграции предоставляет возможность для дальнейшего развития аргументации настоящего исследования. Действительно, эмпирический анализ целесообразно основывать на ключевых положениях, выводимых из сказанного выше. В частности, обратим внимание на следующее.

Во-первых, церкви способны действовать на европейском и национальном уровнях как участники формирования идентичности и негосударственные субъекты. Как участники формирования идентичности они стремятся внести вклад в создание определённого типа европейской идентичности, в рамках которой христианские ценности и нормы будут составлять, по меньшей мере, важную часть. Христианская составляющая европейской идентичности определяется доктринами, разработанными в различных церквях. Эти доктрины не идентичны: разделение идёт как по конфессиональным линиям, так и в рамках одной конфессии (например, протестантской).

Во-вторых, можно обратить внимание на дискуссию об отношении к Европейскому союзу, идущую в рамках самих христианских церквей. Поэтому роль, которую церкви могут (или пытаются) играть в европейской интеграции, зависит от того, как они анализируют и оценивают процесс европейского строительства. Предпринимаемые ими шаги нередко зависят от общего отношения к ЕС.

Наконец, речь может идти о поддержке или оппозиции определённых решений — в сфере биоэтики, семейного законодательства и т. п. При этом сама деятельность церковей сводится к следующим схемам:

– церкви как участники формирования общественного мнения. Это один из наиболее эффективных методов влияния на принятие решений. Церкви должны уметь не только обосновывать точку зрения, но и делать это эффективно и своевременно;

– церкви как субъекты, действующие на правительственном уровне. Речь идёт об использовании различных методов: формальные заявления, просьбы, лоббирование через дружественные структуры, или, если церковь имеет высокий статус, непосредственное обращение в законодательные органы с проектами законов или поправок к законам.

Оправданно и логично считать церкви неотъемлемыми участниками европейской интеграции. Но как участники они отличаются от остальных и имеют собственную «повестку дня». Данный факт, а также возрастающая вовлечённость Европейского союза в религиозную сферу ведут к тому, что роль, которую играют церкви на европейском уровне, выходит далеко за пределы частной религиозности. Эта роль воспринимается по-разному как властными структурами, так и гражданским обществом, но её усиление становится фактом, который уже не подвергается сомнению.

ГЛАВА 3. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Положения, изложенные в предыдущих главах, дают нам основания поддержать гипотезу о том, что церкви вносят свой вклад в процесс европейской интеграции. Более того, церкви могут рассматриваться как особые участники европейской интеграции, инкорпорированные в европейскую политику. Для того, чтобы развить этот тезис далее, нам необходимо установить, каким образом можно изучать церкви в указанной выше роли и какие методы и подходы должны быть использованы. Речь, таким образом, идёт о формулировании методологии исследования.

В предыдущих главах были сформулированы общие теоретические основания для методологии исследования. В настоящей главе будут определены основные методологические подходы, которые наиболее приемлемы для изучаемого нами вопроса.

3.1 Стратегия исследования

Первым и наиболее важным шагом является определение подходящей стратегии исследования. Согласно Норману Блэйки, «стратегии исследования предполагают различные варианты ответа на вопросы исследования, с определением начальной точки, серии последующих шагов и завершающих пунктов» [180, с. 100]. Как правило, выбор делается между двумя основными стратегиями исследования: индуктивной и дедуктивной. Безусловно, каждая из них имеет свои плюсы и минусы, причём полезность стратегии зависит от изучаемого вопроса. Например, дедуктивные стратегии хорошо работают в ситуации, когда можно изначально сформулировать адекватные гипотезы, которые пройдут проверку в последующем. В то же время в индуктивной стратегии вначале происходит сбор информации, которая затем используется для выводов и обобщений. Тем не менее, даже при использовании индуктивного метода сбор информации начинается, как правило, уже при наличии определённых

концепций исследования, которые позволяют выявить специфику необходимой информации [181].

В этом контексте Блэйки говорит об «исследовательских и описательных целях» индуктивной стратегии [182]. Очевидно, что эти цели адекватно подходят для определения роли и места церквей в европейской интеграции. Действительно, формулирование гипотез на начальном этапе представляется проблематичным, в силу отсутствия адекватного объёма эмпирической информации. Поэтому выбор в пользу индуктивной стратегии, предполагающей, в первую очередь, сбор соответствующей информации, является наиболее корректным.

Здесь важно обратить внимание на два момента. Во-первых, участие церквей в европейской интеграции — это постоянно идущий процесс; во-вторых, это участие становится наиболее заметным на определённых этапах интеграции или в рамках специфических политико-правовых инициатив. Поскольку имеется возможность исследовать конкретные ситуации участия церквей в интеграционных процессах, в качестве основополагающей методики целесообразно избрать тематические исследования.

3.2 Выбор тематических исследований

Как отмечает Роберт Стэйк, «нет ничего более важного, чем адекватный выбор тематических исследований» [183, с. 446], которые должны быть чётко определены, чтобы не возникало сложностей со сбором информации и её последующим анализом. Тем не менее, нельзя говорить о системе строгих правил, которые бы позволяли выбирать тематические исследования.

В сфере взаимодействия церквей и европейских учреждений целесообразно использовать следующие критерии для выбора тематических исследований: 1) необходимо наличие интереса со стороны церквей и их вовлечённость в исследуемый процесс; 2) ЕС должен обладать достаточными полномочиями в той сфере, о которой идёт речь; 3) важно иметь доступ к адекватному объёму информации, необходимой для развития каждого тематического исследования. С учётом данных критериев мы рассматривали четыре темы в качестве потенциально возможных: 1) церкви

в процессе реформы договоров ЕС; 2) церкви и вопросы морали и нравственности; 3) церкви и расширение ЕС; 4) церкви и политика ЕС в области иммиграции и предоставления убежища. Планировалось выбрать две из них. С учётом оценки критериев был получен рейтинг каждой темы (таблица 1).

Т а б л и ц а 1 — Тематические исследования, их рейтинг и критерии отбора

Потенциальные тематические исследования	Критерии			Общий рейтинг
	Полномочия ЕС	Вовлечённость церквей	Наличие информации	
1 Церкви в процессе реформы договоров ЕС	Уровни			
	Хороший	Хороший	Хороший	Хороший
2 Церкви и морально-нравственные вопросы	Средний	Хороший	Средний	Средний
3 Церкви и расширение ЕС	Хороший	Средний	Хороший	Хороший
4 Церкви и политика ЕС в вопросах иммиграции и предоставления убежища	Хороший	Хороший	Хороший	Хороший

Данные критерии выработывались следующим образом. Оценка полномочий ЕС была основана на существующем законодательстве, главным образом на текстах соответствующих договоров. Вопросы, которые касаются расширения ЕС, реформы договоров, иммиграции и предоставления убежища включены в сферу полномочий Евросоюза. В то же время вопросы морали и нравственности находятся, главным образом, в сфере полномочий национальных органов власти государств — членов ЕС.

Вовлечённость церквей оценивалась на основании их общего интереса к данному вопросу исходя из существующих богословско-социальных доктрин, а также из тех шагов, которые они предпринимали для достижения своих целей. Мы смогли определить, что вопросы морально-нравственной сферы приоритетны для церквей, и их вовлечённость в процесс реформы договоров и иммиграционную политику также находится на адекватном уровне. В то же время степень вовлечённости в вопросы расширения ЕС оказалась более низкой по сравнению с предыдущими областями. Информационная обеспеченность оценивалась на основании наличия общедоступной информации: проекты договоров и иных нормативных правовых актов, декларации и заявления церквей, мнения иерархов, политиков и т. п. Общий рейтинг был рассчитан исходя из трёх показателей (см. таблицу 1).

Выбор был сделан в пользу 1-го и 4-го тематических исследований. Действительно, они связаны с различными уровнями деятельности ЕС (уровень договоров и политико-правовых инициатив) и наглядно демонстрируют взаимодействие между церквями и ЕС. Необходимо отметить, что 2-я и 3-я темы также имеют потенциал для дальнейшего анализа. Сам факт того, что они были приняты во внимание, подтверждает широкий спектр взаимодействия между церквями и ЕС, но предпочтение, сделанное в пользу 1-й и 4-й тем, показывает, что последние лучше отражают важные аспекты роли церквей в евроинтеграции. Действительно, в этих случаях заметно более полное соответствие трём критериям (см. таблицу 1): полномочия ЕС, вовлечённость и заинтересованность церквей и наличие/доступность информации. Следует отметить, что информация доступна и для исследования 3-й темы, но, в основном, на языках, которыми автор монографии не владеет. Из-за отсутствия финансирования для выполнения квалифицированного перевода использование такой информации было невозможно. Данный фактор, безусловно, повлиял на выбор тематических исследований, но ни в коей мере не снизил актуальность и релевантность 1-й и 4-й тем, которые в полной мере соответствуют трём основным критериям.

3.3 Количественные и качественные методы

В настоящем разделе мы рассмотрим выбор методов исследования, которые, помимо прочего, связаны со сбором информации. Сам факт выбора тематических исследований позволяет уточнить направления в этой области. Как отмечает Бриман, «в тематических исследованиях предпочтение, как правило, отдаётся качественным методам, таким как наблюдение и неструктурированное интервью» [184, с. 48]. По мнению Дженнифер Мэйсон, качественные исследования должны иметь не только описания, но и объяснения или аргументы, «которые могут обобщаться или в целом иметь более широкое использование» [185, с. 11]. По оценке Мэйсон, в сфере качественных исследований потенциальными источниками информации могут выступать: люди (индивиды, группы и коллективы); организации и учреждения; тексты (опубликованные и неопубликованные, а также виртуальные); объекты окружающей среды (материальные, визуальные и виртуальные); арте-факты, медийные продукты (материальные, визуальные и виртуальные); события (материальные, визуальные и виртуальные) [186].

В применении к настоящей монографии источниками информации в эмпирической части могут быть люди, организации и тексты. Поэтому в качестве методов сбора информации используется анализ документов и полуструктурированные или неструктурированные интервью. Выбор обусловлен тем, что информация, касающаяся двух избранных тематических исследований, как правило находится в текстах договоров (проектные и окончательные версии), а также в заявлениях церквей и других религиозных организаций. Дополнительную информацию можно найти в выступлениях церковных иерархов и представителей европейских учреждений, а также изучая мнение тех, кто участвовал в работе над договорами ЕС и во взаимодействии церквей и европейских учреждений. Также было важно предусмотреть, чтобы информация, собранная из письменных источников, могла быть дополнена посредством интервью.

Действительно, академические интервью нередко используются для получения неопубликованной информации, либо для

того, чтобы скорректировать информацию, полученную из письменных источников. Как отмечают Андреа Фонтана и Джэймс Фрей, «наиболее распространённая форма интервьюирования — это диалог лицом к лицу». Интервьюирование может также осуществляться посредством почтовой или интернет-связи, либо по телефону. Интервью бывают структурированные, полуструктурированные и неструктурированные [187, с. 645—646]. В структурированных интервью используются одинаковые вопросы, задаваемые респондентам, причём варианты ответа, как правило, ограничены [188]. По мнению Фонтана и Фрей, неструктурированные интервью «могут предоставить более обширные сведения, чем другие типы интервью, учитывая их качественный характер» [189]. Действительно, неструктурированные интервью позволяют лучше понять сложные модели поведения респондентов, без навязывания вариантов ответа [190]. Вместе с тем, отдельные исследователи (например, Мэйсон) отвергают понятие «неструктурированное интервью», утверждая, что определённая структурированность присуща каждому академическому интервью, поэтому термин «полуструктурированное интервью» является более адекватным отражением реальности [191].

Цель интервьюирования в контексте данного исследования была следующей. Первоначально мы определили, что интервью целесообразно проводить с представителями как политических и религиозных элит, так и с представителями экспертного сообщества. Интервью с представителями элиты позволили определить некоторые мнения и подходы, о которых было невозможно узнать иным образом. Интервью с экспертами помогли заполнить пробелы, оставшиеся после анализа письменных источников. В ходе интервьюирования удалось также установить новых потенциальных респондентов, с помощью метода «снежного кома» [192]. Респондентам было предложено рекомендовать других экспертов или представителей элиты, к которым можно было обратиться с просьбой об интервью; в некоторых случаях были получены полезные советы.

Следует отметить, что организация и проведение интервью с элитой и экспертами имеют свои проблемные стороны. Как объясняет Манген, «есть немалый риск, что интервью будет

отменено или его продолжительность значительно сокращена» [193, с. 118]. Нередко время, выделенное респондентом на интервью, недостаточно для того, чтобы задать все необходимые вопросы. Возможна проблема непонимания или некорректной интерпретации, так как английский, на котором проводились практически все интервью, не является родным языком автора монографии и, в большинстве случаев, не родной для респондентов. Но даже с учётом этих особенностей интервьюирование было важной и неотъемлемой частью процесса исследования. Во всех случаях была возможность задать необходимые вопросы, при этом ни одно из заранее оговоренных интервью не было отменено, хотя в отдельных случаях менялись время или дата проведения интервью.

Сам процесс интервьюирования был организован следующим образом. Был составлен список потенциальных респондентов, которые могли дать адекватные и квалифицированные комментарии по вопросам взаимоотношения церкви и Европейского союза или сами являлись участниками этих взаимоотношений. Большая часть интервью была проведена в июле 2010 года в Брюсселе. Были проинтервьюированы представители Римско-католической церкви, православных церквей Греции, Кипра, Румынии и России, лютеранских церквей Финляндии и Швеции и Конференции европейских церквей — экуменической организации, в которой совместно работают различные конфессиональные группы. В рамках второго тематического исследования были проведены интервью с представителями христианских организаций, работающих на общеевропейском уровне в области миграции и предоставления убежища. Кроме этого, были проведены интервью с представителями Европейского парламента, Европейской комиссии и бывшими членами Европейской конституционной конвенции (конвента).

В общей сложности было проведено 28 интервью (из них 4 — по телефону и 4 — по электронной почте). Вопросы, задаваемые представителям христианских церквей, касались следующего. Во-первых, мы спрашивали об общем отношении к европейской интеграции и ЕС и о конкретном участии в процессе реформы договоров ЕС. Во-вторых, нас интересовали тактические действия церквей, включающие возможные контакты с европейскими учреждениями, официальными лицами и политиками,

как на общеевропейском уровне, так и в государствах — членах ЕС. Кроме этого, были заданы вопросы о том, как оценивается общее влияние конфессии, которую представляют респонденты, на европейскую политику.

Похожие вопросы были заданы представителям христианских организаций, работающих в сфере миграции и предоставления убежища. Мы интересовались тем, какие методы влияния используются организациями, а также связью с церквями и светскими структурами. Это требовалось для того, чтобы уточнить сферы наибольшей активности христианских организаций и идентифицировать их особый вклад. Мы также предложили представителям христианских организаций оценить их собственную степень влияния.

Вопросы, задаваемые представителям европейских учреждений, менялись в зависимости от тематического исследования. Так, в случае анализа политики ЕС в области иммиграции и предоставления убежища вопросы были направлены на то, чтобы оценить возможный вклад христианских организаций с точки зрения чиновников ЕС. Вопросы, связанные с реформой договоров ЕС, были направлены на то, чтобы уточнить, по какой причине члены Конституционной конвенции (конвента) поддерживали или оппонировали инициативам церквей. Также через эти вопросы преследовалась цель выяснить, какие практические шаги делались сторонниками и противниками церквей.

3.4 Этические вопросы

В данном исследовании присутствовали вопросы этического характера, связанные с объектами исследования, источниками и особенностями сбора информации: необходимость получения доступа к специфической информации; необходимость проведения подробных интервью; необходимость обсуждения непростых вопросов религии и морали.

Как правило, опасность нарушения этических принципов и норм возникала по следующим причинам: возможное причинение вреда участникам (респондентам); неполучение должного согласия участников; нарушение приватности; обман.

В ходе исследования удалось избежать указанных выше нарушений. К примеру, практически все респонденты, с которыми проводились интервью, принадлежали к категории элиты или экспертов и, таким образом, владели сведениями о природе и сущности академических исследований, а также понимали, каким образом будет использоваться информация, которую они предоставляют в ходе интервью. Респонденты понимали, что исследование касается только их профессиональной деятельности, без вмешательства в частную жизнь. Как правило, речь шла о людях, которые участвуют в определении политики своей организации. Эксперты излагали информацию в рамках своей специализации и компетенции.

Более щепетильный вопрос заключался в том, каким образом поступать в ситуациях, когда речь шла о возможных диспутах и конфликтах. Это относилось к религиозным различиям, обсуждению роли и места религии в европейском обществе и отношению к различным морально-нравственным дилеммам, включая аборт, эвтаназию, исследования на стволовых клетках, т. е. вопросы, связанные с благосостоянием человека или даже с защитой жизни. Поэтому сбор информации велся таким образом, чтобы не причинить вреда участникам исследования. Респонденты были подробно информированы о содержании исследования. В целом проблемы этического характера, возникавшие или способные возникнуть в ходе данного исследования, были успешно разрешены.

3.5 Выводы

Изучение роли церквей в европейской интеграции возможно с помощью индуктивного метода. Принимая во внимание, что участие церквей в процессе унификации Европы особенно заметно на наиболее важных этапах интеграции или же в определённых сферах деятельности Евросоюза, было решено использовать метод тематических исследований. Выбор был сделан в пользу множественных тематических исследований.

Для того, чтобы адекватно отобразить различные аспекты участия церквей в европейской интеграции, мы выбрали два

тематических исследования: в сфере договоров ЕС и в области политико-правовых инициатив. При этом были использованы такие критерии, как полномочия ЕС в конкретной области, заинтересованность со стороны церкви и наличие адекватного объёма доступной информации. Избранным критериям в наибольшей степени соответствовали следующие тематические исследования: церкви в процессе реформы договоров ЕС и церкви и политика ЕС в области иммиграции и предоставления убежища. Далее мы определили, что наиболее адекватными источниками информации являются люди, организации и письменные источники, поэтому для сбора информации был использован анализ документов и подробные интервью. Интервью проводились с представителями христианских церквей и европейских учреждений, причём большинство из них было проведено в Брюсселе в июле 2010 года. Вопросы, задаваемые в ходе интервью, были направлены на то, чтобы восполнить пробелы в информации, полученной в ходе анализа документов, а также получить информацию, которая не могла быть получена иным образом.

Проблемы этического характера в данном исследовании были сведены к минимуму, благодаря адекватному планированию и учёту деликатных моментов в ходе интервьюирования и анализа документальных источников. В целом можно отметить, что избранная методология исследования способствовала успешному ходу работы и получению ожидаемых результатов.

ГЛАВА 4. ЦЕРКВИ КАК ОСОБЫЕ УЧАСТНИКИ ИНТЕГРАЦИИ: УРОВЕНЬ ВЛИЯНИЯ

В предыдущих главах мы определили, что церкви могут считаться особыми и уникальными участниками европейской интеграции. Эта уникальность определяется следующими факторами: во-первых, роль церквей заметна на начальных этапах интеграции; во-вторых, церкви выступают как негосударственные участники интеграции и, в то же время, вносят вклад в формирование европейской и национальной идентичностей. Мы также упомянули об аспекте, который подчёркивает уникальную роль церквей и может способствовать более адекватной оценке степени их влияния. Речь идёт о существовании такого явления, как церковно-государственные отношения.

Основываясь на выводах предыдущих глав, мы будем развивать концепцию о церквях как особых участниках интеграции, а также оценим их уровень влияния в Европейском союзе. Можно предположить, что организационная структура церквей, их интерес к политике ЕС и отношение к Евросоюзу являются факторами, определяющими уровень влияния церквей. Кроме этого, определённое значение имеют конфессиональные особенности, степень религиозности в стране и присутствие церквей на наднациональном (европейском) уровне.

Поставленные выше цели определяют структуру настоящей главы. Вначале мы проанализируем систему церковно-государственных отношений в ЕС. Далее мы обратим внимание на отношение церквей к европейской интеграции/ЕС. Наконец, будет произведена оценка степени религиозности в странах — членах ЕС и присутствия церквей на европейском уровне.

4.1 Церковно-государственные отношения

Прежде всего следует отметить, что не существует единой для ЕС модели церковно-государственных отношений. Взаимодействие государства и церкви остаётся в компетенции национальных органов власти. Поэтому вариации церковно-государственных отношений

в ЕС весьма существенны [194]. Мирьям Кюнклер и Майкл Мейер-Ресенде утверждают, что «взаимоотношение государства и религиозных учреждений в устоявшихся демократиях принимает такие разнообразные формы, что говорить об общей модели невозможно» [195].

Но даже при отсутствии униформизма можно говорить об основных моделях церковно-государственных отношений в Европе. Формирование этих моделей, обусловленное историческими факторами и конфессиональными предпочтениями, обязательно предусматривает определённую роль для церкви, как правило, выходящую за узкие рамки «частного благочестия». Эниэди замечает, что особенности церковно-государственных отношений неизбежно затрагивают интересы государства, церкви и неверующих людей [196]. При этом появление различных моделей зависит от конфессиональных особенностей страны. Как подчёркивают Джозеф Руэйн и Дженнифер Тодд, «религиозное наследие остаётся частью современной Европы, всё ещё явственно присутствуя в государственных и политических традициях, а также образовательных учреждениях» [197, с. 2]. Джон Мэдли указывает на существование в Европе православного, католического и лютеранского блоков, а также «многоконфессиональных поясов» [198, с. 28]. По мнению Мэдли, модели церковно-государственных отношений объясняются, по крайней мере, частично, принадлежностью к одному из блоков или поясов [199].

Основные модели государственно-церковных отношений в ЕС можно свести к следующим. Во-первых, модель государственной церкви, в рамках которой существуют тесные официальные связи между церковью и правительством, причём церковь может как финансироваться из бюджета, так и выполнять определённые государственные функции. В ЕС такие модели существуют в Англии, Греции, Дании и Мальте. Во-вторых, присутствуют варианты полного или значительного отделения церкви от государства. В случае полного отделения «граждане имеют возможность верить в то, во что они желают в своей частной жизни. В общественной жизни для религиозных индивидов существует больше ограничений». Что касается второго, более

мягкого варианта, то речь идёт о том, что государство, уважая все религиозные верования, не отказывается от поощрения религиозности, например, участвуя в финансировании частных религиозных школ [200].

Наконец, третья модель, которую можно расположить между двумя предыдущими, предполагает существование определённого сотрудничества между церковью и государством, закреплённого законодательно. Так, хотя в законодательстве Германии закреплено отделение церкви от государства, законы страны предусматривают сотрудничество в области образования и социального обеспечения [201].

Очевидно, что модели государственно-церковных отношений, в которых церкви имеют более тесные связи с государством, предполагают возможность их большего политического влияния. Утверждается, например, что «христианские лидеры в Британии и Германии уже имеют хорошее политическое положение. Тот факт, что меньшее количество людей посещает службы, совсем не обязательно приведёт к уменьшению политического влияния церковных лидеров или секуляризации общественной политики» [202]. Эниэди признаёт, что, при отсутствии общеевропейской модели церковно-государственных отношений, в большинстве стран существует государственная поддержка церковных учреждений и уважительное отношение к их автономии и самоопределению [203, с. 219].

При практически любой модели государственно-церковных отношений, за исключением полного отделения церкви от государства, можно говорить об определённом политическом и общественном влиянии религиозных организаций. Одновременно следует заметить, что формирование общеевропейской модели сомнительно: слишком велики различия в моделях 28 стран, входящих в настоящее время в состав ЕС. Правда, по мнению Минкенберга, Евросоюз выходит на такую стадию развития, когда существующие модели церковно-государственных отношений могут подвергнуться серьёзной коррекции [204]. Пока сложно говорить о том, в каком направлении будет идти эта коррекция, но вероятно, что в ЕС развернётся серьёзная борьба между силами, представляющими различные политические,

религиозные и идеологические фракции, причём как на обще-европейском, так и на национальном уровнях. Вместе с тем следует отметить, что церковно-государственные отношения играют роль не обособленно, а в сочетании с другими параметрами, которые будут описаны ниже.

4.2 Уровень влияния церкви

В данном разделе нам необходимо определить, каким образом можно измерить/оценить степень влияния церквей и какую роль в этом аспекте могут играть конфессиональные особенности. Но вначале следует отметить, что, говоря о церквях, необходимо помнить об их особом статусе в процессе интеграции и политике ЕС. Действительно, церкви могут иметь черты социальных институтов, но они также способны действовать в иной плоскости. Так, Майкл Ворбек обращает внимание на особую роль церквей, указывая, что для них важна сущность Европы как сообщества ценностей [205, с. 207]. Поэтому сферы, в которых церкви могли бы оказывать позитивное влияние, достаточно обширны. Они, в частности, связаны с областью прав человека, этическими вопросами, биоэтикой, образованием и культурой, семейными проблемами и т. п. [206].

Также заслуживает внимания следующий момент. Иногда о церквях говорят как о «рыночных игроках», преследующих корыстные, эгоистичные цели. При этом упускается из внимания тот факт, что церкви — это не коммерческие учреждения или лоббисты в узком смысле этого слова. Их главная цель заключается в том, чтобы, во-первых, показать путь духовного спасения и совершенствования для тех людей, которые готовы прислушиваться к голосу церквей и, во-вторых, защищать христианские моральные ценности. Церкви работают ради блага общества, даже если их подходы непопулярны и не разделяются большинством. Для православной и католической церквей, а также некоторых протестантских групп, но не для большинства традиционных протестантов, изменения социальных и богословских доктрин едва ли возможны, даже под давлением со стороны влиятельных политических и социальных групп или органов власти. К примеру, католики

в Англии предпочли закрыть свои приюты для сирот, нежели согласиться с новым законом, который не давал им возможности отказываться в усыновлении детей однополыми парами.

Другой аспект, о котором следует сказать более подробно, связан с отношением церквей к европейской интеграции. Важно знать, каким образом церкви воспринимают и оценивают Европейский союз и интеграцию. Действительно, более высокий интерес к интеграции может предопределять более высокую вовлечённость церквей и желание влиять на процессы, происходящие в ЕС.

4.2.1 Протестанты и европейская интеграция

Протестанты в Европе представлены традиционными лютеранскими и реформатскими церквями (кальвинисты), а также всё более растущим числом неопротестантских общин («свободные церкви»). Англиканская церковь занимает особую позицию, но в целом возможно отнести её к протестантской конфессии. Сами англикане заявляют о себе как о «реформированной католической традиции», но их единство с протестантами подтверждается Порвусским соглашением. Действительно, англикане, лютеране и некоторые реформатские церкви, подписавшие соглашение, признали, что «во всех наших церквях присутствует аутентичная проповедь слова Божия. Таинства крещения и евхаристии преподаются надлежащим образом». Участники согласились, что члены их церквей имеют право принимать участие в таинствах, преподаваемых в каждой деноминации [207].

Следует отметить, что в одной из протестантских стран — Швеции — было проведено соответствующее социологическое исследование: о поддержке ЕС в зависимости от степени воцерковлённости верующих Церкви Швеции (лютеранской) и некоторых других деноминаций. Судя по данным, полученным в ходе опроса, зависимость отношения к ЕС от воцерковлённости в Церкви Швеции незначительна. Однако в ходе опроса были обнаружены другие закономерности. Так, выяснилось, что члены неопротестантских церквей (баптисты, пятидесятники и т. п.) настроены наиболее негативно к ЕС (50% «против», 30% «за»), в то время как представители религиозных меньшинств (в Швеции

это католики и православные) поддерживают членство страны в Евросоюзе (52% «за» и 19% «против») [208].

Безусловно, данные опроса невозможно перенести на страны Евросоюза в целом. Тем не менее, должна быть учтена следующая закономерность: наиболее лояльно к ЕС среди протестантов настроены представители официальных церквей, в то время как неопротестанты относятся к категории евроскептиков. В целом, если говорить о традиционных протестантских церквях (в Германии, Швеции, Дании и Финляндии), то с их стороны практически не наблюдается проявлений евроскептицизма. В некоторых случаях (Церковь Швеции) вопросам деятельности ЕС уделяется очень мало внимания; в других случаях (Церковь Финляндии и Церковь Дании) обсуждение имеет место, но не является основной темой: к примеру, ни одна из этих церквей не открыла отдельное представительство при ЕС в Брюсселе. Гораздо больше внимания проблематике Евросоюза уделяется Евангелической церковью Германии (далее — ЕЦГ), причём офис ЕЦГ в Брюсселе является наиболее активно работающим протестантским представительством. Общий взгляд на Евросоюз со стороны ЕЦГ также положителен, в соответствии с преобладающим трендом среди традиционных протестантских церквей Европы.

Причины указанных выше отношений следует искать в социальных и доктринальных позициях церквей. Известно, что многие лютеранские церкви (например, Церковь Швеции) снисходительно относятся к пропаганде противохристианского образа жизни, включая однополые «браки» и аборты. Как отмечает митрополит Иларион (Алфеев), представитель Русской православной церкви (далее — РПЦ), один из лютеранских епископов, с которым планировалось подготовить совместную декларацию, так и не согласился с тем, что аборт — это грех (даже если он совершён не по медицинским показаниям и при отсутствии угрозы жизни матери). Протестантам в этой связи нецелесообразно критиковать либеральные устремления отдельных идеологов европейской интеграции, поскольку они не усматривают в них серьёзных расхождений со своей позицией.

Сегодня для протестантов один из главных вопросов заключается в защите прав религиозных меньшинств. Как отмечает

Карстен Фледелиус, представитель Церкви Дании в Центральном комитете Конференции европейских церквей, «в настоящее время я не вижу проблем с защитой прав меньшинств в ЕС. Ситуация складывается “благоразумная”: церкви большинства в одной стране являются меньшинством в другой. Так, католики в меньшинстве в скандинавских странах, а протестанты — в государствах южной Европы. Мы достигли мирного сосуществования [конфессий] после многовековых войн, хотя и не во всём согласны друг с другом. Сейчас одна из основных проблем заключается в том, чтобы дать адекватное определение религии и различных моделей, которым следуют страны — члены ЕС в признании религиозных общин. Здесь каждой стране необходимо найти баланс между свободой и национальными традициями. Целесообразно также обсудить выработку законодательства ЕС для минимальной защиты религиозных меньшинств — с тем, чтобы это законодательство соблюдалось бы всеми странами» [209].

Судя по всему, Евросоюз необходим протестантам для гарантии соблюдения их прав в государствах, где доминируют иные конфессии (в особенности, католики). Традиционные протестанты обсуждают в большей степени проблемы, которые могут показаться не столь значительными для представителей других конфессий. Европейские протестантские церкви не смогли сформулировать единую позицию ни по одному фундаментальному вопросу европейской интеграции, отчасти из-за разногласий между консервативными и либеральными направлениями протестантизма. И хотя европейские протестанты достигли высокой степени единства по богословским вопросам (что заметно в Содружестве протестантских церквей Европы (далее — СПЦЕ) — Люенбергском церковном содружестве), это ни в коей мере не определяет их единства по важнейшим проблемам развития ЕС.

Документы, в которых прослеживается общая позиция протестантских церквей, являются, как правило, очень общими и избегают обсуждения наиболее сложных и противоречивых вопросов. К примеру, СПЦЕ в своей публикации в марте 2007 года, посвящённой 50-й годовщине Римского договора, в целом

одобрительно отозвалось о развитии ЕС «как важном вкладе в мир, свободу и процветание в Европе» [210, с. 1]. В пяти «хороших пожеланиях», адресованных Евросоюзу, протестанты говорили о таких моментах, как потребность в большей демократии, справедливости, открытости и «жизнеспособной культурной идентичности» [211]. В более раннем документе, датированном июнем 2002 года и связанным с работой Европейской конвенции, протестантские церкви ЕС заявили о своём принятии «ценностей справедливости, примирения, ответственности и толерантности как духовных и религиозных принципов, которые необходимы для развития Европы» [212]. Понятно, что такие декларации приемлемы в ЕС практически для всех, как верующих, так и неверующих. Понятие толерантности можно трактовать по-разному (например, толерантность по отношению к эвтаназии), но протестанты предпочитают избегать более точных формулировок.

Тем не менее, более консервативные протестантские круги говорят о Евросоюзе с известной долей скептицизма. Один из примеров — англиканская церковь. И хотя для англикан тема евроинтеграции не является приоритетной, анализ выступлений архиепископа Кентерберийского позволяет уловить сомнения и колебания, проступающие в англиканских кругах. По мнению Джорджа Кэри, архиепископа Кентерберийского до 2002 года, «быть европейцем — значит быть противоположностью замкнутости и исключительности. Быть европейцем — значит олицетворять ценности сотрудничества, толерантности, прощения и мира. Это поиск прогресса, построения общества справедливости <...> Это поощрение ценностей, прав, процветания, которые можно разделить с другими странами. Это противостояние национализму, ксенофобии и расизму, это поощрение <...> многоуровневой идентичности. Это выражение национальных, религиозных и расовых особенностей в разрезе мирного сосуществования и взаимного уважения, а не в агрессии и кровопролитии. Это возможность созерцать все уровни идентичности — начиная с семьи и небольшого города и заканчивая европейскими и международными структурами <...> каждый с потенциалом возможного вклада в добро и справедливость, послушания целям Божией любви» [213].

Комментируя, казалось бы, сугубо светское событие, — введение единой валюты в большинстве стран ЕС, архиепископ отметил моральную компоненту «дефицита демократии»: «Многие будут говорить, что моральная валюта Европейского союза значительно девальвировалась в последние дни <...> Очевидно, что без уверенности людей в том, как управляют в Брюсселе, самые лучшие и восхваляемые европейские проекты не будут реализованы. Наиболее часто упоминаемый “дефицит демократии”, как и многое другое в Европе, имеет значительное моральное содержание. Я уверен, что ещё есть возможность привнести в Брюссель дух Вифлеема» [214].

Определённая доля пессимизма содержится и в памфлете англиканской церкви, изданном в апреле 2010 года по случаю 60-й годовщины Декларации Шумана. В нём с сожалением было отмечено, что ЕС не проявил желания признать своё христианское наследие [215]. Но наиболее негативные оценки были высказаны в документе группы епископов Европы, призванном оценить стратегию Евросоюза «ЕС 2020». Данная группа раскритиковала исключительно экономическую терминологию процесса трансформации, а также превалирование технократического подхода. Было отмечено, что использование термина «знание» не учитывает такую категорию знаний, которые «создают общество, зрелое в гражданском, культурном, социальном и духовном плане» [216, с. 3]. Безусловно, англиканскую церковь нельзя в полной мере назвать церковью евроскептиков, хотя евроскептическая тональность среди представителей англиканского сообщества очевидна.

Наиболее чёткая, ясная и бескомпромиссная позиция занята представителями неопротестантских или радикализированных протестантских церквей. Так, Иэн Пэйзли, руководивший до мая 2008 года Демократической юнионистской партией (Северная Ирландия) и бывший до своей кончины священником Свободной пресвитерианской церкви, заявлял, что Евросоюз «инспирирован и контролируется Ватиканом». По его мнению, Евросоюз — это супергосударство Римского Папы. В подтверждение этой точки зрения приводятся пророчества из Книги Даниила и Откровения Святого Иоанна Богослова, с особым акцентом на числе 666.

Пэйзли, в частности, обращал внимание на то, что кресло под номером 666 в Европарламенте никем не было занято [217]. Профессор Артур Нобл, озвучивающий многие идеи пресвитериан, утверждает, что «Папа Римский Иоанн XXIII запланировал создание европейского религиозно-политического чудовища, которое он назвал “величайшим (из известных миру) католическим супергосударством” ... Брюссельская бюрократия плясала под римскую дуду, когда приняла в 1973 году ватиканского лакея — Ирландскую Республику». Профессор Нобл указывает на существование «заговора», цель которого — подорвать протестантское наследие английской нации [218].

Следует отметить, что подобные идеи, содержащие жёсткий антикатолицизм и апеллирующие к библейским пророчествам, довольно распространены в среде европейского неопротестантизма, особенно в регионах, где столкновения католиков и протестантов носили затяжной характер. Для неопротестантов Папа, как глава Римско-католической церкви, — это средоточие ересей и заблуждений, это иерарх, для которого разрушение протестантского наследия в Европе — главная задача. Правда, уровень влияния неопротестантов в большинстве регионов Европы остаётся невысоким. Более того, евроскептицизм снижает их желание сотрудничать с учреждениями ЕС, которые порой воспринимаются как вассалы Римско-католической церкви или как институции, преследующие антихристианские цели. В целом очевидно, что евроскептицизм в протестантизме возрастает от традиционных протестантов до неопротестантов, причём эта тенденция соответствует особенностям богословских доктрин указанных деноминаций.

4.2.2 Католики и европейская интеграция

Статус Римско-католической церкви (далее — РКЦ) уникален по сравнению с другими конфессиями. Действительно, РКЦ — это единственная христианская церковь, глава которой является также главой государства, признаваемый таковым другими государствами и международными организациями. Поскольку Ватикан назначает своих послов (апостольских нунциев) в другие страны, он имеет возможность работать с правительствами

на высоком официальном уровне. Римский Папа осуществляет свою деятельность не только в качестве религиозного лидера, но и в качестве главы государства, со всеми привилегиями, которые вытекают из этого статуса.

Европейская интеграция — это тема особой важности для католической церкви, в силу того влияния, которое католики оказали на начальные процессы унификации в Европе. Тем не менее, оценить мнение РКЦ в отношении европейской интеграции непросто. Одна из главных проблем — несовместимость точек зрения, высказываемых на различных уровнях. Так, в одном из ключевых документов РКЦ, посвящённых Европе («Иисус Христос, живой в Своей Церкви, — источник надежды для Европы»), присутствует не совсем положительный взгляд на развитие континента: «Европа в настоящее время выглядит сконфуженной и потерянной, а надежда тает с каждым днём... Многие христиане потеряли веру или же свели её к номинальным традициям» [219].

В целом при прочтении документа складывается представление о Европе как о континенте, теряющем веру, превращающемся в пустынно-секулярное государство, подавляемое антицерковными силами. В документе констатируется, что люди ведут себя так, как «если бы Бог не существовал». Синод епископов РКЦ также предупреждает, что «до настоящего времени унификация Европы следует преимущественно по экономическому пути, а судьба социальных и культурных элементов не определена. Роль церквей в этом отношении не ясна, но есть серьёзный риск того, что их значение будет сведено до минимума в рамках различных социально-благотворительных программ. Ситуация будет еще более усугублена в том случае, если, помимо маргинализации позиции церкви, приоритет будет отдан социологической интерпретации роли верующих в новой европейской ситуации» [220].

Очевидно, что Папа Римский знал о пессимистической оценке Европы и интеграции со стороны официальных представителей РКЦ. Понимая и, вероятно, разделяя опасения авторов документа, римский понтифик того периода Иоанн Павел II, тем не менее, практически всегда позиционировал себя в качестве сторонника и адвоката объединённой Европы. Так, он при-

звал своих соотечественников-поляков сказать «да» вступлению Польши в ЕС на референдуме в июне 2003 года. Мнение папы-поляка сыграло существенную роль в ходе голосования по столь важному для Польши вопросу. Джерри О'Хэнлон утверждает, что Иоанн Павел II ценил европейский проект [221]. Более того, позитивное отношение к процессам унификации Европы можно обнаружить практически у всех Римских Пап, которые выступали по данному вопросу [222].

Анализируя многообразие мнений в отношении ЕС, можно прийти к выводу, что в РКЦ сформировались три «европейские» фракции: евроэнтузиасты, безоговорочно поддерживающие интеграцию; еврореалисты, видящие в интеграции как позитивные, так и негативные стороны; евроскептики, полагающие, что членство в ЕС приносит странам больше вреда, чем пользы.

Конечно, такого рода деление условно, и мы осознаём его слабые стороны. Ни один из традиционно мыслящих католиков, даже из числа поддерживающих интеграцию, не станет оправдывать аборты или же продвигать, в рамках поощряемого Брюсселем «равноправия полов», рукоположение женщин в священник. Так, католическая церковь в Польше выражала опасения, что после вступления Польши в ЕС церковь потеряет свою идентичность, пойдёт по пути морального соглашательства и, в конечном итоге, растворится в движении «Новой эры» [223].

Более того, формирование «еврофракций» на официальном/иерархическом уровне католической церкви совсем необязательно отображается аналогичным образом на уровне обычных верующих. Вместе с тем очевидно, что верующие-католики придерживаются порой диаметрально противоположных мнений о европейской интеграции — от принятия до отрицания. Так, в Польше, где влияние католицизма находится на высоком уровне, религия является одним из факторов, определяющих отношение населения к ЕС, наряду с такими параметрами, как возраст, образование, политические взгляды. Уровень религиозности в Польше очень значительный: около 50% поляков посещает церковь хотя бы раз в неделю. Поляки в своём большинстве не являются евроскептиками, но в стране существует влиятельное меньшинство (21%), выступающее против членства страны в ЕС [224, с. 19—

20]. Однако опросы, проводимые в стране, не дают возможности достоверно утверждать, в какой степени евроскептицизм мотивирован религией. Роль религии нельзя в должной мере оценить и в определении позиций противоположной стороны.

В другой католической стране ЕС — Ирландии — разномыслие в католической церкви было особенно заметно в ходе дебатов, сопровождавших референдум 2008 года о Лиссабонском договоре. Иерархи католической церкви выступали главным образом за ратификацию договора, в то время как отдельные представители церкви, сплотившиеся в неправительственной организации Коир, заняли противоположную позицию. Примечательно, что евроскептические аргументы Коир носили ярко выраженный религиозный характер, направленный на защиту традиционных католических ценностей. Как подчёркивает Джон Фитцджеральд, «католическая церковь длительное время ассоциировалась с положительным отношением к европейской интеграции и активным участием в её дальнейшем развитии. Но пример Коир показывает, что члены церкви в Ирландии были готовы мобилизоваться, чтобы бросить вызов тому, что они посчитали некатолической сущностью Лиссабонского договора» [225, с. 112].

Социологи утверждают, что в целом по ЕС католики более благосклонны к Евросоюзу, чем протестанты, а среди самих католиков позитивное восприятие союза возрастает по мере роста воцерковлённости. Как предполагают американские исследователи Нельсен и Гут, подсознательная симпатия католиков к европейскому проекту связана с многовековой привязанностью РКЦ к наднациональным структурам, в которых отдельные этнические общности и государства подчиняются единому центру [226]. Сами католики нередко подчёркивают, что речь может идти только об условной поддержке Европы, причём в ней должно наблюдаться реальное соподчинение свободе личности — с условием, что ключевая составляющая этой свободы носит этический и религиозный характер [227, с. 94].

Судя по всему, католическая церковь находится сейчас в двусмысленном положении. С одной стороны, невозможно отрицать вклад католиков в создание Евросоюза, особенно на начальных этапах интеграции, с другой — растущий европейский

секуляризм отодвигает Ватикан на второй и даже третий план в ходе европейского строительства. Руководство РКЦ старается сохранять официальный оптимизм, используя возможные рычаги влияния для изменения ситуации в свою пользу. Речь, в особенности, идёт о том, чтобы воздействовать на решения, принимаемые в ЕС, через государства, где значительно влияние католицизма (Польша и Ирландия), а также о реальной поддержке католических ценностей через депутатов Европарламента. Один из примеров — желание Польши добиваться включения ссылки на христианское наследие Европы в обновлённый текст Конституции ЕС. Официальная позиция Варшавы по данному вопросу не могла оформиться без участия Ватикана. Тем не менее, официальный и, зачастую, вынужденный оптимизм Ватикана сталкивается не только с секулярными настроениями в коридорах Еврокомиссии, но и с пессимизмом части католических кругов. Вместе с тем перейти на позицию евроскептицизма католикам вряд ли возможно — церковь значительно вплетена в систему интеграции. Критикуя отдельные аспекты евроинтеграции, Ватикан лишь оставляет себе некоторое пространство для манёвра, в целом следуя генеральной линии поддержки «великого европейского проекта», занятой Святым Престолом с самого начала.

4.2.3 Православные церкви и европейская интеграция

Из 28 стран — членов ЕС 4 государства (Греция, Кипр, Болгария и Румыния) относятся к числу стран с преобладающим православным населением. В Латвии и Эстонии находится значительное число приходов Московского патриархата. Не следует также забывать о существовании автокефальной православной церкви Чешских земель и Словакии, автокефальной Православной церкви Польши и автономной Православной церкви Финляндии.

В настоящее время нет документа, который бы представлял собой единую позицию европейской православной семьи по отношению к интеграции и Евросоюзу. Но это не означает, что православные Европы неспособны действовать сообща. Наоборот, в те моменты, когда европейская интеграция проходит свои знаковые отметки, православные церкви ЕС поддерживают друг

друга в стремлении донести христианскую позицию до чиновников ЕС и, по возможности, повлиять на принятие решений. Впрочем, учитывая секулярные тенденции Брюсселя, можно говорить лишь об ограниченной степени влияния, как и о том, что к голосу православия в Еврокомиссии прислушиваются всё же реже, а не чаще.

Одним из примеров совместной работы православных церквей стало их заявление о Конституции ЕС. Представители православия собрались в марте 2003 года на Крите и в результате многосторонних консультаций и совещаний выработали Заключительный акт о проекте Конституционного соглашения ЕС. В акте было, в частности, акцентировано внимание на необходимости включить в Конституцию ЕС ссылку на христианское наследие Европы. На совещании были также выработаны конкретные формулировки, предложенные для внесения в текст Конституции единой Европы, в частности, о государственно-церковных отношениях и деятельности сектантских организаций. Документ отразил несколько моментов, принципиально важных для православных церквей. Во-первых, православные чётко обозначили своё несогласие с возможным принижением роли и значения традиционных конфессий (этот пункт приобрёл особую значимость для Церкви Греции). Во-вторых, было продемонстрировано отрицательное отношение к законодательной поддержке сектантских организаций. В-третьих, православные подчеркнули, что секулярное понимание концепции прав человека не является единственным, и религиозные организации, опираясь на те же провозглашаемые права, могут добиваться защиты человеческой жизни (недопущение аборт и эвтаназии) и недопущения пропаганды противохристианских принципов (например, однополых «семей») [228].

В данном разделе мы анализируем мнения, сложившиеся в Греческой православной церкви и в Русской православной церкви.

Церковь Греции

Греция присоединилась к ЕС в 1981 году. Благодаря дотациям из Брюсселя греки смогли существенно повысить уровень жизни. «Евробарометр» (социологическая служба Еврокомиссии) свидетельствует, что на протяжении многих лет в Греции сохранялось позитивное отношение к ЕС и интеграции. Впрочем,

в Греции есть и понимание того, что евроинтеграция — это двусторонний процесс, обратная сторона которого становится заметна с течением времени. Элладская православная церковь, улавливающая нюансы европейского строительства, говорит об этом уже не первый год. Анализ документов, представленных церковью на суд общественности, позволяет утверждать, что Афины церковные не так оптимистичны, как Афины политические. Мы имеем право говорить о значительной доле критики, генерируемой теми действиями Брюсселя, которые Элладская церковь не приемлет и отвергает. Вот одно из мнений церкви на сей счёт: «Европа не может и не должна забывать, что её духовные основания находятся в Евангелии Христовом. Факт этот неоспорим, он был признаваем многие столетия, так что нет смысла утверждать его снова и снова. Но знания этого факта недостаточно. Европа должна относиться к нему с уважением. В этой связи слабование европейской политической элиты в принятии истории своей цивилизации, попытка не допустить основоположника цивилизации в текст Конституции, представляет собой опасный регресс... С точки зрения духовности и культуры это не Конституция Европейского союза, а подтверждение политического упадка Европы» [229].

Такова позиция Священного синода Элладской церкви. Впрочем, это отнюдь не означает, что Церковь Греции записала себя в евроскептики и собирается организовывать кампанию в поддержку выхода Греции из ЕС. Церковь, осознавая негативные черты европейского строительства, в то же время утверждает, что в развитии ЕС есть и позитивные стороны. Достаточно прочитать отдельные высказывания архиепископа Христодула (он был во главе Элладской церкви до своей кончины в 2008 году), чтобы убедиться в том, что греки не стремились описывать Евросоюз исключительно в негативных тонах. Как отметил архиепископ, «величайшая цель мира и развития в нашей истории — это Европейский союз». Архиепископ подчеркнул, что Греция впервые в своей истории добровольно поступилась частью суверенитета. Это было сделано для сохранения мира и стабильности, для предотвращения глобального конфликта, ярким примером которого явились в XX веке две мировые войны [230]. По словам

архиепископа, «для церкви Европейский союз это не только экономическое и политическое сотрудничество определённых государств, это даже не межгосударственное сообщество с определёнными экономическими и политическими целями. Если бы то, что упомянуто выше, являлось Европой, то у церкви не было бы никакой причины всё это защищать, поскольку церковь не занимается политикой. Для церкви Европа — это духовный образ христианства, поскольку христианство вобрало как римское наследие, так и греческое образование, преподавая их как в средние века, так и в последующее время. Вот почему поддержка Европейского союза для церкви — это не политический акт, но духовная ответственность. И эта ответственность заключается в том, чтобы защитить образ жизни, как это делает духовник, дабы этот стиль жизни не опустился бы до уровня простых политико-экономических событий» [231].

Судя по цитатам, приведённым выше, в Элладской церкви уживаются несколько точек зрения на Европейский союз при преобладании прагматичного подхода. Суть его заключается в том, что процесс европейской интеграции необратим, а потому задача церкви — не допустить его превращения в орудие откровенно антицерковных и антихристианских сил. В церкви сосуществуют как критика, так и позитивная оценка ЕС, хотя, на наш взгляд, можно говорить о преобладании первого. Пожалуй, наиболее ярко восприятие церковью особенностей евроинтеграции выразил митрополит Афанасий (Хатзопулос), глава представительства Церкви Греции при ЕС. Он отметил, что в Европе пересекаются многие силы, порой идущие в разных направлениях. «В настоящее время, — подчеркнул митрополит, — никто не может навязать своё мнение другим». Из множества мнений, как отмечал глава представительства, складывается тот путь, по которому в конечном итоге движется Европейский союз [232].

Русская православная церковь (Московский патриархат)

Имеется несколько причин, по которым РПЦ не остаётся в стороне от процесса европейской интеграции. Главная из них — присутствие на территории ЕС значительного количества приходов Московского патриархата. РПЦ не является сугубо национальной церковью, ибо среди её прихожан немало представителей

нерусской национальности (украинцы, белорусы, англичане, итальянцы, французы и т. д.). Поэтому пастырская забота церкви простирается далеко за пределы государства Российского [233].

Анализируя выступления и статьи иерархов Московского патриархата, можно констатировать: в РПЦ осознают, что некая духовная составляющая европейской интеграции, если она и существовала в прошлом, в настоящее время находится под угрозой исчезновения. Так, митрополит Кирилл (ныне Патриарх Московский и всея Руси) говорил о ряде серьёзных проблем, испытываемых Евросоюзом. Он, в частности, обращал внимание на следующее: «Первая проблема — это подмена процесса выработки единых ценностей, которые должны еще только появиться, либерально-гуманистическими стандартами <...> Наши многолетние наблюдения за развитием законодательной базы Европейского союза в религиозной, культурной, социальной, экономической и политической жизни представляют нам примеры явного доминирования либерально-гуманистического мировоззрения в европейских интеграционных процессах. Самый свежий пример подобного предпочтения одного мировоззрения другим системам ценностей, в том числе религиозным, касается разработки проекта Конституции Европейского союза. Сначала представительный орган — Конвент, который был созван для работы над текстом проекта, а затем и некоторые политические деятели высокого ранга высказывались против включения в преамбулу Конституции упоминания о христианских корнях европейской цивилизации» [234].

Епископ (ныне митрополит) Иларион утверждал, что модель, реализуемая на пространстве единой Европы, напоминает атеистический эксперимент бывшего СССР: «Верующие Русской Православной Церкви на протяжении многих десятилетий жили в ситуации, когда Церковь находилась в гетто, когда она была полностью отделена от общественной жизни, а общество “ограждено” от её влияния. Быть верующим означало быть извергнутым из общества. О вере не говорили вслух, религиозные взгляды тщательно скрывали, разговоров на духовные темы избегали. Процессы, происходящие сейчас в Европе, во многом напоминают то, что происходило в Советском Союзе. Воинствующий секуляризм оказывается столь же опасен для религии,

как и воинствующий атеизм. И тот, и другой стремятся выдворить религию за пределы общественно-политической сферы, загнать её в гетто, свести к “частному благочестию”» [235].

Таким образом, РПЦ устами своих иерархов свидетельствует о неверном направлении, избираемом идеологами интеграции. Как отметил митрополит Кирилл, выступая на конференции «Дать душу Европе», «...стремительно происходит размывание христианской идентичности Европы. Европа лишается тех черт, которые ей придало христианство <...> Европа лишается своей души» [236].

Означает ли это, что практически лишённая своей христианской души Европа превратила ЕС в антирелигиозный проект? Такое мнение в РПЦ существует. Так, пресс-секретарь Союза православных граждан Кирилл Фролов заявил, что Конституция, лишённая ссылки на христианское наследие Европы, «придала строящемуся европейскому государству воинствующий секулярный, по сути, антихристианский характер» [237]. Но мнение Фролова нельзя приравнять к мнению священноначалия. Более того, на официальном уровне в РПЦ столь категоричный взгляд на ЕС разделяется далеко не всеми. Как отмечал священник Антоний Ильин, и. о. руководителя Представительства РПЦ в Брюсселе (в должности — до 2013 года), в 2006 году РПЦ удалось внести в текст Рамочной стратегии по недискриминации понятие распределительной справедливости, дающее возможность прочтения и толкования «прав меньшинств» с учетом позиции церкви. Митрополит Иларион, выражающий официальное мнение Московской патриархии по вопросам интеграции, считает, что в ЕС сосуществуют разносторонние — как религиозные, так и антирелигиозные силы, причём каждая из них пытается влиять на европейскую политику.

Конечно, мы должны признать, что в целом критика ЕС со стороны Московского патриархата достаточно жёсткая — еще более жёсткая, чем в Церкви Греции, как отметил митрополит Афанасий (Хатзопулос) [238]. Но сам факт того, что РПЦ не отказывается от сотрудничества с официальными органами ЕС, пытается влиять на законотворческий процесс и отстаивать христианские ценности, подчёркивает, что церковь не считает все аспекты интеграции безнадежно аморальными и необратимо антихристианскими. Критика со стороны Московского патриархата направлена на оздоровление, а не на отторжение.

4.2.4 Степень религиозности как фактор влияния церквей

Как мы определили в предыдущем разделе, основные христианские конфессии не отказываются от участия в процессе интеграции. Также возможно взаимодействие церквей по европейской тематике с национальными правительствами. Это взаимодействие потенциально более продуктивно для тех церквей, которые более влиятельны и уважаемы в своей стране. На наш взгляд, в Евросоюзе степень их влияния определяется, кроме особенностей церковно-государственных отношений, упомянутых ранее, уровнем религиозности и историческими обстоятельствами.

Действительно, как упомянуто Хэйном, который, в свою очередь, цитирует Вильсона (1992), «чем более секуляризовано общество, тем меньше вероятность того, что религиозные организации будут играть политически значимую роль» [239, с. 5]. Нам известно, что церкви могут влиять на развитие ЕС через власти стран — членов Евросоюза. Для того, чтобы определить значимость церквей и их способность влиять на национальную политику (что, в свою очередь, связано с влиянием на европейском уровне), необходимо оценить степень религиозности в странах — членах ЕС. Степень религиозности обусловлена следующими параметрами: во-первых, числом верящих в Бога и числом тех, кто заявляет о своей принадлежности к конкретной деноминации; во-вторых, уровнем доверия церкви. Последние сведения, отражающие верования европейцев, датируются 2005 годом. В ходе опроса, проводимого «Евробарометром», было сделано различие между «конкретной» верой в Бога и неопределённой верой в духовные или жизненные силы. Информация имеется для всех стран ЕС (таблица 2).

Т а б л и ц а 2 — Уровень веры в Бога, % [240]

Страна	Я верю в то, что есть Бог	Я верю, что есть некие духовные или жизненные силы
Бельгия	43	29
Болгария	40	44
Кипр	90	7
Чехия	19	50

Продолжение таблицы 2

Страна	Я верю в то, что есть Бог	Я верю, что есть некие духовные или жизненные силы
Германия	47	25
Дания	31	49
Эстония	16	54
Латвия	37	49
Нидерланды	34	37
Польша	80	15
Португалия	81	12
Румыния	90	8
Швеция	23	53
Испания	59	21
Финляндия	41	41
Франция	34	27
Великобритания	38	40
Греция	81	16
Венгрия	44	31
Ирландия	73	22
Мальта	95	3
Италия	74	16
Австрия	54	34
Литва	49	36
Люксембург	44	28
Словения	37	46
Словакия	61	26
Хорватия	67	25

Примечательно, что число неверующих не превышает 50%-й порог ни в одной из стран ЕС. Самый большой процент неверующих зарегистрирован во Франции (33%), Чешской Республике (30%), Нидерландах и Бельгии (по 27%), Эстонии (26%) и Германии (25%) [241].

Наиболее актуальная информация о принадлежности к конкретной деноминации доступна за 2008 год. Эти сведения отражают готовность людей говорить о своей религиозности

и связях с религиозной организацией. Для христиан речь идёт о принадлежности к одной из конфессий — православной, католической или протестантской (таблица 3).

Т а б л и ц а 3 — Принадлежность к конкретной религии или деноминации, % [242]

Страна	Да	Нет
Бельгия	43,7	56,3
Болгария	80,7	19,3
Кипр	99,3	0,7
Чехия	23,3	76,7
Германия	54,0	46,9
Дания	59,6	40,4
Эстония	26,6	73,4
Латвия	50,1	49,9
Нидерланды	41,2	58,8
Польша	92,0	8,0
Португалия	86,9	13,1
Румыния	93,4	6,6
Швеция	31,2	68,8
Испания	72,2	27,8
Финляндия	59,0	41,0
Франция	48,6	51,4
Великобритания	47,3	52,7
Греция	90,8	9,2
Венгрия	58,9	41,1
Ирландия	80,6	19,4

Из 20 стран ЕС, по которым имеются сведения о принадлежности к конкретной конфессии, только в 7 присутствует большинство, не заявляющее о наличии таковой принадлежности. В число этих государств входят Бельгия, Великобритания, Нидерланды, Франция, Чешская Республика, Швеция и Эстония.

Третий фактор, который необходимо принять во внимание, касается доверия церкви. Можно отметить, что уровень доверия церкви опускается до резко негативной величины (полное отсутствие доверия) только в четырёх случаях: Чехия (39%),

Франция (29,7%), Болгария (27,7%) и Словения (26,8%) [243]. Правда, информация по этому параметру доступна только за 2000 год; более свежие данные отсутствуют.

На наш взгляд, упомянутые три параметра демонстрируют существование различных зон влияния церквей в ЕС. Так, зона высокого влияния включает Грецию, Италию, Кипр, Мальту, Польшу, Румынию и Хорватию, зона среднего влияния — Австрию, Болгарию, Венгрию, Германию, Данию, Ирландию, Испанию, Литву, Люксембург, Португалию, Словакию, Словению, Финляндию и Швецию, и зона низкого влияния — Бельгию, Великобританию, Латвию, Нидерланды, Францию, Чехию и Эстонию. Примечательно, что в зону высокого влияния попали только государства с однородным католическим и православным населением, в то время как страны преимущественно смешанного конфессионального поля оказались в зоне низкого влияния. Отчасти это связано с историческими обстоятельствами, включая роль церквей в защите национальных интересов и формировании национальной идентичности.

4.2.5 Церкви на наднациональном уровне

Присутствие церквей на наднациональном европейском уровне является ключевым индикатором для определения того, насколько результативно церкви могут следить за принятием решений в ЕС. Более того, работа представительств в Брюсселе отражает интерес церквей в развитии ЕС и их желание принимать участие в европейской интеграции. В данном разделе мы проанализируем деятельность данных представительств.

Во-первых, следует упомянуть, что только РКЦ представлена в ЕС на официальном дипломатическом уровне. Речь идёт о Посольстве Святого Престола в ЕС и миссии Суверенного Мальтийского Ордена. Безусловно, папские нунции стараются защищать, используя дипломатические методы, интересы Ватикана на европейском уровне. Для Мальтийского ордена положение дел не столь благоприятно, как для Посольства Ватикана: представительство Мальтийского ордена признаётся дипломатическим Европейской комиссией, но не странами — членами ЕС [244]. В то же

время ни одно из других религиозных представительств не имеет дипломатического статуса и, в принципе, неспособно его получить.

На официальном сайте Европейской комиссии (Бюро европейских политических советников) содержится список представительств различных религий, причём более 50 организаций классифицируются как религиозные. Большинство религиозных представительств — христианские, есть также небольшое число иудейских и мусульманских организаций [245]. Из перечисленных на сайте организаций менее половины имеют чёткую повестку дня и способны следить за развитием событий в ЕС, пытаясь оказать влияние на процесс принятия решений.

Полагаем, что представительства можно классифицировать в соответствии с конфессиональными критериями. Так, католические организации, работающие по широкому кругу вопросов, включают Комиссию епископских конференций Европейского союза (далее — КОМЕСЕ), Иезуитский европейский социальный центр и «Каритас Европа». Православные представительства включают таковые церквей Греции, Румынии, Кипра, Московский и Константинопольский патриархаты. Наконец, протестанты представлены Евангелической церковью Германии (ЕЦГ), Европейским евангелическим альянсом, организацией «Христианское действие, исследование и образование» и лютеранскими церквями Финляндии и Швеции. Имеется также представительство англиканской церкви и представительства неопротестантских церквей. Экуменические организации представлены комиссией «Церковь и общество» Конференции европейских церквей и АПРОДЕВ (Ассоциация организаций развития в Европе, связанных со Всемирным советом церквей).

Для того, чтобы оценить уровень влияния или возможный потенциал влияния и эффективность организационной структуры представительства, необходимо учитывать следующие критерии. Во-первых, важно знать, когда было открыто представительство (более новые представительства, как правило, имеют меньше связей в политических кругах Брюсселя). Во-вторых, имеет значение число сотрудников в представительстве (меньшее число сотрудников неспособно справиться со всем потоком информации и обязанностей), а также заявленные цели представительства особенно в контексте фокусирования на определённых вопросах.

В-третьих, необходимо знать, в какой степени церковь имеет влияние в стране — члене ЕС (и в этом контексте способна влиять на учреждения ЕС через властные структуры своей страны). Наконец, важно определить, в какой степени уровень религиозности в стране — члене ЕС позволяет ожидать, что представители страны в Брюсселе (например, депутаты Европарламента) будут готовы отстаивать религиозную точку зрения и интересы религиозных организаций.

Католическое присутствие в Брюсселе

Организации, представляющие католическую церковь в Брюсселе, — Комиссия епископских конференций Европейского союза (КОМЕСЕ) и Иезуитский европейский социальный центр (ИЕСЦ), ранее носивший название «Иезуитский европейский офис».

КОМЕСЕ можно отнести к наиболее влиятельной католической организации, работающей на европейском уровне. Это объясняется имеющимися у КОМЕСЕ ресурсами, опытом и связями среди политических элит. Организация была основана в 1980 году; в настоящее время она включает епископов, делегируемых 28 католическими епископскими конференциями ЕС. В постоянном секретариате организации в Брюсселе работает 11 советников, которые специализируются на различных вопросах — от фундаментальных прав человека до биоэтики и миграции. В настоящее время Генеральным секретарём КОМЕСЕ является священник-ирландец (из Великобритании) Патрик Дэли, который, возможно, более открыт для экуменического сотрудничества, чем его предшественник Пётр Мазуркевич из Польши. Среди целей КОМЕСЕ — мониторинг и анализ политических процессов в ЕС и регулярный диалог с учреждениями ЕС. КОМЕСЕ также информирует католическую церковь о важных моментах развития ЕС, включая формирование нового законодательства, и высказывается по проблемным европейским вопросам на основании социального учения церкви [246]. Таким образом, миссия КОМЕСЕ заключается как в информационной работе, так и во влиянии на процессы развития ЕС, хотя о последнем в документах КОМЕСЕ не упоминается.

ИЕСЦ можно причислить ко второй по степени влияния католической организации после КОМЕСЕ. Иезуитский европейский

офис (ИЕО) был основан в 1956 году со структурными подразделениями в Брюсселе, Будапеште, Варшаве и Страсбурге. В январе 2012 года ИЕО был преобразован в Иезуитский европейский социальный центр. Главной целью организации является выражение мнения по вопросам европейских ценностей и ответственности с позиции католической веры. Один из приоритетов ИЕСЦ — обеспечение вклада в развитие европейского сознания, а также в вопросы, касающиеся справедливости и солидарности как в Европе, так и между Европой и остальными континентами. В первом случае речь идёт о поиске адекватного духовного, морального, политического и законодательного основания для европейского проекта. Во втором концепция солидарности видится и используется в качестве объединяющего фактора, имеющего важное значение как в рамках католической социальной концепции, так и в развитии ЕС. Методы, используемые в работе ИЕСЦ, включают «личные контакты и взаимоотношения» и систему взаимосвязи с различными организациями. ИЕСЦ работает в тесном сотрудничестве с КОМЕСЕ; совместно они публикуют бюллетень «Юропинфос», который выходит 11 раз в год [247].

Православное присутствие

Представительство Вселенского/Константинопольского патриархата. Данное представительство стало первым православным представительством в ЕС. Оно было основано в 1995 году, по решению Вселенского патриархата. В настоящее время представительство возглавляет митрополит всея Франции Эммануил (Адамакис), однако его пастырские обязанности, связанные с церковным служением, не позволяют уделять должное количество времени текущей работе представительства. Большая часть работы выполняется секретарём представительства, архимандритом Эмильяносом (Богянну). Основная цель представительства — усиление вклада православной церкви в процесс созидания Европейского союза [248]. И хотя штаб-квартира Константинопольского патриархата (Стамбул, Турция) находится за пределами Евросоюза, он хорошо представлен в ЕС, главным образом благодаря грекоязычным епархиям (иммигранты греческого или киприотского происхождения, живущие в разных странах ЕС). Кроме этого, Вселенский патриархат имеет первенство чести

среди других автокефальных православных церквей, хотя роль Вселенского патриарха в православном мире не является идентичной роли Папы Римского в мире католическом.

Церковь Греции. Представительство Церкви Греции при ЕС было открыто в 1998 году. В настоящее время в офисе работают три сотрудника во главе с митрополитом Афанасием (Хатзопулосом). Офис в Брюсселе специализируется на «отслеживании и изучении» различных аспектов деятельности Евросоюза, которые «находятся в ракурсе непосредственных интересов Церкви Греции». Также представительство продвигает духовную и культурную деятельность Греческой православной церкви, посредством сотрудничества с европейскими учреждениями, участием в различных мероприятиях, через организацию лекций, конференций, семинаров и так далее. Есть все основания утверждать, что представительство Церкви Греции является наиболее влиятельным православным представительством в Брюсселе. Это объясняется тем, что на европейском уровне работают профессиональные и компетентные сотрудники, а у представительства в целом сложились хорошие отношения с Европарламентом, особенно депутатами из Греции, и Европейской комиссией. Кроме этого, Греческая православная церковь пользуется большим уважением в самой Греции, что позволяет церкви влиять на работу европейских учреждений через правительство своей страны [249].

Представительство Московского патриархата. Представительство РПЦ было открыто в Брюсселе в 2002 году с целью представлять интересы Московского патриархата и принадлежащих его юрисдикции православных, часть которых живёт в странах ЕС. Основная его цель — мониторинг законодательства ЕС и адвокати́рование в сферах, представляющих важность и интерес для РПЦ. В то же время имеются основания предполагать, что уровень и значимость представительства снизились за последние несколько лет. Так, до 2009 года представительством руководил епископ, в настоящее время во главе находится обычный священнослужитель, Димитрий Сизоненко, к тому же в качестве «исполняющего обязанности» представителя. Секретарь представительства, священник Андрей Елисеев, одновременно несёт служение настоятеля православной церкви

в Антверпене. Такое положение вещей объясняется отчасти тем, что страны, в которых проживает основная часть верующих РПЦ (Россия, Украина, Беларусь) не входят в состав ЕС. В какой-то степени представительство может полагаться на русских православных депутатов Европарламента из стран Балтии, но эти возможности ограничены [250].

Представительство Румынской православной церкви. Данное представительство было основано в 2006 году. Президентом представительства является архиепископ Нифон (Михаита), постоянно проживающий в Румынии. В этой связи вся текущая работа выполняется директором офиса (в настоящее время — священник Сорин Селару), проживающим в Брюсселе. Основные цели представительства во многом совпадают с целями других представительств: мониторинг деятельности европейских учреждений с учётом вопросов, имеющих непосредственный интерес для Румынской православной церкви, и информирование патриархии в Бухаресте о наиболее значимых моментах развития ЕС. Представительство также стремится принимать участие в событиях, «мобилизующих европейские церкви для поддержки христианских ценностей в процессе институциональной консолидации ЕС». Также признаётся, что основные аспекты деятельности офиса связаны с информацией и отношениями с общественностью [251]. В перспективе представительство Румынской церкви может стать одним из наиболее влиятельных в Евросоюзе, благодаря широкому присутствию Румынии в Европарламенте и влиятельной роли церкви в румынском обществе.

Представительство Кипрской православной церкви. Данное представительство было открыто в Брюсселе в 2008 году, но в его штате самое большое число сотрудников из всех православных представительств — четыре человека. Во главе офиса находится епископ Порфирий (Папастияну). По словам главы представительства, его задачи в значительной мере совпадают с задачами других православных представительств: мониторинг развития европейского законодательства и выступления по вопросам, которые значимы для церкви. Вместе с тем, у Церкви Кипра есть и особый интерес: нарушение прав христиан, живущих на оккупированной территории Кипра [252]. Учитывая важность

данной проблематики для Кипрской Республики, такой подход вполне понятен; вместе с тем концентрация работы церкви на данной проблематике может отвлечь представительство от работы над вопросами, которые значимы для других православных церквей.

Комитет представительств православных церквей при Европейском союзе (КППЦЕС). В марте 2010 года представители всех православных церквей в Брюсселе учредили специальный комитет, целью которого является координация межправославного сотрудничества по вопросам Европейского союза. Как подчёркивается в статье протоиерея Антония Ильина, до 2013 года исполнявшего обязанности представителя Московского патриархата, ни одна из межхристианских организаций, объединяющая представителей различных конфессий, не может выступать от имени православных церквей в силу того, что они неспособны адекватно отразить православную идентичность [253]. В этом контексте роль комитета заключается в том, чтобы «сделать видимым присутствие глобального православия, как для политических элит, принимающих решения, так и для экспертного сообщества и средств массовой информации в Брюсселе» [254]. Тем не менее комитет не призван заменить работу представительств. Комитет также нельзя отнести к формализованным структурам, способным говорить от имени всех православных представительств в Брюсселе. Скорее, речь идёт об организации консультационного характера, но её существование значимо в том плане, что позволяет улучшить видимость православной идентичности. К примеру, в заявлении, сделанном в марте 2014 года, комитет особо упомянул семью как «свободно заключаемый союз между мужчиной и женщиной» и подчеркнул, что стратегия развития прав человека должна не усиливать, но, наоборот, ослаблять трения и противоречия в обществе [255].

Протестантское присутствие

Евангелическая церковь Германии. Из протестантских представительств наиболее заметным на уровне ЕС является представительство Евангелической церкви Германии (далее — ЕЦГ). Оно было открыто в Брюсселе в 1990 году и в настоящее время насчитывает пять сотрудников во главе с Катрин Хатцингер.

Офис ЕЦГ отслеживает законотворчество Европейского союза и представляет интересы и позицию церкви. Основные сферы, представляющие интерес для ЕЦГ, включают политические вопросы (реформа договоров и диалог между церквями и ЕС), миграцию, защиту информации, трудовое законодательство, налогообложение, политику в области средств массовой информации и биоэтику. Другие вопросы, представляющие интерес для ЕЦГ, также находятся в сфере деятельности представительства (например, разрешение конфликтов, поддержка религиозных свобод и фундаментальных прав в ЕС). Офис ЕЦГ вносит свой вклад в общественные консультации, а также информирует головной офис в Германии и церковные либо связанные с церковью организации о принимаемых решениях в ЕС. Примерно один раз в месяц представительство издаёт информационный бюллетень «Europa-Informationen» (на немецком языке), содержащий важную информацию о развитии ЕС [256].

Организация «Христианское действие, исследование и образование» (далее — ХДИО). Она представляет различные протестантские церкви и концентрирует свою работу на мониторинге европейских решений в области биоэтики, семейной жизни, азартных игр, торговли людьми, религиозных свобод и прав человека. При этом ХДИО подчёркивает, что посредством лоббирования стремится «влиять на политику ЕС, чтобы она соответствовала ценностям Христа» и, таким образом, «помочь сохранить Европейский союз, ориентированный на Христа». В офисе ХДИО в Брюсселе работает два сотрудника; во многом их силами проводятся исследовательские брифинги и происходит участие в публичных слушаниях в Европейской комиссии и Европейском парламенте. Наиболее значимые аналитические доклады, подготовленные ХДИО, включают таковые по вопросам демографических изменений, проблематики завершения жизни и репродуктивного здоровья [257].

Евродиакония. Представители данной организации говорят о ней как о «христианской», т. е. внеконфессиональной, но список её членов подтверждает протестантский характер организации. Евродиакония координирует деятельность организаций-членов по различным социальным вопросам. Секретариат организации

в Брюсселе состоит из пяти сотрудников. Вопросы, входящие в компетенцию Евродиаконии, включают проблематику бедности, социальную исключённость, миграцию, жизнь в диаспорах и т. д. Организация предпринимает попытки влиять на принимаемые на европейском уровне решения, но оценить степень её влияния достаточно сложно [258].

Европейский евангелический альянс (далее — ЕЕА). Организация объединяет национальные евангелические альянсы Европы и значительное число панъевропейских миссионерских агентств. В Брюсселе ЕЕА представляет один сотрудник, но до настоящего времени работа организации на уровне ЕС была практически незаметной. Сайт альянса перечисляет «ожидания ЕЕА», включающие некоторые предсказания на будущее. К примеру, альянс заявляет, что в будущем будет происходить более эффективный политический мониторинг и защита интересов на национальном и европейском уровнях, что в политику будет вовлечено намного больше христиан и что для более значительного числа христиан молитва за ЕС и Европу в целом будет в числе приоритетов. Тем не менее, сайт не содержит информации о том, как организация отстаивает свои интересы на уровне ЕС или какие делает шаги для сотрудничества с учреждениями Евросоюза [259].

Экуменические организации

Среди экуменических организаций особую роль играет Конференция европейских церквей, объединяющая представителей более 120 церквей Европы — православных, старокатолических и протестантских. Кроме этого, определённая роль принадлежит АПРОДЕВ (Ассоциация организаций развития в Европе, связанных со Всемирным советом церквей).

Конференция европейских церквей (далее — КЕЦ). Организация была основана в 1959 году; в настоящее время в её состав входит более 120 церквей различных деноминаций. В структуре КЕЦ — генеральный секретарь и три комиссии: «Церкви в диалоге», «Церковь и общество» и «Комиссия Церквей по мигрантам в Европе» [260]. Вопросами европейской интеграции занимается комиссия «Церковь и общество» (далее — КЦО). Она из целей комиссии — поддержка и координация деятельности церквей во взаимоотношениях с европейскими учреждениями [261]. Десять

сотрудников КЦО размещаются в Брюсселе и трое — в Страсбурге. КЦО — одна из наиболее профессионально работающих и влиятельных организаций в Брюсселе, которая в целом смогла установить хорошие взаимоотношения с европейскими учреждениями. Очевидно, что КЦО КЕЦ — самая влиятельная экуменическая структура, работающая на наднациональном европейском уровне.

АПРОДЕВ. Данная ассоциация была основана в 1990 году, причём в настоящее время основной целью организации является воздействие на процесс принятия решений в учреждениях ЕС в области, связанной с развивающимися странами. АПРОДЕВ в большей степени представляет протестантские церкви Европы. Организация подчёркивает, что принципы европейской политики в области развития призваны вносить свой вклад в устойчивое развитие, гендерное равенство, достоинство человека, ликвидацию бедности и т. д. В наибольшей степени АПРОДЕВ уделяет внимание таким аспектам политики ЕС, как торговля и сельское хозяйство, изменение климата, палестинско-израильский конфликт и политика ЕС по отношению к другим регионам, таким как Восточная Европа и Закавказье [262].

В заключение данного раздела следует отметить, что в Брюсселе имеется адекватное присутствие христианских церквей с некоторыми вариациями для различных конфессий. Протестантские церкви предпочитают действовать через экуменические организации, в особенности через КЕЦ. Православные церкви также используют, в определённой степени, потенциал экуменических организаций, но в то же время осознают значимость непосредственного взаимодействия с европейскими учреждениями. Католическая церковь обладает достаточными ресурсами для того, чтобы работать в Брюсселе на обособленном уровне; при этом представительства церкви на уровне ЕС влиятельны и профессиональны; на первом месте среди католических организаций находится КОМЕСЕ.

4.3 Практическое сотрудничество

Практическое сотрудничество между христианскими организациями и европейскими учреждениями обычно происходит в виде консультаций и встреч. Люсиан Леустеан выделяет два типа встреч: рабочие группы (когда встречаются эксперты с обеих

сторон, работающие над конкретной проблемой) и «в виде “возможности сфотографироваться” для высшего эшелона политических и религиозных лидеров Европы», когда присутствуют президенты Европейского совета, парламента и комиссии, а также лидеры церквей и других религиозных организаций [263, с. 309—310]. Эти встречи наиболее заметны общественности и средствам массовой информации, а потому иногда звучат обвинения в том, что у христианских организаций имеется чрезмерное влияние на высшем политическом уровне. Но следует заметить, что данные встречи достаточно формальные, а их практический результат незначителен. С июля 2005 года было проведено десять встреч на высшем уровне (таблица 4).

Т а б л и ц а 4 — Встречи между религиозными и политическими лидерами ЕС

Дата	Тема	Присутствующие конфессии
Июль 2005 года	Отвержение терроризма и текущая интеграция ЕС	Католики, протестанты, православные, иудеи и мусульмане
Май 2006 года	Фундаментальные права и взаимное уважение	Католики, протестанты, православные, иудеи, мусульмане и буддисты
Май 2007 года	Созидание Европы, основанной на достоинстве человека	Католики, протестанты, православные, иудеи и мусульмане
Май 2008 года	Изменение климата и взаимодействие	Католики, протестанты, православные, иудеи и мусульмане
Май 2009 года	Экономический и финансовый кризис: моральный вклад для европейского и глобального экономического управления	Католики, протестанты, православные, иудеи и мусульмане
Июль 2010 года	Борьба с бедностью и социальным вытеснением	Католики, протестанты, православные, иудеи, мусульмане, индуисты и сикхи
Май 2011 года	Партнёрство ради демократии и совместного блага: общее желание поощрять демократические права и свободы	Католики, протестанты, православные, иудеи, мусульмане и буддисты

Продолжение таблицы 4

Дата	Тема	Присутствующие конфессии
Июль 2012 года	Солидарность между поколениями: установка параметров для будущего общества в Европе	Католики, протестанты, православные, иудеи и мусульмане
Май 2013 года	Необходимость поставить граждан в центр европейского проекта в эпоху перемен	Католики, протестанты, православные, иудеи и мусульмане
Июнь 2014 года	Будущее Европейского союза	Католики, протестанты, православные, иудеи и мусульмане

Если проанализировать список приглашённых, можно заметить, что среди религиозных организаций есть постоянные участники диалога, которых, как правило, приглашают на встречи ежегодно. Среди них — представители КОМЕСЕ и КЕЦ, от католической церкви и экуменических организаций соответственно. Со стороны протестантов обычно приглашены представители Евангелической церкви Германии и англиканской церкви. Со стороны православных представители Церкви Греции участвовали во всех встречах, исключая встречу 2013 года, а представители Московского патриархата официально присутствовали на встречах в 2005, 2007—2009 и 2011 годах. Церковь Кипра была представлена на встречах в 2007, 2010—2012 и 2014 годах, а представители Румынской православной церкви посетили все встречи, начиная с 2008 года (исключая последнюю, в 2014 году). Представитель Болгарской православной церкви был только на одной встрече, в 2010 году. Вселенский патриархат представлен на всех встречах, как правило, митрополитом Эммануилом (Адамакисом). Иногда на встречи приглашают представителей малочисленных церквей, таких как Объединённая протестантская церковь Бельгии [264].

Встречи указанного выше формата не позволяют участникам проводить серьёзные дискуссии, так как они в принципе проблематичны в формате встреч, которые происходят раз в год, продолжаются несколько часов и при этом число участников

нередко превышает двадцать человек. В отличие от «фото-встреч» рабочие группы носят более практический характер и предоставляют больше возможностей влиять на принимаемые решения, особенно если церковные эксперты являются профессионалами в своей области. Тем не менее, на уровне ЕС отсутствуют формальные правила, которые позволяли бы предусмотреть особое участие религиозных организаций. Действительно, эксперты со стороны церкви работают наравне с экспертами из светских организаций, причём без всякого преимущества. Более того, в некоторых случаях тот факт, что эксперты направляются религиозными организациями, может сыграть отрицательную роль, особенно если стороны переговоров настроены против участия представителей религиозных структур, даже если речь идёт об экспертах «нейтрального» профиля, например, в области экологии.

После вступления в силу в 2009 году Лиссабонского соглашения можно было ожидать, что у церкви появятся лучшие возможности для влияния на наднациональном (европейском) уровне. Как отметил Леустеан, Лиссабонский договор усиливает позицию религиозных организаций и создаёт консультационные структуры с европейскими учреждениями [265]. Статья 17(3) Договора о функционировании Европейского союза предусматривает «открытый, транспарентный и регулярный диалог» с церквями, а также с философскими и неконфессиональными организациями. В апреле 2010 года КОМЕСЕ и КЦО КЕЦ выработали «Общие подходы» по возможному применению данного пункта Лиссабонского соглашения. Они, в частности, акцентировали внимание на том, что партнёрами церкви по диалогу должны стать совет, комиссия и парламент, а также «другие учреждения ЕС», и что возможности для диалога должны быть предоставлены как основным, так и малочисленным церквям [266, с. 3].

Говоря о возможных характерных чертах данного диалога, КОМЕСЕ и КЦО КЕЦ обратили внимание на следующие важные аспекты. Открытость, по их мнению, означает, что учреждения ЕС должны проявлять готовность работать с гражданами, чтобы они были вовлечены в процесс законотворчества и управления в ЕС. Ещё одна черта открытости заключается в том, что

из диалога нельзя исключать ни одно из направлений деятельности, находящихся в компетенции ЕС. Диалог должен быть «честным» и может концентрироваться, помимо прочего, на продвижении тех всеобщих ценностей, что упомянуты в Преамбуле Договора о Европейском союзе, а также реализации принципов солидарности и subsidiarity в ЕС [267]. Транспарентность подразумевает возможность для всех заинтересованных знать о позиции церквей по тому или иному вопросу, а также возможность для учреждений ЕС говорить о своих идеях для более широкой аудитории.

Наибольший акцент сделан на пункте о регулярности диалога. Христианские организации подчёркивают, что эта регулярность означает выход за рамки эпизодических встреч между представителями церквей и учреждений ЕС. По мнению церквей, диалог должен быть улучшен на всех уровнях: рабочие контакты, семинары, консультации и встречи на высшем уровне. Более того, встречам на высоком уровне должна предшествовать совместная подготовка, особенно в содержательной части, а по итогам встреч могут приниматься дальнейшие решения. В части, касающейся Европейской комиссии, регулярный диалог должен внести свой вклад в увеличение частоты встреч с представителями церквей [268]. Это может зависеть от особенностей ежегодного стратегического планирования в комиссии, поэтому высказывается мнение, что такие встречи необходимы до объявления комиссией о своей законодательской и рабочей программе на следующий год. Также КОМЕСЕ и КЦО КЕЦ подчёркнули, что они позитивно относятся к участию в слушаниях, организуемых Европейским парламентом. Всё это подтверждает готовность церквей тесно сотрудничать с учреждениями ЕС.

Европейская комиссия, со своей стороны, трактует характеристики диалога в несколько ином ракурсе. Так, для Европейского союза открытость диалога означает, что участниками данного диалога могут быть «церкви, религиозные ассоциации или общины, а также философские и неконфессиональные организации, которые признаны или зарегистрированы в качестве таковых на национальном уровне и привержены европейским ценностям». Транспарентность диалога подразумевает, что Европейская комиссия на специальном сайте «доводит до сведения общественности инфор-

мацию о деятельности в рамках данного диалога». Наконец, регулярность означает, что «Европейская комиссия поддерживает регулярный диалог с участниками на разных уровнях, в форме переписки, встреч или специальных мероприятий», без указания того, насколько регулярно это может происходить [269].

Сдержанный подход со стороны Еврокомиссии может рассматриваться как подтверждение мнения Ронана МакКреа о том, что ЕС, не будучи жёстко секулярным, на практике может стремиться ограничивать возможность возвращения религии на политическую арену. Судя по всему, со стороны европейских учреждений отсутствует готовность к диалогу, аналогичная таковой со стороны христианских церквей. Безусловно, можно считать достижением церквей тот факт, что положение об их диалоге с ЕС было вынесено в Лиссабонском соглашении отдельным пунктом, за пределами диалога с гражданским обществом. Тем не менее, это положение размыто включением в диалог «философских и неконфессиональных организаций». Первоначально церкви просили о «структурированном» диалоге, но термин «структурированный» не был включён в статью 17 Лиссабонского договора. Поэтому, если говорить о статье 17 в целом, она может означать диалог практически со всеми, без обязательств со стороны Европейского союза. Более того, практическое воплощение статьи остаётся под вопросом, так как невозможно организовать эффективный и результативный диалог с сотнями различных деноминаций. Очевидно, что церквям, для усиления своего влияния, необходимо более активно сотрудничать с европейскими учреждениями в области формирования политики ЕС, причём в различных сферах.

4.4 Выводы

Анализ, проведённый в рамках данной главы, позволяет сделать выводы о роли и месте христианских церквей в европейской интеграции. Эти выводы обусловлены, помимо прочего, той особой и уникальной ролью, которую играют церкви в интеграционном процессе. В целом можно сказать о следующем.

Во-первых, церкви усилили своё влияние в ЕС за последние 20 лет. Процесс секуляризации, происходящий в отдельных регионах Евросоюза, не применим к ЕС в целом. Во-вторых, церкви проявляют активность только по отдельным вопросам деятельности ЕС, которые они считают наиболее важными. Как правило, речь идёт о проблемах, связанных с ценностными ориентациями и включающих различные аспекты идентичности, морали и права наиболее уязвимых групп населения (к примеру, нелегальных мигрантов). Мы также можем сделать вывод, что церкви действуют исходя из общих интересов, а не из эгоистичных целей. В-третьих, степень влияния и вовлечённости церквей в процесс европейской интеграции зависит от конфессиональных особенностей. Так, на наднациональном уровне более влиятельна Римско-католическая церковь, но на национальном уровне многое зависит от конкретных обстоятельств в рассматриваемом государстве. Вариации могут быть значительными даже среди стран с похожими конфессиональными характеристиками.

Наконец, мы определили, что уровень влияния и успешности церквей зависит от того, какая проблема находится на повестке дня. Так, по вопросам, привлекающим значительное внимание общественности и правительств, мобилизационный потенциал церквей может быть очень высоким, превышающим мобилизационный потенциал их оппонентов. Более того, по ряду вопросов церкви могут солидаризироваться со светскими организациями, что, безусловно, способно увеличить потенциал церквей. В целом справедливо говорить о том, что церкви стали неотъемлемыми участниками европейской интеграции и европейской политики. Статья 17(3) Договора о функционировании Европейского союза формирует законодательные рамки для взаимодействия между церквями и европейскими учреждениями. Независимо от того, что её интерпретации различны, влияние положений данной статьи улучшает позицию христианских организаций на наднациональном уровне.

ГЛАВА 5. ТЕМАТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОДИН. ЦЕРКВИ И ПРОЦЕСС РЕФОРМЫ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ДОГОВОРОВ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Нередко считается, что история европейской интеграции — это процесс последовательной разработки и принятия ключевых межправительственных договоров. Действительно, начиная с Римского договора (1957 год), следуя через Маастрихтские (1992), Амстердамские (1997), Ницские (2001) соглашения и, наконец, завершая Лиссабонским (2007) договором, мы наблюдаем за тем, как государства, участвующие в европейской интеграции, искали оптимальные пути сотрудничества и дальнейшего продвижения интеграционных процессов. Впрочем, нельзя не отметить, что конституционный процесс, начатый с разработки соглашения, учреждающего Конституцию для Европы (Европейскую Конституцию) являлся, в значительной степени, уникальным событием, отличным от других и проходил в особых условиях развития Европейского союза.

Действительно, в преддверии самого масштабного за всю историю расширения Евросоюза (в 2004 году) стало понятно, что управлять ЕС, состоящим из 25 стран с различной политической и экономической системой, будет, в рамках существующих договоров, предельно сложно [270]. На повестке дня появилась необходимость принятия нового, более эффективного соглашения [271]. Процесс реформ, инициированный на Лакенском саммите в декабре 2001 года, занял восемь лет. Его окончание датируется декабрём 2009 года, когда вступили в силу Лиссабонские соглашения. Эти восемь лет были отмечены дискуссиями и противоречиями, отражавшимися в дебатах и соперничестве между участниками процесса.

В декларации, принятой на Лакенском саммите, было подчеркнуто, что Европейскому союзу необходимо стать «более демократическим, открытым и эффективным» [272]. Для того, чтобы «изучить основные вопросы, связанные с будущим развитием Союза, и <...> определить возможные ответы на эти

вопрось», Европейский совет решил «созвать конвент, состоящий из основных участников дебатов о будущем Евросоюза» [273]. Таким образом, процесс реформ начался с работы Конвента по будущему Европы (Европейского конвента), заседания которого проходили с февраля 2002 года по июль 2003 года. Итоговым документом конвента стал текст договора, учреждающего Конституцию для Европы (Европейскую Конституцию). Предполагалось, что Конституция заменит договор о Европейском союзе и договор, учреждающий Европейское сообщество.

Вторая стадия процесса реформ проходила с октября 2003 года до июня 2004 года — текст Конституции обсуждался и корректировался на межправительственной конференции глав государств и правительств членов ЕС и кандидатов в члены ЕС. Третья, последняя, стадия относится к тому времени, когда, после провала ратификации конституционного договора, страны — члены ЕС приняли решение подготовить реорганизационный договор (или договор о реформе). Данный договор был согласован в октябре 2007 года и подписан в декабре того же года в Лиссабоне, отсюда его самое распространённое название — Лиссабонский договор. В отличие от Конституции, процесс ратификации проходил более успешно и завершился в течение двух лет.

В данной главе будет проанализирована роль церкви в процессе реформы договоров ЕС. Структура главы следующая. Вначале мы рассмотрим появление религии в документах ЕС до созыва Европейского конвента. Во втором разделе будет обсуждена позиция церкви по конкретному содержанию реформируемых договоров. В третьем проведён анализ трёх основных этапов дебатов, а также основных аргументов, использовавшихся в ходе дискуссий и обсуждений.

5.1. Исторический аргумент: религия до конвента

Как было отмечено в предыдущих разделах монографии, присутствие христианства заметно с первых этапов европейской интеграции, хотя речь, в основном, шла о мотивации «отцов-основателей», а не об официальных документах сообщества. На более поздних этапах стали говорить не столько о христианстве,

сколько о религии в целом, причём её появление было зафиксировано в документах ЕС ещё до того, как идея созыва конвента зародилась в сознании европейских лидеров. Как подчёркивает Гросч, «в начальной стадии религия не являлась ни субъектом, ни темой для ЕС. Но сейчас можно найти ряд положений в законах Сообщества, а также в решениях, принятых комиссией, в которых присутствует религия, или которые затрагивают религиозные субъекты, или же в которые данные субъекты вовлечены» [274].

Гросч признаёт, явно в духе социального конструкционизма, что «проект европейской интеграции прошёл удивительную трансформацию — от экономического сообщества до политического союза» [275]. Роль религии стала более существенной тогда, когда неэкономические факторы и участники приобрели большее значение. Анализируя положение дел до начала дебатов по Конституционному договору, Гросч приводит три случая ссылки на религию: решение Европейского Суда о статусе государственных служащих в 1970-е годы; указания, касающиеся религиозной политики, во время принятия Амстердамского договора (1997 год); Хартия фундаментальных прав Европейского союза [276]. Например, в декларацию № 11, приложенную к Амстердамскому договору, была включена следующая формулировка: «Европейский союз уважает и не ограничивает статус, согласно национальному законодательству, церковью и религиозных ассоциаций или общин в странах-членах. Европейский союз в равной мере уважает статус философских и неконфессиональных организаций».

Следует отметить, что данная формулировка отражала, в определённой степени, просьбу со стороны Ватикана. В марте 1996 года Святой Престол заявил, что «есть необходимость в том, чтобы в рамках законодательства ЕС было гарантировано, что отношения между церковью и государством будут сохранены такими же, какие существуют в самих государствах» [277]. Поскольку Ватикан, не входящий в состав ЕС, не имел возможности внести соответствующее предложение на межправительственной конференции, его позиция была озвучена представителями Австрии, Германии, Италии, а позже — Португалии. Правда, окончательная версия статьи не только не отразила в полной мере предложенную формулировку, но даже не вошла в основную

часть Амстердамского договора. Вместо этого произошла её трансформация в вышеупомянутую 11-ю декларацию.

Кроме этого, церкви стремились к включению ссылки на религию в преамбуле Хартии фундаментальных прав, но эти попытки не увенчались успехом, во многом из-за оппозиции тогдашнего премьер-министра Франции Лионеля Жоспена [278, с. 2]. В качестве «компенсации» в преамбуле всё же было упомянуто о «духовном и моральном наследии ЕС», косвенно признающим религию. Что касается положений хартии, связанных с религией, то они относились, главным образом, к свободе вероисповедания (статья 10 — «Свобода мысли, совести и вероисповедания», статьи 14 и 22 о праве на образование и отсутствие дискриминации и статья 21, провозглашающая, что ЕС «уважает культурное, религиозное и языковое разнообразие»). Присутствие религии было также отмечено в Европейской социальной хартии. Так, в приложении к хартии гарантировалось, что религиозные общины и их учреждения освобождаются от соблюдения определённых требований, изложенных в статьях 21 и 22.

Таким образом, религия и церкви были известны участникам европейской интеграции и лицам, принимающим решения на самых различных уровнях Европейского союза, ещё до начала процесса конституционной реформы.

5.2. Христианский взгляд на Конституционный договор: церкви и формирование общественного мнения

Как было доказано в предыдущих частях монографии, церкви в ЕС могут выступать в качестве участников формирования идентичности и общественного мнения. Речь, в частности, идёт о «вдохновении» политиков и общественных деятелей на выражение определённых идей. При этом деятельность церквей нередко осуществляется посредством деклараций, заявлений, предложений, касающихся насущных вопросов и, безусловно, отражающих взгляды христианского сообщества. Таким образом, мы можем анализировать действия церквей в ходе дебатов Европейского конвента, используя указанный выше формат.

В предыдущем разделе мы определили, что церкви пытались внести определённый вклад в формулировку документов ЕС ещё до начала процесса работы над Конституционным договором. И хотя эти попытки были в целом неудачны, не следует забывать, что Хартия фундаментальных прав на момент её принятия являлась не обязательным, а декларативным документом. С другой стороны, юридический, политический и идеологический статус Конституции ЕС оказался намного выше. Даже способ разработки Конституционного договора не был лишён уникальных особенностей, так как в состав конвента вошли выдающиеся политики и государственные деятели. Как отмечает Кристиан Каунерт, участники Конституционного конвента избирались из числа значимых персон. Валери Жискард д'Эстен, бывший президент Франции, был назначен председателем конвента, а Жан-Люк Деан, бывший премьер-министр Бельгии, и Гильяно Амато, бывший премьер-министр Италии, — заместителями председателя [279].

Христианское сообщество Европы хорошо осознавало важность реформы договоров ЕС, инициированной в начале 2000-х годов. Как было подчёркнуто в заявлении КОМЕСЕ, «никогда ранее в истории Европейского союза проект переосмысления его целей, ответственности, структур и принципов, на которых он основан, не был реализуем так заметно и систематически» [280].

Вклад религиозных организаций на начальной стадии процесса проявлялся, главным образом, в вербальной плоскости: церкви говорили о своих целях и задачах, извещая об этом политиков, государственных деятелей и представителей общественности. В мае 2002 года, в «первом сообщении для конвента», КОМЕСЕ затронула ряд общих вопросов, среди которых были включение Хартии фундаментальных прав в Конституцию ЕС и важность принципов солидарности и subsidiarity [281]. Но эти общие вопросы вовсе не замыкали круг рассматриваемых тем: КОМЕСЕ смогла высказать вполне конкретные рекомендации, связанные с тремя основными темами — ссылка, диалог и статус, — причём именно эти моменты стали средоточием дебатов последующих месяцев и лет. Если же говорить более предметно, то КОМЕСЕ подчеркнула, что в будущем Конституционном договоре необходимо:

«1) признать открытость и максимальную инаковость, ассоциируемую с именем Бога. Всеобъемлющая *ссылка* (здесь и далее в цитате курсив наш. — С. М.) на Сверхъестественное даёт гарантии свободы человека;

2) признать особый вклад церквей и религиозных сообществ [и] обеспечить возможность для *структурного диалога* между европейскими учреждениями и церквями и религиозными сообществами;

3) включить декларацию № 11, приложенную к Заключительному акту Амстердамского договора, выражающую уважение к *статусу* церквей и религиозных сообществ в том виде, как это признано каждым из государств-членов» [282].

Несколько дней спустя к инициативе католиков присоединилась Православная церковь Греции, обратившись 30 мая 2002 года с официальным заявлением «О будущем Европы». Как отметил митрополит Афанасий (Хатзопулос), руководитель представительства Церкви Греции при ЕС, заявление «было ответом на вопрос, заданный Синоду нашей церкви Валери Жискар д'Эстеном» [283]. Церковь Греции сделала три основных предложения для текста Конституции, указывая на необходимость того, чтобы: а) были гарантированы принципы религиозной свободы и основополагающих прав человека, с запрещением лживого прозелитизма; б) было выражено уважение к общественному сознанию народов Европы, касающееся христианских корней, их исторического и современного духовного наследия; в) церковно-государственные отношения оставались бы прерогативой внутреннего законодательства каждой нации, в рамках религиозной свободы, как и предусмотрено декларацией № 11 Амстердамского договора [284, с. 229].

Дальнейший ход развития событий не замедлил вывести процесс участия христиан за рамки католической и православной конфессий. Спустя месяц после заявлений КОМЕСЕ и Церкви Греции, в июне 2002 года ряд христианских организаций (комиссия «Церковь и общество» КЕЦ, «Каритас Европа», Евродиакония, КОМЕСЕ и др.) направили президенту конвента совместное письмо, включавшее как общие заявления, так и конкретные предложения. Расплывчатый характер общих заявлений придал

им непретенциозный и приемлемый практически для всех характер (например, когда речь шла о поддержке фундаментальных благ или «достижении общего блага»). Что касается конкретных предложений, то они совпадали, в некоторой степени, с майскими предложениями КОМЕСЕ, особенно о статусе церквей и религиозных сообществ. Одним из новшеств стала просьба о признании в конституционном тексте «религиозного и духовного наследия Европы», но в то же время в письме отсутствовала просьба о возможной ссылке на Сверхъестественное [285].

Три месяца спустя КЦО КЕЦ и КОМЕСЕ в совместном «законодательном предложении» повторили, в основном, майские просьбы КОМЕСЕ, хотя и в несколько иной формулировке. Как и в июньском письме, в тексте отсутствовала просьба о ссылке на Сверхъестественное, вероятно, из-за позиции отдельных протестантских церквей в КЕЦ. В то же время КОМЕСЕ и КЕЦ недвусмысленно подчеркнули, что исключение из Конституционного договора любой ссылки на религию, церкви или религиозные сообщества «создаст ситуацию вакуума, принимая во внимание их [церквей] огромную значимость как для общества в целом, так и для ценностей и идентичностей, на которых общество основывается, а также для взаимоотношений Союза с его гражданами» [286].

Общие позиции христианских церквей, выраженные в период с мая по сентябрь 2002 года, стали фактически ориентиром для тех политиков, общественных и государственных деятелей, которые с уважением относились к мнению религиозных организаций или даже имели похожие убеждения и систему ценностей. Особенно важным это оказалось в моменты ключевых дебатов конвента, ход которых будет проанализирован в следующем разделе настоящей главы.

5.3 Церкви как негосударственные организации и участники формирования идентичности: мобилизация и поддержка

Люсиан Леустиан, рассуждая о религиозных дебатах во время работы над Конституционным договором, отмечает, что разработка формулировок, приемлемых для всех членов ЕС, оказалась непростым делом [287]. Филипп Шлезингер и Франсуа

Форе предполагают, что дискуссию о Европейской Конституции можно поместить в рамки давних европейских дебатов: «Вопрос о том, может ли Европа (хотя бы частично) попасть под определение сообщества ценностей и идентичности, с учётом её христианского прошлого, является предметом длительных дискуссий. Процесс конституционализации ЕС только подстегнул эту дискуссию, придав ей новое направление. Ставки резко возросли, так как создание конституции — это неординарный символический процесс в жизни государства» [288].

В похожем ключе о дебатах пишет Кристоф Мандри, обращая внимание на то, что интенсивность дебатов — это подтверждение, что преамбула Конституции не считалась «чисто риторическим или только декоративным элементом». На самом деле речь шла о том, каким образом воспринимать Конституцию в целом, в том числе «идентичность ЕС как политического сообщества» [289]. При этом Мандри высказывал мнение, что страны Восточной и Центральной Европы определяют Европу более в терминах ценностей, в качестве «идеи, неразрывно связанной с религиозно-духовным элементом» [290]. По словам Мандри, дискуссия о религиозных элементах в преамбуле привлекла столь широкое внимание не только благодаря интересам или влиянию религиозных организаций, но и из-за того, что эта тема «вполне соответствует вопросам политической идентичности Европы и национальных идентичностей» [291]. По мнению исследователя, для более полного осознания этих дебатов необходимо понимать взаимоотношения между идентичностью и религией, в том числе в аспекте, описанном социологом Грэйс Дэви — когда религиозность сохраняется при снижающемся числе религиозных общин (церквей) [292].

Следующим нашим шагом будет детальный анализ того, как проходили дебаты и какие мнения были выражены различными сторонами. Для этого необходимо проанализировать три основных этапа реформ: дебаты в рамках Конституционного конвента, дебаты по Конституционному договору на межправительственной конференции и дебаты по Лиссабонскому договору. Кроме этого, следует отразить те философские и исторические идеи, сформулированные участниками дебатов, которые в целом характеризуют роль церквей в процессе формирования европейской и национальной идентичностей.

5.3.1 Дебаты в ходе работы конвента

В состав конвента о будущем Европы вошло 105 человек, представляющих главы государств и правительств, а также национальные парламенты 15 стран-членов и 13 стран-кандидатов (включая Турцию) Европейский парламент и Европейскую комиссию. Пленарные заседания проходили, как правило, раз в месяц, а президиум, состоящий из 12 человек, собирался в перерывах между пленарными заседаниями по мере необходимости.

Первое упоминание о религии во время работы конвента было отмечено в ходе второй сессии (21—22 марта 2002 года), в контексте обсуждения европейских ценностей. Члены конвента из Италии говорили о христианско-иудейских ценностях и роли церкви в социальной сфере. В частности, член конвента Марко Фоллини «упомянул о “роли религиозных традиций” и напомнил, что государства не должны забывать об этом аспекте в дебатах о будущем Европы» [293, с. 8]. В ходе третьего заседания (15—16 апреля 2002 года) Хеннинг Кристоферсен, представитель правительства Дании, «подчеркнул, что регулирование государственно-церковных отношений должно остаться в компетенции государств-членов» [294]. Член конвента из Голландии, Рене Ван дер Линден, говорил на четвертом заседании (23—24 мая 2002 года) о «важности церкви для развития гражданского общества» [295]. Поскольку члены конвента, выступавшие на втором и третьем заседаниях, делали это до заявлений со стороны церкви, вероятно, что они говорили по собственной инициативе, исходя из личных убеждений и (в случае Дании) отражая особенности законодательства своей страны. Действительно, как подтвердил представитель КОМЕСЕ, со стороны Комиссии епископских конференций ЕС не поступало предложений к членам конвента высказывать те или иные просьбы или пожелания на пленарных заседаниях [296].

Более активная деятельность со стороны церкви, а также мобилизация членов конвента была отмечена позже. В июне представители КЕЦ смогли высказать свои взгляды на специальном заседании конвента, посвящённом слушаниям с представителями гражданского общества. Но наиболее интенсивное участие церкви, как на европейском, так и на национальном уровнях, было отмечено

во второй половине 2002 и первой половине 2003 года, особенно после того, как стало ясно, что «в ключевых пунктах проекта Конституционного договора, который был представлен президентом для общественности 28 октября 2002 года, не было сделано никакой ссылки на религию» [297]. Церкви действовали в трёх основных направлениях: петиции, переговоры и использование возможностей в рамках государственно-церковных отношений. Папа Римский, как глава одновременно церкви и государства (Ватикан), мог действовать на самом высоком политическом уровне. 31 октября 2002 года, во время встречи с президентом конвента Валери Жискара д'Эстеном, Иоанн Павел II «повторил свою просьбу о ссылке на Бога и христианскую веру», подчеркнув при этом: «Вклад христианства и христианского восприятия человека в историю и культуру различных стран является частью общего достояния. Представляется логичным, что всё это будет внесено в проект, разрабатываемый конвентом» [298].

К просьбам тех, кто находился за стенами зала заседаний конвента, присоединились некоторые из его участников. Так, ровно за день до встречи Иоанна Павла II и Жискара д'Эстена два депутата Европейского парламента из Германии (Инго Фридрих и Иоахим Вюрмелинг — запасной участник конвента) «заявили о намерении продвигать более чёткую ссылку на религиозное наследие и Бога в преамбуле или основной части конституционного текста» [299]. Как объяснил Вюрмелинг, «мы дождались того момента, когда процесс работы конвента стал более структурированным. Я поддерживал тесные контакты с Ноелем Треанором (Генеральным секретарём КОМЕСЕ. Примеч. авт. — С. М.), а также католическими и протестантскими церквями в Германии. Но решение было обусловлено моими личными убеждениями, а также позицией моей партии — Христианского социального союза Баварии. Я не получал никаких формальных просьб от церквей. Впрочем, в этом не было необходимости, так как мы говорили об этом раньше, а сами идеи были известны задолго до начала работы конвента» [300].

Питер Павлович (КЕЦ) также подтвердил, что КЦО КЕЦ «вела разговоры с некоторыми членами Конвента, но не для того, чтобы как-то их “организовать”. Мы просто хотели донести

до них нашу позицию. Остальное уже было их делом, как политиков» [301]. Вюрмелинг представил своё предложение, поддержанное 25 членами и запасными членами конвента, 31 января 2003 года с нижеследующим текстом: «Ценности Евросоюза включают в себя ценности тех, кто верит в Бога как источника истины, справедливости, добра и красоты, а также тех, кто не разделяет эту веру, но уважает эти всеобщие ценности, происходящие из других источников» [302].

Впрочем, в период между концом октября 2002-го и концом января 2003 года религиозная «повестка дня» также не испытывала недостатка событий. На 11-м пленарном заседании Конвента (7—8 ноября 2002 года) Фарнлейтнер, представляющий правительство Австрии, «специально попросил признать декларацию № 11, приложенную к Амстердамскому договору, как защищающую церковно-государственные отношения» [303]. Рабочая группа по «Дополнительным правомочностям», руководимая Кристоферсеном из Дании, предложила включить статью об уважении национальной идентичности стран — членов ЕС, причём среди элементов национальной идентичности был упомянут «юридический статус церквей и религиозных обществ» [304]. Предложение было особенно активно поддержано Тюффелем и Вюрмелингом (Германия), Фарнлейтнером (Австрия) и Серасино-Инглоттом (Мальта).

В начале декабря состоялась встреча представителей религиозных организаций с еврокомиссаром по вопросам юстиции и внутренних дел Антонио Виторино, также входившим в состав конвента. Представители КЕЦ акцентировали внимание на статусе церквей, диалоге между церквями и ЕС и социальном измерении нового договора [305]. В середине декабря КОМЕСЕ и КЦО КЕЦ направили в конвент второе законодательное предложение. Были, в частности, сформулированы три версии преамбулы. Одна из них оказалась похожа на текст преамбулы Хартии фундаментальных прав («осознавая... чем Европа обязана своему духовному и моральному наследию»), а вторая отражала предложения некоторых членов конвента («черпая вдохновение из её [Европы] культурного, гуманистического и религиозного наследия»). Третья формулировка в большей

мере отражала мнение самих церквей: «Осознавая ответственность человека перед Богом и в равной мере осознавая другие источники ответственности человека...» [306]. Примечательно, что впервые представители всех трёх христианских конфессий совместно написали о возможности упоминания Бога в тексте Конституционного договора. Церкви также повторили просьбы о сохранении собственного статуса в рамках национального законодательства и обратились с просьбой о включении положений о структурированном диалоге: «Европейский союз уважает особую идентичность и вклад в общественную жизнь церквей и религиозных сообществ и ведёт с ними структурированный диалог» [307].

Несколько дней спустя глава католической церкви в Польше кардинал Юзеф Глемп подверг критике членов Конституционного конвента. По мнению одного из высокопоставленных иерархов Римско-католической церкви, «всё выглядит так, словно базовый закон создаётся людьми, мнение которых отличается от мнения среднестатистических европейцев, являющихся в основном верующими» [308]. Наконец, в январе 2003 года Папа Римский направил в конвент своё заявление, в котором отметил, что христианство в Европе «имеет особое значение» и христианская вера «проходит через историю Европы и её учреждения» [309].

Впрочем, опубликование 6 февраля 2003 года первых 16 статей Конституционного договора стало не самым приятным моментом для церквей и тех, кто их поддерживал. В тексте отсутствовали ссылки на религию или Бога. Тем не менее, спустя три недели, на 16-й сессии (27—28 февраля 2003 года) президент конвента подчеркнул, что «в дальнейшем президиум предложит статьи в трёх частях будущей Конституции, имеющие отношение к религии и церквям» [310, с. 114]. Алоиз Петерле, член президиума от стран — кандидатов в члены ЕС, утверждал, что в президиуме складывался небольшой перевес в пользу ссылки на христианство в тексте проекта [311]. Ряд членов конвента однозначно высказались в поддержку религиозного содержания. Данута Хубнер, представитель правительства Польши, выразила их мнение в следующих словах: «Моё личное мнение заключается в том, что без этой ссылки (на религиозное наследие. Примеч. авт. — *С. М.*) Конституционный договор будет выглядеть

незавершённым. Религии (и среди них — христианство) являются неотъемлемой частью истории нашего континента. Уважение многообразия мнений может легко сочетаться с признанием роли религии, например в преамбуле договора» [312, с. 3].

После неопределённости, проявившейся на заседаниях конвента в феврале, совместные действия церковей приобрели более заметный характер. Ватикан ещё раз обратил внимание на ряд важных для католиков моментов, попросив, в частности, о необходимости включить в Конституцию: 1) юридическое признание церковей и религиозных объединений, закрепляющее, в особенности, право на свободную самоорганизацию, и действия в соответствии со своими уставами и целями; 2) защиту специфической идентичности церковей и религиозных объединений и, с учётом их вклада в общественную жизнь, организацию структурированного диалога между Евросоюзом и данными конфессиями; 3) уважение, в части законодательства ЕС, юридического статуса, которым религиозные конфессии обладают в рамках национального законодательства государств-членов.

При этом кардинал Содано, подчёркивая, что включение в текст Конституции упоминания о христианском наследии Европы не является «самым весомым аспектом наших просьб», отметил: «Но мы всё же считаем это важным, так как видим связь с историческим фактом, который невозможно отрицать: культурные корни европейских ценностей многообразны, но христианство внесло вклад в их формирование особым образом» [313].

В марте 2003 года представители православных церковей Албании, Кипра, Чехии и Словакии, Румынии, Финляндии, Польши, России, Греции, Сербии и Вселенского патриархата приняли на совещании в Крите (Греция) заключительный акт о проекте Конституционного договора. В документе, выражающем мнение европейского православного сообщества, были сформулированы следующие положения: «Конституция должна включать явно выраженную ссылку на христианское наследие Европы, благодаря которому были сохранены принципы и ценности библейской и греко-римской традиции, которые, вместе с последующими культурными составляющими, представляют собой фундамент современной Европы»; «Гарантии прав человека, признаваемые европейскими и международными конвенциями и декларациями,

и кодифицированные в Хартии фундаментальных прав человека, должны по-прежнему составлять внутреннее законодательство Европейского союза»; «Права человека должны быть защищаемы не только в индивидуальном, но также в коллективном и институциональном аспектах, как, например, права и обязанности граждан Европы. Говоря более предметно, мы упомянем... защиту брака и семьи»; «Религиозная свобода должна быть защищаемая не только как право индивидуума, но и как право традиционных церквей и религий Европы»; «Декларация № 11 Амстердамского договора, касающаяся статус-кво церквей и неконфессиональных религиозных объединений, должна быть включена в текст Конституционного договора — с целью гарантии, что его соответствующие пункты не будут нарушаемы законодательством стран — членом ЕС»; «Необходимо установить чёткие критерии в рамках принципа религиозной свободы как в отношении сектантских организаций, так и в отношении законности их деятельности и вовлечённости в недозволенный прелитизм в рамках государств — членом Евросоюза» [314].

На совещании были также выработаны конкретные формулировки, предложенные для внесения в текст Конституции единой Европы — в частности, о государственно-церковных отношениях и деятельности сектантских организаций. Документ воплотил несколько моментов, принципиально важных для православных церквей. Во-первых, православные чётко обозначили своё несогласие с возможным принижением роли и значения традиционных конфессий — этот пункт приобрёл особую значимость для Церкви Греции. Во-вторых, было недвусмысленно продемонстрировано отрицательное отношение к законодательной поддержке сектантских организаций. В-третьих, православные подчеркнули, что нерелигиозное понимание концепции прав человека не является единственным, и религиозные организации, опираясь на те же провозглашаемые права, могут добиваться защиты человеческой жизни (недопущение абортов и эвтаназии) и недопущения пропаганды противохристианских принципов (например, однополых «браков»).

Митрополит Афанасий (Хатзопулос), разъясняя тактику, избранную Церковью Греции, обращал внимание на более

практическую, недеklarативную часть её действий: «Архиепископ Христул (глава Церкви Греции. Примеч. авт. — С. М.) поддерживал регулярные контакты со всеми, кто был задействован в подготовке конституции и был доступен. Я помню его ежегодные встречи с депутатами Европейского парламента, его выступление в Европарламенте в октябре 2003 года, встречи с Жискар д'Эстеном, Патриком Коксом и Йозепом Боррелем в Афинах. Я помню его дискуссии с премьер-министром и некоторыми министрами греческого правительства. Архиепископ Христул считал, что подход к Европе надо искать посредством диалога, через встречи и выступления, а не просто издавая заявления Синода» [315].

Таким образом, к апрелю 2003 года в процесс работы над Конституцией оказались вовлечены практически все основные европейские церкви. Но, в отличие от католиков и православных, протестанты не проявили аналогичного единодушия в конституционных вопросах. Фактически протестанты ещё раз продемонстрировали, что они не только разделены в богословском плане, но и имеют различные, порой диаметрально противоположные точки зрения по общественно значимым вопросам. Так, говоря о проблеме преамбулы Европейской Конституции, представитель Лютеранской церкви Дании (в лице Пола Скэрведа, председателя совета по международным отношениям) заметил следующее: «Будет ли упоминание иудео-христианских корней [в тексте Конституции] служить интересам церквей? Я в этом сомневаюсь. Самым важным должно быть то, что мы сможем сохранить свою идентичность как датская церковь и, как я надеюсь, внести свой вклад в процесс [интеграции]. Если что и нужно внести в [Конституционный] Договор, так это не Бога или христианские ценности, а признание церквей как части европейского ландшафта и, что важнее всего, гарантии религиозных свобод — чтобы мы могли быть свободными в выборе своей веры, чтобы мы были избавлены от давления религиозных, политических или атеистических властей» [316].

Лютеранские церкви в других странах придерживались сходных позиций. Так, для Лютеранской церкви Финляндии, одной из наиболее активных по взаимодействию с ЕС среди протестантских

церквей в Европе, проблема преамбулы «не являлась приоритетной» [317]. Среди более значимых вопросов лютеране называли социальную политику, права человека и демократию. Церковь Финляндии не сделала ни одного собственного заявления по преамбуле, работа велась только через КЕЦ. Некоторые протестантские церкви в странах с доминирующим католическим населением (например, во Франции и Италии) вовсе не поддерживали ссылку на Бога, поскольку «принцип светскости позволил им вести свою деятельность» [318]. Квакеры оказались неспособны прийти к единой точке зрения по «проблеме ссылки» из-за большого разброса несовместимых мнений [319]. Вместо этого в рекомендациях, сформулированных Советом квакеров по европейским делам, «Общество друзей» обратило внимание на другие вопросы: ценности человечества, улучшение демократичности и транспарентности в учреждениях ЕС и внешняя политика [320]. Квакеры высказывались в поддержку организации регулярного диалога с гражданским обществом, включая неправительственные организации и церкви, и выступали против роста военной мощи ЕС [321].

Тем не менее, отсутствие консенсуса не стало непреодолимым препятствием для достижения определённого успеха, признаваемого большинством христианских церквей. Так, на 18-й сессии конвента (3—4 апреля 2003 года) вице-президент Деан представил статью 37, гарантирующую сохранение статуса церквей в рамках национального законодательства и провозглашавшую возможность организации регулярного диалога между церквями и ЕС. Правда, в юрисдикцию статьи были также включены «философские и неконфессиональные организации», но Деан подчеркнул, что «диалог европейских учреждений с церквями, религиозными, философскими и неконфессиональными сообществами должен быть чётко отделён от других форм регулярного диалога с организациями гражданского общества» [322]. В первой версии преамбулы, опубликованной 28 мая 2003 года, была сделана ссылка на религию — хотя и в самых общих чертах и в комбинации с предложениями, которые были восприняты как спорные и субъективные: «Черпая вдохновение из культурного, религиозного и гуманистического наследия

Европы, возвращённого, в первую очередь, цивилизациями Греции и Рима, характеризуемого духовным импульсом, всегда присутствующим в этом наследии, а позже философскими течениями Просвещения, которое принесло в жизнь общества своё представление о центральной роли человека и его нерушимых и неотъемлемых правах, а также об уважении к закону» [323].

Вариант преамбулы был подвергнут критике главным образом из-за «исторической некорректности». Как было подчёркнуто в заявлении РПЦ, «философские течения Просвещения могут быть упомянуты в преамбуле только наряду с христианским наследием и, возможно, наследием других религий, видимо присутствующих в Европе. Ссылка на абстрактный “духовный импульс” не решает проблемы» [324]. Представители других церквей высказывали похожие мнения. Ряд членов конвента публично выразил свою озабоченность в связи с происшедшим.

Так, представители Польши Эдмунт Виттбродт и Марта Фоглер инициировали внесение поправки, предложив упомянуть, наряду с философскими течениями Просвещения, также таковые христианства и Ренессанса [325]. Франтишек Крупа, запасной участник конвента (Чешская Республика) предложил, для признания важности религии, упомянуть о «наследии Библии» [326]. Данута Хубнер (Польша) говорила о необходимости «отметить христианские ценности как один из источников европейского наследия, особенно когда сделаны явные ссылки на традиции Греции, Рима и Просвещения». Действительно, как отметили члены конвента Питер Серрасино-Инглотт и Майкл Френдо, а также запасной участник Джон Ингуанез (все трое из Мальты), включение христианства необходимо для «более добросовестного отражения истории». Габриель Лаборда, член конвента из Испании, даже заявил об «исторической фальсификации» в преамбуле и намеренной попытке «удалить христианство из европейской памяти» [327].

В итоге текст преамбулы был скорректирован, с удалением ссылок на Грецию, Рим и Просвещение. В новой, более нейтральной и сбалансированной формулировке, Европейский союз черпал вдохновение из «культурного, религиозного и гуманистического наследия Европы, ценности которого, присутствующие

в наследии, принесли в жизнь общества центральную роль человека и его нерушимых и неотъемлемых прав, а также уважение к закону».

Тем не менее, изменённая версия преамбулы продолжала вызывать замечания и критику. Эдмундт Виттбротт предложил внести в текст упоминание о «христианско-иудейском наследии Европы». Поправка была поддержана 37 членами и запасными членами конвента, но так и осталась нереализованной. Текст преамбулы, вошедший в окончательную версию, представленную Европейскому совету, не претерпел изменений. Также практически идентичным первоначальному оказался текст статьи 51 (изначально 37), претензии к которой высказывали антирелигиозные организации и некоторые члены конвента. Речь даже шла об исключении статьи из текста конституции, поскольку, по мнению её противников, «интересы и роль [церквей] отражены в других статьях, посвящённых гражданскому обществу» [328]. Тем не менее, в тексте Конституции ЕС, представленном на саммите в Салониках 19—20 июня 2003 года, присутствовали как преамбула, так и статья 51, к явному разочарованию тех, кто добивался иного результата. Впрочем, борьба была далека от завершения, поскольку процесс реформ вошёл в наиболее значимую стадию — поиск консенсуса среди стран, входящих в состав ЕС.

5.3.2 Дебаты в ходе межправительственной конференции

Участникам межправительственной конференции ЕС потребовалось немало времени для того, чтобы достичь согласия по тексту Конституционного договора. Этого следовало ожидать, так как в повестку дня вошло много непростых вопросов, носивших принципиальный характер (например, удельный вес стран при голосовании) [329]. Конференция, открывшаяся 4 октября 2003 года, завершила свою работу только в июне 2004 года. Текст Конституции был подписан всеми 25 странами — членами ЕС 29 октября 2004 года в Риме.

И хотя церкви заявляли о частичном успехе в ходе работы конвента, вскоре стало понятно, что они не полностью удовлетворены проектом Конституции. Действительно, уже в июне 2003 года Папа Римский вновь обратился к составителям будущего

европейского Конституционного договора с просьбой о том, чтобы договор «включал ссылку на религию и, в особенности, на христианское наследие Европы» [330]. Официальная позиция Ватикана была поддержана голосами с «периферии». Конференция епископов Польши в письме, адресованном в сентябре 2003 года премьер-министру Италии (председательствовавшей в то время в ЕС) Сильвио Берлускони, подчеркнула, что «невозможно построить будущее Европы без духовного основания, которое зиждется на знании истины о прошлом и настоящем». Епископы, в частности, выразили надежду, что Италия, в ходе своего председательства, добьётся признания в тексте Конституции упоминания о христианских корнях Европы [331].

Но в целом заявлений и деклараций церквей в ходе работы межправительственной конференции было отмечено меньше, чем на предыдущем этапе, во многом благодаря тому, что позиция христианского сообщества Европы была хорошо разъяснена во время работы конвента. Продолжались обычные контакты церквей с представителями различных политических учреждений и групп, причём мнения, выражаемые церквями, были примерно теми же, что и в 2002—2003 годах. К примеру, архиепископ Христодул (глава Церкви Греции) говорил во время своего выступления в Европарламенте в октябре 2003 года в следующем ключе: «Требование о ссылке на христианство не нацелено на obstruction светского государства, а обусловлено желанием защитить европейское сознание. Нежелание делать ссылку на основание европейского сознания в планируемой Европейской Конституции представляет, на мой взгляд, первое по-настоящему прискорбное событие в истории Евросоюза» [332].

И хотя церкви стали менее заметны на втором этапе реформы договоров, роль защитников их интересов взяли на себя некоторые политики и государства. Так, в сентябре 2003 года, перед формальным открытием конференции, восемь стран (Италия, Испания, Ирландия, Мальта, Польша, Португалия, Словакия и Чешская Республика) заявили о своём желании видеть присутствие христианства в Конституции ЕС. Чехия сделала более обширное предложение, предложив включить ссылку на древнегреческую философию, римское право, иудейские и христианские

корни и рационализм [333, с. 3]. Инициатива восьмёрки была поддержана в специальном заявлении, подписанном 82 членами Европарламента. Кроме этого, была предпринята попытка добиться поддержки со стороны общественности. В ноябре 2003 года депутаты Европарламента Марио Мауро (Италия) и Элизабет Монфорт (Франция) передали представителю Италии (председательствующей в то время в ЕС) петицию, подписанную 400 тысячами жителей Европы. Монфорт подчеркнула, что Европа, выражающая свою идентичность (в христианском смысле), откроет себя таким образом для других культур [334]. Инициаторами петиции, как было подчеркнуто в заявлении Европейской народной партии, были люди, которые «спонтанно её предложили» [335]. Шлезингер и Форе полагают, что петиция осталась неизвестной для большинства участников дебатов, поэтому попытки более широкой поддержки, включая мобилизацию различных направлений общественного мнения, «имели небольшой успех» [336].

Действительно, довольно сложно говорить о значительном успехе церквей, поскольку окончательный текст конституции, согласованный странами — членами ЕС, не включал ссылки ни на Бога, ни на христианство. Во многом это произошло из-за жёсткой оппозиции со стороны Бельгии и Франции, грозившихся заблокировать конституционный процесс. Французы, в частности, указывали на принцип светскости своего государства, как один из ключевых аргументов в пользу своей позиции. Эмоциональный ответ со стороны Ричарда Чартра, епископа лондонского англиканской церкви («почему вся Европа должна отказываться от искреннего плюрализма в пользу атеистического конфессионального государства»), не принёс особых перемен [337].

Как и на первой стадии процесса, ссылка преамбулы была лишь одной из проблем, вынесенных на повестку дня. Атеистические группы возобновили свои требования об удалении статьи о статусе церквей и неконфессиональных организаций. В декабре 2003 года коалиция атеистических организаций «посоветовала лидерам ЕС убрать статью 51». Было заявлено, что данная статья «не только поддерживает привилегии церквей в каждом из государств-членов, но и определяет их в качестве постоянных, автори-

тетных партнёров Европейского союза», что, свою очередь, «означает забвение принципа отделения церкви от государства» [338]. Звучали предположения, что вступление в ЕС стран с сильным влиянием Ватикана «откроет возможность для иерархов церкви навязывать свои реакционные социальные взгляды» [339]. Церкви и их сторонники смогли успешно противостоять тем, кто вёл кампанию за удаление статьи 51. Одна из противников этой статьи, Анна Ван Ланкер, бывший член конвента и депутат Европарламента в 1994—2009 годах, утверждает, что имела место определённая политическая сделка: «В конечном итоге наши попытки удалить статью 51 не увенчались успехом, потому что такова была политическая цена, которую мы заплатили Европейской народной партии для того, чтобы избежать ссылки на Бога в Конституции» [340].

В итоге в окончательном тексте конституции положения, связанные с религией, остались практически неизменными, если сравнивать с тем, что было предложено конвентом в июне 2003 года. Можно даже утверждать, что они стали немного более благоприятными по отношению к религии. «Культурное, религиозное и гуманистическое наследие Европы» осталось в первом предложении одной из статей преамбулы, но сама статья была перемещена со второго места на первое. Кроме этого, небольшое перефразирование статьи явно указывало на религиозное наследие, наряду с культурным и гуманистичным, как на один из источников, из которого «развились всеобщие ценности нерушимых и неотъемлемых прав человека, свобода, демократия, равенство и принцип господства права» [341, с. 3]. Статья «Статус церквей и неконфессиональных организаций» стала статьёй I-52 (вместо 51) и была изменена лишь добавлением фразы «в рамках национального законодательства» в текст второго абзаца («Союз в равной степени уважает статус в рамках национального законодательства философских и неконфессиональных организаций») [342].

Окончательная версия договора была довольно позитивно оценена представителями РКЦ. В докладе, опубликованном в марте 2005 года, КОМЕСЕ высказала сожаление, что договор «не содержит ссылки на христианство», но в то же время выразила одобрение тем, что «религиозная свобода в её общем измерении,

диалог между церквями и ЕС, а также защита статуса церквей в странах-членах стали частью Конституционного договора» [343, с. 3—4]. Более того, КОМЕСЕ высказала мнение, что, включив ссылку на религиозное наследие Европы, «Конституционный договор неявно принимает превалирующий вклад христианства в сегодняшнюю Европу», а «однозначное использование христианского термина “церковь” и уважение их особого вклада», показывают, что «Евросоюз демонстрирует осознание христианского наследия Европы» [344].

5.3.3 Лиссабонский договор: действия и оценки

Судьба Конституционного договора оказалась довольно неудачной: процесс ратификации пошёл не так, как было запланировано. Ратификацию требовалось завершить в течение двух лет после подписания договора, но отрицательные результаты референдумов во Франции и Нидерландах в мае и июне 2005 года сорвали ратификационный план и «дестабилизировали ЕС» [345, с. 221]. В июне Европейский совет заявил о необходимости «периода размышлений», чтобы найти решение, приемлемое для всех членов ЕС. Сирпис полагает, что «в ходе этого периода существовала большая неопределённость как в отношении судьбы Конституции, так и направлении дальнейших реформ ЕС» [346]. По мнению Цебелиса, целью «периода размышлений» было «дать странам больше времени на обсуждение и ратификацию Конституции» [347, с. 266]. Кристиансен и Рех полагают, что период размышлений действительно «позволил участникам найти больше времени» [348, с. 253].

После окончания этого периода (в декабре 2006 года), среди лидеров ЕС появилось понимание, что необходимо разработать новый договор, который мог бы сохранить основные черты Конституционного договора [349]. Речь уже шла не о продолжении, а об «упрощении» конституционного проекта [350]. Текст нового договора, известный как «Договор о реформе», был согласован на межправительственной конференции в Лиссабоне в октябре 2007 года и подписан в декабре того же года. После

непростого процесса ратификации, с проведением двух референдумов в Ирландии, договор вступил в силу 1 декабря 2009 года и является в настоящее время основным документом, по которому живёт Европейский союз.

Роль религиозных вопросов на третьей стадии была не столь существенна, хотя их присутствие имело место. Например, во время дебатов в Ирландии перед референдумом по Лиссабонскому договору было высказано опасение, что, если договор ратифицируют, он позволит Евросоюзу «подорвать конституционный запрет на аборты в Ирландии» [351]. Отдельные католические организации (во главе с Коир), заявляли, что Лиссабонский договор «будет поощрять эвтаназию и проституцию», а Хартия фундаментальных прав, став юридически обязательным документом, «будет использована, словно Троянский конь, для принятия радикального атеистического законодательства, которое ещё более разрыхлит ирландскую идентичность и привязанность к христианству» [352, с. 263]. Также наблюдались попытки со стороны церкви и некоторых политических лидеров вернуться к вопросу о возможной ссылке на христианство в преамбуле, но интенсивность дебатов была не сравнима с тем, что происходило несколько лет назад. Основные положения Лиссабонского договора, касающиеся религии, остались практически неизменными (в сравнении с конституцией). Было внесено несколько несущественных поправок. Так, абзац о «религиозном наследии» в преамбуле был перемещён с первого места на второе. Статья о статусе церкви и неконфессиональных организаций (I-52 Европейской Конституции) стала статьёй 17 Договора о функционировании Европейского союза, лишившись своего названия, но полностью сохранив содержание.

И хотя на последней стадии процесса реформ церкви были менее заметны, чем раньше, они не исчезли с конституционного горизонта. Поэтому справедливо говорить, что церкви активно участвовали в процессе реформирования договоров ЕС — от начала до конца. И хотя оценка итогов с их стороны неоднозначна, в целом мнения склоняются в положительную сторону. Официальный доклад КОМЕСЕ, упомянутый ранее и посвящённый Конституционному соглашению, также отражает позицию

католиков по отношению к Лиссабонскому договору, так как религиозные статьи были оставлены практически без изменений. Комиссия «Церковь и общество» КЕЦ в своём докладе по Лиссабонскому договору, опубликованному в декабре 2009 года, отметила, что во многих отношениях формулировки договора совпали с целями КЦО. В частности, Хартия фундаментальных прав стала юридически обязательной, было декларировано уважение статуса церквей в рамках национального законодательства, и ЕС обязался вести регулярный диалог с церквями [353]. «Самое большое наше разочарование в том, что не хватает прогресса в расширении невоенных методов предотвращения конфликтов и управления кризисами», — отмечается в докладе [354]. Питер Павлович подчеркнул: «Я полагаю, что большинство важнейших ходатайств со стороны церквей было принято, и их можно обнаружить в том или ином виде в формулировках договора» [355].

Лютеранские Церкви Швеции и Финляндии в целом выразили удовлетворение окончательным текстом договора, отметив, что «христианские церкви очень хорошо представлены в договоре» [356]. Квакеры одобрили появление положений о диалоге с гражданским обществом и религиозными организациями, но выразили разочарование в связи с тем, что их пацифистская позиция, касающаяся военной доктрины ЕС, была в большей степени проигнорирована [357]. Русская православная церковь, признавая, что «без христианских корней текст преамбулы был в целом лишён смысла», в то же время отметила, что «с практической точки зрения тот факт, что существует системный диалог с ЕС (статья 17), возможно даже более важен» [358]. Представитель РПЦ также с удовлетворением подчеркнул, что, в свете 17-й статьи, церкви не приравниваются к неправительственным организациям или группам по интересам (лоббистским структурам) [359]. Идея о том, что церкви не должны приравниваться к неправительственным организациям, была также выражена епископом Порфирием, представителем церкви Кипра при ЕС, отметившим, что «эти моменты находятся в разных категориях» [360].

Но в целом, сравнивая первоначальные просьбы церквей с достигнутыми результатами, не следует переоценивать уровень достигнутого. Действительно, хотя в преамбулу была включена

ссылка на религиозное наследие, ссылки на христианское наследие или на Бога в тексте договора не появились. Церкви смогли добиться признания их «идентичности и особого вклада», но это произошло наравне с аналогичным признанием для философских и неконфессиональных организаций, которые во многих случаях антирелигиозны, как, например, Европейская гуманистическая федерация. Поэтому заключение КОМЕСЕ, о котором упоминалось ранее, кажется несколько необоснованным и отражающим скорее пожелания католиков, а не реальное положение дел.

То же самое относится к положениям договора об «открытом, регулярном и транспарентном» диалоге с церквями и религиями. Безусловно, достижением для церквей является тот факт, что данный диалог был упомянут отдельно от диалога с гражданским обществом, но, в то же время, он был «разбавлен» включением «философских и неконфессиональных организаций». Более того, изначально церкви просили об упоминании «структурного» диалога, но это слово так и не появилось в формулировке статьи. Следовательно, статья 17, при её полном прочтении, фактически подразумевает диалог практически со всеми, без формальных обязательств со стороны Европейского союза. Учреждение формальных рамок для диалога отдано на откуп ЕС. И хотя церкви направили просьбу о структурировании диалога, нет никаких механизмов для того, чтобы принудить ЕС сделать больше, чем было сделано до вступления в силу Лиссабонского договора (регулярные встречи религиозных и европейских лидеров начались несколькими годами раньше). Не удивительно, что даже одна из противников церквей, Софи ин'т Велд, председатель платформы Европарламента по антиклерикализму в политике, признала, что окончательный итог «Договора о реформе» «можно считать успехом или неудачей для одной из сторон в зависимости от того, как он будет применяться на практике» [361].

5.3.4 Философия дебатов: вопросы идентичности

Один из важных аспектов, который позволяет увидеть более детально роль и вклад церквей, — это содержание дебатов. Действительно, дискуссии шли очень интенсивные, и в них принимали участие представители различных слоёв общества: учёные, политики, религиозные деятели, представители общественных

объединений и т. д. Как отметил Павлович, «мы даже стали свидетелями таких обсуждений, когда политики (в Парламенте или других политических структурах) обсуждали вопросы о бытии Бога. Очевидно, что данный вопрос никак не относится к компетенции Европарламента» [362]. Вместе с тем было очевидно, что каждая из сторон предлагала свои аргументы, в рамках определённого подхода. Для церквей эти аргументы заключались в следующем.

Во-первых, христианские лидеры отмечали, что христианство вдохновляло развитие прав человека, ценности жизни и демократии. По мнению патриарха Варфоломея, «любое достижение, ныне присущее западной цивилизации, отражает применение евангельского вероучения <...> Принципы и основы европейской культуры происходят, главным образом, из христианских корней. Поэтому Европа, для того, чтобы найти основания для своей новой структуры должна повернуться к христианству. Даже если она не признаёт метафизическую природу христианской веры <...> она должна признать христианское личное и социально-этическое учение, в качестве цели или, по крайней мере, в качестве основы» [363, с. 456].

Во-вторых, развивая концепцию христианского происхождения современных прав человека, сторонники религиозной точки зрения пришли к заключению, что основания европейских ценностей также носят христианский характер. Кристофер Дусон подчеркнул, что «сложно представить существование неизменного европейского сознания, со всем многообразием наций и рас, языков и обычаев, без постоянного присутствия христианской церкви» [364]. Как отметил Т. С. Элиот, «европеец может не верить в истинность христианской веры, но то, что он говорит и делает, исходит из наследия христианской культуры» [365, с. 61].

Таким образом, обосновывая свои просьбы, церкви выдвигали в основном исторические и ценностные аргументы, подтверждающие положительный и значимый вклад христианства и особую роль самих церквей в европейском историческом процессе. Вейлер в 2003 году предложил детальное обоснование того, почему было важно включить ссылку на христианство, причём его рассуждения велись с исторической и конституционной точек зрения. Говоря о причинах законодательного характера, Вейлер указал на Конституции отдельных стран — членов ЕС. Например, в преамбуле Кон-

ституции Ирландии есть ссылка на Святую Троицу (сугубо христианскую концепцию), а в преамбуле Конституции Германии — на Бога (более расплывчатая концепция, без указания специфических черт). В Конституции Польши Бог упоминается как «источник истины, справедливости, добра и совершенства» [366, с. 184]. Конституция Греции начинается со слов, непосредственно отражающих христианскую концепцию Бога: «Во имя Святой, Единственной и Нераздельной Троицы» [367, с. 295]. В контексте исторического аргумента Вейлер отметил влияние христианских ценностей на идентичность европейцев и Европы как союза [368].

Действительно, как было подчёркнуто Патриархом Сербским Павлом, существование Европы как культурной и духовной общности невозможно без ценностей и принципов. Более того, эти принципы и ценности «не просто моральные или “духовные” в общем смысле, но, главным образом, религиозные, христианские» [369]. Вселенский Патриарх Варфоломей указал на три основания Европы: древнегреческую и древнеримскую цивилизации и христианство. Христианская цивилизация повлияла на Европу трояким образом: через католицизм, реформацию и православие, причём каждая конфессия внесла особый вклад в формирование современной Европы. Более того, греческая и римская цивилизации были преобразованы именно христианством, а не какой-то абстрактной религией. Как подчёркивал Патриарх Варфоломей, «если бы нам пришлось искать вклад других религий в формирование позитивных черт современной европейской цивилизации, то, осмелимся сказать, это было бы крайне сложной задачей <...> принципы и основы европейской культуры, имеют, в основном, христианское происхождение» [370].

В этом контексте ссылка на христианские основы европейских ценностей была необходима для отражения полноты истины. Архиепископ Христул напоминал, что, в исторической перспективе, христианство «искоренило дискриминацию, прекратило разделение мира на варваров и неварваров, граждан и просто жителей, свободных и рабов» [371]. Присутствие христианства в Европейской Конституции было необходимо и для того, чтобы союз действительно оставался Европейским [372]. Как отметил Папа Римский Иоанн Павел II, «в основаниях европейской культуры находится христианская вера <...> Современная

Европа черпает свои ценности из христианского наследия». Поэтому Европа в процессе трансформации призвана «прежде всего раскрыть свою настоящую идентичность» [373].

Таковы были аргументы религиозной стороны. Оппоненты, в свою очередь, представили собственную аргументацию, но при этом в основном старались отвергнуть или опровергнуть доводы церкви. Так, по мнению Британской гуманистической ассоциации, «значимую роль христианства в истории Европы отрицать невозможно», но «эта роль приносила, главным образом, разделение, будучи основанием для религиозных войн и преследования “еретиков” и неверующих. Если церкви и используют сейчас более толерантную лексику, это делается, главным образом, под давлением секулярной традиции, исходящей из развития прав человека и равенства» [374].

Были, в частности, озвучены претензии в адрес христианства в ответственности за некоторые европейские конфликты и даже за рост национализма, включая Северную Ирландию и Югославию. Звучали также обвинения, что «церкви выходят за свои границы», особенно если они пытаются влиять на процесс принятия решений. Негативно были восприняты предложения усилить религиозную доминанту Европейской Конституции. Так, по одному из мнений, включение ссылки на Бога или христианское наследие в текст Европейской Конституции «будет означать, что мы повернём вспять на нашем 500-летнем пути с эпохи Просвещения. Вместо этого, нам следует гордиться нашим прогрессом и возрастающей гуманностью» [375]. Сильвио Феррари заявил, что «упоминание особой религиозной традиции в Европейской Конституции — шаг сомнительный», поскольку может привести к разделению и создать чувство маргинализации у значительной части европейского мусульманского сообщества [376]. По словам Европейской гуманистической федерации, церкви стремились «навязать» статью 51 для того, чтобы продвигать и навязывать свои взгляды по вопросам гомосексуализма, аборт, контрацепции и т. д. Признавая вклад христианства в европейскую историю, его противники упоминали, что этот вклад внесли и другие религии (ислам и иудаизм), а также гуманистическая традиция. Более того, прозвучали обвинения в том, что религия сама по себе «нетолерантна», а церкви ищут «земной власти» [377].

Структура и содержание антицерковных аргументов оставляет впечатление, что оппоненты либо в полной мере не понимали сущность просьб со стороны церковного сообщества, либо преднамеренно пытались его маргинализировать. Действительно, попытки доказать, что ссылка на христианские корни Европы (или пункт о регулярном диалоге с церквями) может принести негативные последствия для сторонников абортов, эвтаназии и т. д., выглядят, по меньшей мере, нелогичными. Отражение исторического факта в декларативной части договора вряд ли может иметь юридические последствия. Кроме этого, оппоненты церковью предпочли не обращать внимания на тот факт, что христиане не выступали за сугубо христианское прочтение преамбулы: многие говорили об иудейско-христианском наследии, некоторые были готовы включить в этот перечень ислам. Упоминание в тексте Бога отражало, скорее, внеконфессиональный подход, ибо речь шла об объединении мнений представителей религий, согласных с существованием Создателя и Высшего Существа.

По мнению Шлезингера и Форе, конституционные дебаты адекватно вписываются в общие дебаты по проблеме идентичности, тем более, что «мобилизация концепции идентичности, проводимая учреждениями ЕС, является политическим ресурсом, имеющим своё происхождение ещё в 1970-х годах (Strath, 2000)» [378]. Такой подход очевидно вытекает из следующего: «дебаты о признании христианского наследия были частью традиционной проблематики о том, что может считаться европейской идентичностью и памятью. Но в этом случае особое внимание было обращено на религиозную принадлежность. Это соответствовало желаниям некоторых в ЕС найти новые основы для легитимизации, но в то же время породило сопротивление, которое, в конечном итоге, привело к краху предложения» [379].

Похожая точка зрения была высказана Кристофом Мандри, который предположил, что велась дискуссия о самопонимании Европейского союза, — с тем, чтобы найти принцип, «который мог бы помочь интеграции и предоставить фундаментальную программу» [380, с. 263]. Поэтому более пристальное внимание было уделено ценностям ЕС, с тем, чтобы «символ “общество ценностей” стал бы главным самоопределением Евросоюза» [381]. В свете

указанных ранее взаимосвязей между ценностями и идентичностью мы можем подтвердить, что вопрос идентичности действительно играл центральную роль в дебатах, которые велись по религиозным аспектам Конституционного договора единой Европы.

5.4 Выводы

Христианские церкви приняли активное участие в процессе реформы договоров Евросоюза, продолжавшейся с 2001-го по 2009 год. Церкви действовали в различных форматах, но с определённым набором инструментов, избранных для достижения поставленных целей. Деятельность церквей была заметна как на национальном, так и наднациональном уровне, включая различные уровни принятия решений в ЕС. Эта деятельность была поддержана рядом политиков и общественным мнением стран с более религиозным населением.

В то же время следует отметить, что церкви были вынуждены работать в условиях жёсткой оппозиции, при доминировании антирелигиозных сил в политике [382]. Поэтому нельзя не признать, что церкви смогли заявить о себе как о сильных, влиятельных и уважаемых участниках дебатов и процесса принятия решений. Софи ин'т Велд признала, что церкви — это «очень влиятельное, если не самое влиятельное лобби в Брюсселе» [383].

Работа над реформой договоров наглядно подтвердила тот факт, что церкви являются естественной составляющей современного европейского общества, и что они способны вносить свой вклад в дебаты по самым различным вопросам. Более того, церкви смогли проявить высокую эффективность в формировании коалиций в свою поддержку, причём таких, в состав которых входили представители интеллектуальной и политической элиты ЕС и стран — членов Евросоюза. Церкви смогли активно влиять на национальную повестку дня, не в последнюю очередь благодаря определённым моделям церковно-государственных отношений. Таким образом, их способность мобилизовать, а также умение вести дела с высокопоставленными официальными лицами, как и хорошо обоснованная аргументация, ещё раз подтвердили, что особый статус и роль церквей вряд ли удастся проигнорировать как в настоящее время, так и в будущем.

ГЛАВА 6. ТЕМАТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДВА. ЦЕРКВИ И ПОЛИТИКА ЕС В ОБЛАСТИ ИММИГРАЦИИ И ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ УБЕЖИЩА

Вопросы иммиграции и предоставления убежища всегда были в повестке дня ряда членов Европейского союза, но не всегда — в ЕС в целом, по крайней мере, в той части, которая касается иммиграции неграждан ЕС. Важность иммиграции для Европы была обусловлена демографическими и экономическими причинами [384, с. 203], причём иммиграционные вопросы неизменно появлялись на политической повестке дня. Как подчёркивает Эндрю Гиддс, «миграция и предоставление убежища оказывают прямое и непосредственное воздействие на суверенную власть, возможности государств, ключевые социальные институты, такие как рынок труда и система социальной защиты, а также на сложные понятия принадлежности и идентичности» [385, с. 5].

В современной жизни Европейского союза вопросы миграции и предоставления убежища являются одними из наиболее сложных и противоречивых. Действительно, число тех, кто желает попасть на территорию ЕС как легально, так и нелегально, не всегда соответствует возможностям Евросоюза. Как следствие, отдельные страны (Великобритания) законодательно ограничивают численность иммигрантов, а другие (Франция) запрещают въезд мигрантов с территории соседних стран (Италия), даже если мигранты имеют на это право. По-прежнему актуален вопрос интеграции мигрантов в европейское общество, особенно если эти мигранты из числа нехристианского населения. Понятно, что данные вопросы привлекают внимание представителей политических партий, средств массовой информации и негосударственных организаций. Не остаются в стороне и христианские церкви. Более того, участие церквей является логичным и закономерным, поскольку их деятельность в данной сфере ведётся уже несколько десятилетий [386]. По этой причине невозможно игнорировать вклад церквей в дебаты по вопросам миграции,

особенно при высокой степени профессионализма и желании поддерживать наиболее уязвимые слои населения.

Сфера миграции и предоставления убежища относится к области ожидаемого взаимодействия между церквями и учреждениями Европейского союза. В этой связи анализ вовлечённости церквей в политику ЕС в данной сфере даёт нам возможность оценить роль церквей на уровне политико-правовых инициатив. Мы можем проанализировать деятельность церквей в различных форматах, в том числе с учётом их особого статуса, а также оценить степень успешности предлагаемых ими инициатив.

6.1 Политика ЕС в области иммиграции и предоставления убежища: вехи развития

В Европейском сообществе начало общей работы в области иммиграции относится к 1970-м годам. С 1975 года происходило постепенное становление межправительственного сотрудничества в области иммиграции, прав на предоставление убежища, полицейской и юридической кооперации. Однако европейские учреждения были лишены полномочий по регулированию вопросов иммиграции и предоставления убежища; решения принимались на межправительственном уровне, отражая концепцию наименьшего общего знаменателя. Движение от межправительственного уровня до доминирования наднациональных процедур было длительным и сложным; можно говорить о трёх основных стадиях данного процесса. Как объясняет Ариан Д'Апполлониа, «на первой стадии, с середины 1970-х до середины 1980-х, политика в области иммиграции разрабатывалась и реализовывалась исключительно странами — членами ЕС. Затем, с середины 1980-х до середины 1990-х, национальные правительства начали координировать политику в рамках межправительственного Шенгенского соглашения. Третья стадия была инициирована Маастрихтским и Амстердамским договорами. Благодаря этим договорам ЕС получил полномочия в области иммиграции, а также в области визовой политики и политики в сфере предоставления убежища» [387].

Переход от межправительственного управления к наднациональному был во многом обусловлен объективными факторами,

включая важные исторические события. Так, перемены, произошедшие в СССР и Восточной Европе в конце 1980-х годов, оказали непосредственное влияние на миграционные потоки. После падения «железного занавеса» тысячи людей устремились на Запад. Некоторые уехали в поисках «лучшей жизни», другие хотели избежать трудностей переходного периода. В некоторых случаях людей толкала на переезд боязнь политических преследований.

Тем не менее не совсем корректно утверждать, что страны бывшего соцлагеря стали основным источником эмиграции в ЕС. На самом деле мигранты прибывали из многих других государств, включая страны Африки и Ближнего Востока, особенно из регионов, охваченных межэтническими и межрелигиозными конфликтами. Как отмечал Карл-Улрик Шьеруп, всё это привело к растущему разнообразию географического, этнического и культурного происхождения «мигрантских популяций» [388, с. 22]. Рост числа мигрантов, а также их отличие от коренного населения ЕС не могли оставаться незамеченными. Поэтому Европейский союз должен был инициировать соответствующие изменения в области иммиграционной политики. Как указывает Белл, «согласно Амстердамскому договору 1999 года, ЕС получил новые законодательные полномочия, затрагивающие большую часть иммиграционного законодательства — от контроля над внешними границами и визовой политики до предоставления убежища и проживания граждан третьих стран. С этого времени осуществлялась активная законотворческая программа, благодаря которой были приняты правила, регулирующие различные аспекты миграции, такие как предоставление убежища, воссоединение семей и нелегальная миграция» [389, с. 137].

Именно Амстердамский договор стал поворотным пунктом, существенно изменившим политику ЕС в области иммиграции и предоставления убежища. Было принято решение, что «вопросы, связанные с границами, визами, иммиграцией, предоставлением убежища и гражданским законодательством будут переданы в компетенцию законодательства ЕС, при условии особого режима в течение пятилетнего переходного периода» [390, с. 21]. В течение переходного периода полномочия (в целом) в данной сфере продолжали оставаться на уровне национальных правительств. Кроме этого, трём странам — Великобритании, Ирландии

и Дании было гарантировано неприменение части законодательства на их территории, а Шенгенское законодательство было инкорпорировано в договоры о Европейском союзе и Европейских сообществах, опять же, с особыми оговорками и правилами в отношении Дании, Ирландии и Великобритании [391].

После вступления в силу Амстердамского договора можно отметить три основных стадии в развитии политики ЕС в области иммиграции и предоставления убежища. Первая стадия — переходный период, связанный с реализацией плана, одобренного советом в Тампере в декабре 1999 года. Вторая (2005—2010 годы) базировалась на плане, известном как Гаагская программа (утверждена в ноябре 2004 года). Наконец, третья стадия связана с вступлением в силу Лиссабонского договора (2009 год), принятием и реализацией Стокгольмской программы в 2010—2014 годах.

6.1.1 Переходный период

Вскоре после вступления в силу Амстердамского договора Европейский совет на своём саммите в финском городе Тампере в декабре 1999 года одобрил план, призванный «установить широкие политические принципы, в особенности касающиеся предоставления убежища, миграции и уголовного законодательства» [392]. Было заявлено о необходимости учредить общую европейскую систему по предоставлению убежища. В рамках данной системы должно быть предусмотрено, «ясное и работоспособное определение того, какое государство несёт ответственность за рассмотрение заявления о предоставлении убежища», а также выразилась необходимость принять общие стандарты для справедливой и эффективной процедуры предоставления убежища и «гармонизации правил по признанию и сущности статуса беженца» [393].

Совет в Тампере подчеркнул, что в долгосрочной перспективе следует ориентироваться на установление общей процедуры предоставления убежища в ЕС, а также гарантировать равный статус на территории ЕС для тех, кто получил убежище (статья 15). Было указано на необходимость справедливого обращения с гражданами третьих стран, легально проживающими на территории ЕС, в частности на то, что их легальный статус должен

быть приближен к таковому граждан стран — членов ЕС (секция 3, статьи 18—21). Совет также указал на необходимость проведения «активной общей политики в области виз и [выявления] фальшивых документов» и на необходимость борьбы с нелегальной миграцией (статьи 22—23).

Два года спустя Европейский совет в Лакене (14—15 декабря 2001 года) проанализировал меры, принятые с декабря 1999 года, и отметил, что прогресс был «более медленным и не столь значимым, как ожидалось» [394, с. 38]. Лакенский совет установил основные черты «реальной общей политики в области иммиграции и предоставления убежища». В числе прочего было указано на необходимость подписания соглашений о реадмиссии, на «развитие европейской системы по обмену информацией по вопросам предоставления убежища, миграции и стран происхождения», а также «установление общих стандартов по процедурам предоставления убежища, приёма мигрантов и воссоединения семей» (статья 40). Через полгода, на саммите в Севилье (21—22 июня 2002 года) прозвучали уже более позитивные оценки. Так, Севильский совет высоко оценил «комплексный план по борьбе с нелегальной миграцией, план по контролю над внешними границами и Директиву, устанавливающую общие правила для приёма лиц, ищущих убежища в странах — членах ЕС» [395, с. 27].

В ходе первой стадии (пятилетний переходный период), когда одновременно Европейская комиссия и страны — члены ЕС имели право законодательной инициативы в данной области, большая часть предложений поступила со стороны комиссии, которая внесла 38 законодательных предложений, по сравнению с 25, поступившими от стран — членов ЕС [396]. Из-за ограничений, связанных с низкой эффективностью механизма консенсуса (в 1999—2004 годах), количество согласованных и, в конечном итоге, одобренных предложений оказалось намного меньше. Тем не менее нельзя не отметить ряд важных законов, принятых на уровне ЕС в переходный период. Так, в 2003 году была принята директива, касающаяся вопросов воссоединения семей (директива о праве на воссоединение семьи). В этом же году принимается директива по регулированию долгосрочного статуса для граждан третьих стран. В декабре 2004 года была принята директива об условиях допуска на территорию ЕС с целью учёбы.

В области нелегальной миграции соответствующий план, призванный бороться с нелегальной миграцией и торговлей людьми был принят Советом министров ЕС в феврале 2002 года. За ним последовала «Программа действий по возвращению», принятая Европейским советом в ноябре 2002 года. Директива о взаимном признании решений о депортации была принята в мае 2001 года [397].

Адекватная законодательная база была также сформирована в области предоставления убежища. В декабре 2003 года принимается директива о минимальных стандартах по приёму лиц, ищущих убежище («Директива об условиях приёма»). За ней последовало (в феврале 2003 года) «Дублинское регулирование», в рамках которого была отражена ответственность стран — членов ЕС по рассмотрению заявок на предоставление убежища. Директива о соответствии требованиям на статус беженца («Квалификационная директива») была последней из серии законов в данной области (принята в апреле 2004 года). Безусловно, свод законов в области предоставления убежища сложно представить без «Директивы по процедурам предоставления убежища», но данная директива была принята в 2005 году, т. е. уже по окончании переходного периода [398]. Наконец, была продлена деятельность Европейского фонда для беженцев — на следующий период (2005—2010 годы). Данный фонд был основан в 2000 году в целях поддержки и улучшения деятельности стран — членов ЕС в сфере приёма беженцев и перемещённых лиц [399].

6.1.2 Вторая стадия

К моменту окончания переходного периода была разработана новая схема действий, известная как «Гаагская программа». Формально одобренная на совете в Брюсселе 4—5 ноября 2004 года, она была должна дать «ответ новым вызовам», которые возникли перед Евросоюзом. Европейский совет призвал страны — члены ЕС «без промедления и в полной мере реализовать программу первой стадии», указав на то, что на второй стадии целью общей европейской системы по предоставлению убежища будет «установление общей процедуры предоставления убежища и единого статуса для тех, кто получил убежище или субсидиарную

защиту» [400, 1.3]. Совет подчеркнул необходимость лучшей координации национальных политик в области интеграции граждан третьих стран и инициатив ЕС в данной сфере [401]. Также была обозначена необходимость более тесного сотрудничества с третьими странами и необходимость введения единых стандартов по процедуре возвращения нелегальных мигрантов [402].

На основании приоритетов Гаагской программы Европейская комиссия предложила в 2005 году план действий с рядом мероприятий. Кроме этого, на межправительственной конференции в Гааге в мае 2005 года страны — члены ЕС согласились использовать механизм квалифицированного большинства для принятия решений в области предоставления убежища, иммиграции и контроля над границами. Европейская комиссия получила монополию законодательной инициативы [403, с. 305].

Таким образом, законотворческая деятельность в течение второго этапа уже не была ограничена правилом консенсуса, что позволило активизировать законотворческий процесс. Как упоминалось ранее, в 2005 году была принята «Директива по процедурам предоставления убежища». В 2007 году Европейская комиссия опубликовала «Зелёный доклад» о будущем общей европейской системы предоставления убежища. После консультаций с правительствами и представителями гражданского общества комиссия приняла в июне 2008 года план действий в области предоставления убежища. Было объявлено о необходимости внести поправки в три «наиболее важные директивы ЕС в области предоставления убежища»: «Директиву об условиях принятия», «Директиву о процедурах» и «Квалификационную директиву». Невзирая на то, что комиссия озвучила конкретные предложения по изменению указанных директив, решений на уровне ЕС принято не было, во многом из-за разногласий в совете Евросоюза.

В то же время следует отметить, что в ходе второго этапа опубликован ряд консультационных документов об интеграции граждан третьих стран, проживающих в ЕС, а в 2008 году была принята «Директива о возвращении», устанавливающая общие стандарты и процедуры по выдворению с территории ЕС нелегальных мигрантов [404].

6.1.3 Третья стадия

Третья стадия деятельности ЕС в области иммиграции и предоставления убежища во многом связана с принятием Лиссабонского договора, который расширил сферу применения системы квалифицированного большинства и механизма совместного принятия решений в таких областях, как легальная миграция, визовые списки и визовые форматы. Основные вехи работы на период 2010—2014 годов были прописаны в Стокгольмской программе (2010 год), включая необходимость формирования общей системы предоставления убежища и более эффективной борьбы с нелегальной миграцией [405, с. 30—31].

Несмотря на то, что расширение области совместного принятия решений создаёт более благоприятные условия для законодательного процесса, различия во мнениях в странах — членах ЕС снижают его эффективность. Возможны также варианты, когда цели и инициативы церковей противостоят задачам государств, в которых эти церкви находятся. Тем не менее, нет оснований предполагать, что активность церковей в области миграции снизится, особенно с учётом их уникального опыта и высокой компетентности в данной сфере.

6.2 Церкви и вопросы миграции

Задачи церковей в области миграции и предоставления убежища определены не так чётко, как их цели в сфере морали и нравственности. Но если на повестку дня ЕС выносятся конкретные вопросы, то цели и задачи церковей приобретают более ясный характер. Конечно, церкви не формируют повестку дня ЕС в данной сфере, хотя и могут указать, какие нормативные правовые акты нуждаются в реформировании. Но участие церковей становится более заметным, если начинается важный законодательный процесс и если требуется проведение мониторинга и оценки.

Вопросы миграции не являются основной темой богословского анализа. Как отмечают Бенз Счар и Ральф Гейслер, «главное направление богословской мысли мало соприкасается со сферой миграции. Последняя отсутствует в списке работ по догматике и этике» [406, с. 4]. Но богословие в любом случае

касается миграционных проблем, например, при обсуждении различных аспектов достоинства личности, отношения к родине и зарубежью, проблемы предательства, а также значения материальных благ. Можно предположить, что сфера миграции находит своё адекватное место в христианском вероучении, ведь «миграция вездесуща в Библии, как и в истории церкви» [407].

Как подчёркивает Амеле Адамави-Ахо Эку, Библия содержит множество историй о том, как люди покидали своё место жительства и переезжали «за границу» [408, с. 26]. Более того, корни гостеприимства и открытости по отношению к странникам находятся в самой сущности Бога, так как в книге Бытия «Бог открывает Себя Аврааму в образе трёх усталых странников» [409, с. 9]. Для Гейнриха Бедфорд-Строма христианская этика направлена на интеграцию мигрантов и предполагает особое к ним отношение [410, с. 38—39]. Нежелание помогать мигрантам сравнивается с изоляцией себя от Бога [411]. Бедфорд-Стром развивает концепцию христианской этики сочувствия. Согласно данной концепции «мигранты и беженцы, которые ищут убежища, должны иметь право на обращение в соответствии с достоинством человека. Об этом достоинстве личности должны помнить и те, кто решает вопрос о предоставлении убежища или отказе в таковом» [412].

В этом отношении становится более понятной роль европейских церквей: проявление солидарности с теми, кто, покидая свои жилища, ищет убежище в Европе. Такой подход отображается в социальных доктринах церквей. К примеру, в католическом социальном учении подчёркивается, что «миграция — это не просто социологический факт, но историческая реальность, которая должна быть отображена в нашей вере и через наше богословие» [413, с. 10]. Более того, «истинная моральная ценность любого общества» становится видна через обращение «с наиболее уязвимыми членами общества». В учении о миграции происходит эрозия такого понятия, как родина, поскольку католическая церковь заявляет, что «настоящая родина там, где мигранта обеспечивают хлебом» [414]. В документе «Церковь в Европе» Папа Римский Иоанн Павел II подчёркивал, что феномен миграции «призывает Церковь принять каждого человека, вне зависимости от того, к какому народу или нации он принадлежит» [415].

Следует также отметить, что развиваемые богословами подходы к миграции приводят нас к вопросу о взаимоотношении церкви и идентичности. Действительно, жизнь современного Евросоюза сложно представить без миграции, как легальной, так и нелегальной. Обращая внимание на присутствие феномена миграции в Священном Писании, богословы акцентируют внимание на его религиозном содержании. Получается, что миграция, формирующая часть европейской идентичности, связана с христианством, а потому церкви могут говорить о своём вкладе в идентичность ЕС через миграцию.

Действительно, сам факт присутствия миграции в христианском вероучении предполагает, что церкви оказывают помощь нуждающимся мигрантам. Речь идёт о многосторонней поддержке: от помощи беженцам и нелегальным мигрантам до адекватного изменения соответствующего законодательства. Конечно, эти действия требуют отличных знаний, компетенции, а также умения достигать поставленных целей как обособленно, так и в команде, причём не обязательно с теми, кто принадлежит к церковной среде.

6.3 Церкви как негосударственные субъекты: работа в сфере миграции и предоставления убежища

В предыдущих главах мы установили, что церкви могут действовать на европейском уровне как негосударственные субъекты. Работа церквей в сфере миграции и предоставления убежища является наглядной иллюстрацией данного факта.

Следует помнить о том, что миграция и предоставление убежища — это область, в которой церкви имеют высокую компетенцию, поскольку они работали с мигрантами и беженцами задолго до получения Европейским союзом адекватных полномочий в данной сфере (например, Комиссия церковей для мигрантов в Европе была основана в 1964 году). Вместе с тем в большинстве случаев работа проводилась не самими церквями, а различными христианскими организациями, которые, конечно, нельзя приравнять к церквям. Эти организации были основаны церквями с тем, чтобы придать им определённые полномочия и сферу ответственности. В настоящее время эти негосударственные миграционные организации, работающие на уровне ЕС, находятся в Брюсселе.

6.3.1 Христианские организации в сфере миграции и предоставления убежища

Христианские организации, работающие в сфере миграции и предоставления убежища, могут быть разделены на две категории: организации, специализирующиеся только на миграционных вопросах, и организации с более широкой сферой ответственности, в которую, помимо прочего, входит и миграция. В таких организациях миграционными вопросами занимается специальный отдел или комитет. Комиссия церквей для мигрантов в Европе (далее — КЦМЕ), Международная католическая миграционная комиссия (далее — МКМК) и Иезуитская служба беженцев в Европе (далее — ИСБ Европа) принадлежат к первой категории. Ко второй можно отнести такие организации, как КОМЕСЕ, «Каритас Европа» и Совет квакеров по европейским делам (далее — СКЕД).

Полагаем, что наиболее представительной христианской организацией, работающей исключительно в сфере миграции и предоставления убежища, является КЦМЕ. Она была основана в 1964 году и в настоящее время является организацией церквей и экуменических советов из 16 европейских стран: Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Греции, Испании, Ирландии, Италии, Нидерландов, Норвегии, Румынии, Финляндии, Франции, Чехии, Швейцарии и Швеции. КЦМЕ также поддерживает связь с Вселенским патриархатом и церковными партнёрскими организациями в Венгрии, Дании, Польше, России, Сербии и Словакии [416]. Как указано в официальных документах КЦМЕ, её целями являются мониторинг «европейской и национальной политики в области миграции, беженцев и недискриминации», информирование церквей об этой политике, а также убеждение европейских учреждений «действовать в соответствии с правами человека и международными обязательствами» [417]. Основные инструменты деятельности, упоминаемые КЦМЕ, включают «конференции, семинары, исследования, информирование, рабочие группы и тематические встречи». КЦМЕ является единственной организацией в сфере миграции и предоставления убежища, которая представляет все три конфессии — православных, католиков и протестантов.

Практически все остальные организации, работающие на европейском уровне («Каритас Европа», КОМЕСЕ, ИСБ Европа), связаны с католической церковью. ИСБ Европа специализируется на предоставлении практической помощи потенциальным беженцам, продвигает справедливую политику в области предоставления убежища, основанную на достоинстве личности [418]. Для «Каритас Европы» и КОМЕСЕ миграция является одним из направлений деятельности. В «Каритас Европе» данное направление находится в сфере ответственности комитета по миграции, который в настоящее время состоит из представителей Австрии, Великобритании, Германии, Испании, Италии, Литвы, России, Турции и Швеции [419]. В КОМЕСЕ вопросами миграции занимается рабочая группа по миграции, которая, как правило, собирается четыре раза в год, обсуждая и анализируя законодательные инициативы ЕС с христианской точки зрения [420]. Кроме этого, проблемами миграции на европейском уровне занимаются такие организации, как МКМК, Конференция европейской юстиции и комиссии мира и СКЕД.

6.3.2 Стратегия христианских организаций

Упомянутые выше христианские организации основывают свою деятельность на церковном фундаменте. К примеру, «Каритас Европа» отмечает, что ценности и мотивация для её работы происходят из «социального учения церкви, которое основано на фундаментальном принципе, что все люди созданы равными в своём достоинстве» [421, с. 4]. Мотивация и основополагающие ценности отражаются в предложениях, которые эти организации делают на различных стадиях законотворческого процесса. В этом контексте можно заметить, что для христианских организаций особое значение имеют достоинство, благосостояние и права человека. Действительно, в инициативах данных организаций присутствуют намерения защитить семью, поддержать право на воссоединение семей, а также желание защитить наиболее уязвимые слои населения [422]. Таким образом, христианские организации в своей деятельности ставят на первое место интересы обычного человека.

Стратегия, используемая христианскими организациями, в некоторой степени похожа на стратегию других негосударст-

венных организаций (далее — НГО). В то же время она несёт отпечаток их уникального статуса и родственных связей с церквями. Безусловно, христианские организации тесно сотрудничают друг с другом, но это не препятствует их взаимоотношениям со светскими структурами, работающими в области миграции и предоставления убежища. Как указано в докладе КЦМЕ, данная организация «сотрудничает с прочими европейскими НГО в рамках платформы НГО по миграции и предоставлению убежища, являясь одним из учредителей данной платформы. В 2006 и 2007 годах члены платформы НГО регулярно организовывали брифинги для депутатов Европейского парламента <...> Также проходили встречи с сотрудниками Европейской комиссии. КЦМЕ способствовала деятельности платформы по реализации более систематического сотрудничества с Европейской комиссией» [423, с. 8].

Деятельность христианских организаций осуществляется как на европейском, так и на национальном уровне, что способствует достижению более высокой эффективности в работе. На наднациональном (европейском) уровне значительное внимание уделяется системе совместных комментариев. В настоящее время в ней участвует шесть христианских организаций: «Каритас Европа», КЦМЕ, КОМЕСЕ, МКМК, ИСБ Европа и СКЕД. Эти организации, как обычно указывается в каждом из совместных заявлений, «представляют церкви из всей Европы — англиканские, православные, протестантские и римско-католические, а также христианские агентства, работающие с мигрантами и беженцами». Совместные комментарии, принимаемые консенсусом, предполагают анализ и оценку ситуации и сопровождают, как правило, различные документы ЕС, как окончательные версии, так и находящиеся в процессе разработки (речь может идти о проектах директив, сообщений и т. п.). Сам факт наличия совместных комментариев подтверждает высокую степень согласованности среди христиан различных конфессий по вопросам миграции и предоставления убежища.

Вместе с тем система совместных комментариев — это лишь один из методов работы, хотя и имеющий большой общественный резонанс. Ещё один метод — рассылка писем и петиций. При этом письма направляются лицам, принимающим решения

как на уровне ЕС, так и на национальном уровне. Они дают возможность донести до их сведения точку зрения христианских организаций, особенно если совместные комментарии невозможны, а также могут повлиять на процесс принятия решений. КЦМЕ упоминает о подобных письмах в одном из докладов о проделанной работе (2003—2005), отмечая, что письма направлялись в руководящие структуры Евросоюза [424]. Конечно, эти письма, доступные, как правило, на сайтах организаций, отражают наиболее видимый, поверхностный уровень работы и не заменяют, да и не могут заменить, регулярные рабочие контакты христианских организаций с политическими и официальными учреждениями. Уровень и частота контактов зависят, помимо прочего, от степени открытости учреждений. На европейском уровне христианские организации главным образом сотрудничают с Европейской комиссией и Европейским парламентом и в меньшей степени — с секретариатом Совета Министров.

Питер Верхэг, объясняя работу «Каритас Европы», указывает на следующий механизм и последовательность действий, принятых в его организации. Во-первых, важно сформулировать согласованную позицию «Каритас Европы» по конкретным вопросам, учитывая мнения национальных организаций. Во-вторых, необходимо поддерживать постоянные контакты с сотрудниками Европейской комиссии, ответственными за подготовку нормативных правовых актов. Самый оптимальный вариант — попытаться повлиять на процесс подготовки документа ещё до того, как он станет достоянием общественности, хотя такое не всегда возможно. По признанию Верхэга, «по ряду документов мы смогли повлиять на формулировку отдельных статей» [425]. Кроме этого, «Каритас Европа» установила регулярные рабочие контакты с Европейским парламентом, а также осознаёт важность лоббирования не только на европейском, но и на национальном уровне, через институты стран — членов ЕС.

Похожая тактика и методы используются и другими организациями, хотя в каждом случае имеются свои особенности. Так, представитель КОМЕСЕ убеждён в том, что Европейская комиссия «проводит очень открытую политику», выражаемую, в частности, в общественных консультациях и в приглашениях вносить вклад

в её деятельность. Работа с Европейским парламентом более сложная, а работа с советом затруднена в наибольшей степени, хотя КОМЕСЕ работает с ним через делегации стран — членов ЕС [426].

Петра Хуэк, представитель МКМК, убеждена в том, что отношение к христианским организациям в Брюсселе очень хорошее, во многом благодаря тому, что они обладают высоким профессионализмом [427]. Хуэк полагает, что даже те, кто вначале сторонится «церковных людей», впоследствии признают, что церкви — это действительно значимые участники в процессе принятия решений по вопросам миграции. По мнению Хуэк, важно быть профессионалом в своей деятельности, и если вы хорошо выполняете свою работу, то «будете удивлены, как легко получить то, что вы хотите» [428]. Стефан Кесслер, представитель ИСБ Европа, чётко разделяет взаимодействие с комиссией и советом. По его мнению, проще достичь понимания с комиссией; более того, в последние годы «не существовало значительного числа противоречий между предложениями комиссии и нашими пожеланиями. Мы хотели большего, но конфликта не было» [429]. Основная проблема в том, что совет редко принимает предложения комиссии. По мнению Кесслера, степень непонимания выше в отношениях между НГО и национальными правительствами, чем между НГО и комиссией. Иезуиты работают и через национальные правительства, для выхода на общеевропейский уровень, но, как отметил Кесслер, «нам по-прежнему непросто включить в повестку дня то, что имеет значение на европейском уровне» [430].

Деятельность на национальном уровне более перспективна для христианских организаций в тех странах, где церковь пользуется большим уважением или имеет высокий статус, благодаря особенностям церковно-государственных отношений, или высокой степени религиозности. По мнению Дорис Пешке (КЦМЕ), церкви смогли адекватно выразить свою позицию на высоком уровне в Швеции и Греции во многом благодаря хорошим связям с властными структурами [431]. Поэтому стратегия, используемая христианскими организациями, отражает не только имеющиеся у них ресурсы и компетенцию, но и статус тех церквей, с которыми они связаны. В то же время многое зависит от доброй воли и открытости учреждений ЕС.

Безусловно, христианские организации в своей деятельности сталкиваются с теми же проблемами, что и светские НГО. Но преимущество религиозных организаций заключается в том, что их структуры имеют влияние не только на европейском, но и на национальном уровне, а также могут полагаться на поддержку со стороны церквей. Последнее является особым фактором, который отличает христианские НГО от прочих НГО, работающих в сфере миграции и предоставления убежища.

В европейских учреждениях признают важную роль христианских организаций. Представители Европейской комиссии (уровень экспертов), проинтервьюированные в Брюсселе, высказывали позитивные мнения. Так, чиновник Европейской комиссии отметил: «Здесь, в Брюсселе, мы иногда далеки от реальности, мы не знаем, что происходит, скажем, в лагерях беженцев. Церкви об этом знают, поскольку одна из их функций — быть с бедными людьми, с нуждающимися. Для нас очень важно знать, что церкви говорят о ситуации, в которой находятся люди, а также об их проблемах. В этом плане церкви ведут себя очень активно, и их роль очень важна, иногда даже более, чем роль светских НГО» [432].

Другой чиновник Еврокомиссии, работающий в сфере переселения мигрантов, отметил: «В моей области церкви очень активны, и весьма способны оказывать влияние, продвигать свои идеи. Благодаря их компетентности и успешному продвижению идей церкви принимаются во внимание» [433]. Хотя мнения, высказанные сотрудниками Еврокомиссии, не могут считаться официальной позицией европейских учреждений, всё же нельзя не отметить, что эксперты, знающие работу церквей, отводят им очень важную роль. Это подтверждается признанием с их стороны того факта, что церкви очень активны, способны оказывать влияние и порой даже более значимы, чем светские НГО.

Безусловно, нам также необходимо знать, насколько значителен вклад церквей в законотворческую деятельность в ЕС. Мониторинг и оценка, проводимые христианскими организациями, могут повлиять на изменения в нормативных правовых актах, но в этом случае речь идёт о косвенном воздействии. Прямое воздействие происходит, когда христианские организации стараются влиять на содержание нормативных правовых актов, в том числе на начальных стадиях их разработки. Вместе с тем

следует признать, что точная оценка в этом контексте вряд ли возможна, хотя мы можем проанализировать, каким образом церкви организуют свою работу и какой вклад они вносят в важнейшие законодательные разработки. Их влияние можно проследить на примере одного из нормативных правовых актов ЕС. Речь идёт о директиве, устанавливающей общие стандарты и процедуры в странах — членах ЕС по возвращению нелегально находящихся граждан третьих стран, или, коротко, «Директиве о возвращении».

6.4 Директива о возвращении

Сфера нелегальной миграции остаётся одной из наиболее проблематичных в Европейском союзе. Под термином «нелегальные мигранты» мы понимаем тех, кто въезжает незаконно на территорию ЕС, не имея необходимых для этого документов или же, изначально прибыв легально, не покидает территорию Евросоюза в срок, в который необходимо это сделать (как правило, по истечении срока действия визы). Общая численность нелегальных мигрантов в ЕС неизвестна; по оценкам Еврокомиссии их насчитывается от 2 до 8 миллионов человек. Основная задача ЕС в этой сфере — «предотвращение данного явления, выявление и наказание тех, кто ему способствует, а также возвращение нелегальных мигрантов в страны происхождения» [434].

Меры, принимаемые в связи с нелегальной миграцией, включают санкции и уголовное преследование тех, кто способствует нелегальному проникновению на территорию ЕС, или предоставляет работу нелегальным мигрантам, а также принудительное возвращение мигрантов в страны их происхождения [435]. Процедура возвращения в настоящее время отражена в документе, который известен как «Директива 2008/115/ЕС Европейского парламента и Совета от 16 декабря 2008 года об общих стандартах и процедурах в странах-членах (ЕС) по возвращению нелегально пребывающих граждан третьих стран». Процесс принятия директивы был сложным и противоречивым в силу значительного расхождения во мнениях среди представителей учреждений ЕС, стран — членов ЕС и НГО. Действительно, директива затрагивала болевую область, касаясь национальных интересов большинства стран — членов ЕС, в особенности тех, что интенсивно подвержены нелегальной миграции.

6.4.1 Первоначальные шаги

Работе над «Директивой о возвращении» предшествовали предварительные меры, принятые намного раньше, чем само появление в 2005 году проекта документа, предложенного комиссией. В 2001 году, в сообщении об общей политике по нелегальной миграции (15 ноября 2001 года) комиссия отметила, что «процедура возвращения является составной и важной частью борьбы с нелегальной иммиграцией» [436, с. 2]. Были определены три основных составляющих политики возвращения: общие принципы, общие стандарты и общие меры [437]. В феврале 2002 года совет принял план действий по борьбе с нелегальной миграцией.

Участие христианских организаций в данном процессе было отмечено практически с самого начала, в форме заявлений и деклараций. В мае 2002 года «Каритас Европа», КЦМЕ, КОМЕСЕ, МКМК, ИСБ Европа и СКЕД выразили своё мнение по данному вопросу, предложив некоторые гуманные меры по борьбе с нелегальной миграцией. Речь, в частности, шла о том, чтобы предоставить больше возможностей для легальной миграции в ЕС, а также не исключать возможность амнистии (регуляризации) для тех, кто проживает в ЕС нелегально. Христианские организации отметили, что многие нелегальные мигранты живут в бедных и нестабильных условиях, работают в ситуации полной незащищённости, «многие — в сельскохозяйственном секторе, а также в качестве уборщиков, сиделок, либо используют свою квалификацию при работе на стройках, в ресторанах и гостиницах» [438, с. 5]. Христианские организации, комментируя предлагаемые меры по возвращению, выразили поддержку более мягким, толерантным мерам, в частности «принципу приоритета добровольного возвращения (над принудительным)», а также необходимости учитывать ситуацию с правами человека в стране, с которой планируется соглашение о реадмиссии [439].

В апреле 2002 года комиссия представила «Зелёный доклад по политике о возвращении». На базе данного доклада в июле были проведены общественные слушания, в которых приняли участие представители КОМЕСЕ и КЦМЕ. Христианские организации вновь подчеркнули необходимость «ясных, доступных

и открытых процедур для легальной трудовой миграции в ЕС», а также необходимость в «улучшении эффективности и качества процедур по получению убежища, и необходимость такой политики в области предоставления убежища, которая сделает возможным попасть на территорию ЕС законным способом» [440, с. 2]. Была подчеркнута необходимость приоритета добровольного возвращения, а также высказано мнение, что принимаемые меры должны «поддерживать достоинство каждой личности» [441]. Представители церкви говорили о доминанте справедливости, чтобы интересы стран — членов ЕС не преобладали над интересами страдающих людей.

В объяснительной записке, приложенной к проекту директивы, комиссия резюмировала основные предложения, поступившие от НГО, хотя церкви не были упомянуты особым образом. Общественные слушания стали единственным событием, в рамках которого организации гражданского общества смогли напрямую контактировать с комиссией на основе консультаций.

6.4.2 Дальнейшая работа

Дальнейшая работа комиссии над «Директивой о возвращении» проходила в более закрытом формате, с проведением консультаций (во второй половине 2004 года) с «экспертами стран — членов ЕС, специализирующимися на работе в сфере возвращения» [442]. Как отметил представитель «Каритас Европа», «не было никакой возможности получить информацию о проекте, до момента его публикации» [443]. Только после появления проекта директивы в открытом доступе (в 2005 году) христианские организации получили возможность высказывать предметные комментарии.

Акоста обращает внимание на шесть основных положений в первоначальном проекте: сфера применения, добровольный выезд, запрет на въезд, средства судебной защиты, содержание под арестом и несовершеннолетние мигранты (без сопровождения взрослых) [444, с. 26—27]. Сфера применения предполагает, что директива может применяться по отношению ко всем мигрантам, нелегально находящимся на территории ЕС, если только страны-члены не решат её использовать по отношению к тем, кому было отказано

во въезде в транзитных зонах. Варианту с добровольным выездом был отдан приоритет при условии выезда в течение четырёх недель. Директива позволяла ввести запрет на въезд на территорию ЕС сроком до пяти лет. Кроме этого она предоставляла возможность нелегальным мигрантам иметь доступ к эффективной судебной защите, в том числе тем, кто был лишён адекватных материальных ресурсов. Наконец, было разрешено временное содержание под стражей (сроком до шести месяцев), причём несовершеннолетним предоставлялись дополнительные гарантии [445].

Первое публичное заявление по проекту директивы было сделано представителями христианских организаций 31 августа 2005 года. Церкви, совместно с некоторыми светскими организациями, опубликовали «Общие принципы по удалению нелегальных мигрантов и просителей убежища, заявки которых отклонены». Подписи под документом поставили, со стороны церкви, «Каритас Европа», ИСБ Европа, КЦМЕ, СКЕД, Испанская евангелическая церковь, Симате и Федерация евангелических церквей в Италии. Светские организации были представлены Международной амнистией, Европейским советом по делам беженцев, Хьюман Райтс Уотч, «Платформой международного сотрудничества по делам недокументированных мигрантов», организацией «Спасём детей» и СЕНСОА. В документе говорилось, помимо прочего, о приоритете добровольного возвращения, гарантии доступа к эффективным средствам судебной защиты, отмене запрета на въезд и необходимости уважения целостности семьи [446].

Эти принципы были использованы в ходе подготовки совместных комментариев христианских организаций, опубликованных в марте 2006 года. В данных комментариях церкви, во-первых, выразили сожаление, что странам — членам ЕС может быть разрешено не применять директиву в транзитных зонах. Во-вторых, положения о добровольном возвращении были признаны неадекватными. Христианские организации отметили, что четыре недели, которые даются на возвращение, «недостаточны для организации добровольного возвращения в должном и справедливом виде» [447, с. 3]. Критике подверглась терминология проекта, в частности термин «побег», как заимствованный из уголовного права (было предложено использовать более нейтральную дефиницию). Также,

по мнению христианских организаций, неприемлемо издавать решение о возвращении вместе с приказом о выдворении, поскольку такие действия «создадут ситуацию давления на мигрантов, так что они будут не в состоянии адекватно рассмотреть возможность добровольного возвращения» [448]. Кроме этого, сам факт, что оценка риска побега мигранта, а также возможность принудить его «оставаться в определённом месте» передаётся странам — членам ЕС, приведёт «к систематическому использованию варианта содержания под стражей» [449].

Христианские организации подвергли критике положения о запрете на повторный въезд в ЕС, предположив, что такой запрет не должен содержаться в Директиве. В случае его сохранения запрет на въезд не должен превышать одного года. Было указано на неопределённость и расплывчивость термина «угроза государственной политике»; причём церкви заметили, что, при желании, за каждым нелегальным мигрантом можно признать наличие такой угрозы [450]. Также с сожалением было прочитано положение Директивы, согласно которому не весь документ, а только «основные пункты приказа о возвращении или выдворении» будут переведены на язык, понятный нелегальному мигранту. Наконец, было подвергнуто критике то, что апелляция на принятые решения не ведёт к автоматической приостановке приказа о возвращении или выдворении. Негативную оценку получил максимально возможный срок содержания под стражей (шесть месяцев), что, по мнению христианских организаций, не приемлемо в случаях, когда речь идёт не об уголовных преступниках [451].

В целом церкви отметили, что в Директиву о возвращении необходимо внести поправки, которые привели бы её в более гуманный и адекватный вид, с безусловным учётом прав нелегальных мигрантов, в том числе несовершеннолетних [452].

6.4.3 Процесс принятия директивы и роль церквей

В ходе рассмотрения и принятия директивы было пройдено несколько основных этапов, с участием всех трёх европейских учреждений (Еврокомиссия, Евросовет и Европарламент), хотя основную роль играли совет и парламент. Проект директивы

прошёл обсуждение в парламенте и совете, а в октябре—ноябре 2006 года Финляндия, как президент совета на тот момент, внесла компромиссные предложения. Текст, предложенный советом, ужесточил положения Директивы, причём Германия, как президент совета в первой половине 2007 года, добивалась включения ещё более жестких мер. Европейский парламент принял свой доклад в сентябре 2007 года, после чего, в ноябре 2007 года началась серия неформальных встреч между представителями совета (полугодичное председательство перешло к Португалии) и парламента в целях достижения соглашения в первом чтении. Серия переговоров также проходила в первой половине 2008 года. В них участвовали представители Словении (председательствовавшей в совете), Еврокомиссии, а также докладчик Европарламента. В результате сложных переговоров, когда на повестку дня выносились различные версии документа, совет принял решение о поддержке окончательного текста 5 июня 2008 года, а Европарламент поддержал его 18 июня того же года. В ходе переговоров стало понятно, что менее строгой позиции придерживались Люксембург, Нидерланды, Испания и Швеция, в то время как Чехия, Франция, Венгрия, Австрия, Германия, Латвия и Греция выступали за более жёсткое содержание директивы.

В процессе принятия решений комментарии и декларации со стороны христианских организаций отражали только часть их деятельности. Другая сторона включала в себя практические шаги, предпринимаемые для достижения поставленных целей. Так, христианские и светские организации провели несколько встреч с представителями Европарламента. КЦМЕ и КЕЦ в сотрудничестве с «Каритас Европа» и КОМЕСЕ «обратились к президентам Европейского парламента, Европейской комиссии и Совета ЕС, чтобы выразить свою озабоченность» [453, с. 5]. Были проведены встречи с председательствующей стороной в Словении.

Тем не менее оценка реальной степени лоббистских усилий со стороны церкви представляется маловероятной, так как повестка дня и содержание упомянутых выше встреч не разглашались. Также до конца неизвестна роль церкви на национальном уровне. Очевидно, что христианские организации принимали участие в различных мероприятиях, но их масштаб и интенсивность интерпретируются по-разному.

Мы можем отметить, что со стороны Европейского парламента были предложены некоторые поправки, сходные с предложениями христианских НГО. Эти поправки присутствовали в проекте доклада от 16 июня 2006 года и в окончательной версии доклада от 20 сентября 2007 года. Парламентарии, в частности, отметили, что должно быть отдано предпочтение варианту добровольного (самостоятельного) возвращения нелегальных мигрантов и что для добровольного выезда должно быть предоставлено по крайней мере четыре недели. От лиц, покидающих ЕС, не следует требовать возмещения средств, затраченных на их возвращение, в качестве условия неприменения запрета на въезд в Евросоюз [454, с. 7, 12, 17]. Кроме этого, были включены предложения, что граждане третьих стран должны быть письменно информированы о доступных средствах юридической защиты, причём на языке, который они понимают [455]. Наконец, европарламентарии посчитали, что посещение временных центров содержания мигрантов не должно зависеть от получения разрешения на такое посещение [456].

Тем не менее, парламент не согласился с мнением, что директива должна применяться в транзитных зонах и что запрет на въезд должен быть значительно сокращён или вовсе отменён [457]. Более того, законодательный орган фактически увеличил время пребывания в центрах содержания мигрантов до 18 месяцев [458]. В «позиции меньшинства», изложенной депутатом Джусто Катания, срок в 18 месяцев был подвергнут критике, как и сами условия содержания мигрантов в некоторых центрах [459]. Очевидно, что позиция депутата совпадала с мнением церкви по данному вопросу.

6.4.4 Окончательная версия

В настоящее время высказываются мнения, что окончательная редакция директивы содержит положения, которые не совместимы с принципом человеческого достоинства, в том числе «длительное заключение в период до выдворения, и обязательный запрет на въезд в ЕС» [460, с. 2]. Аннелиз Балдачини также отмечает другие недостатки директивы, включая перечень оснований для содержания мигрантов под стражей и возможную длительность содержания под стражей [461]. По мнению Балдачини, «в ходе переговоров по тексту директивы не удалось достичь результата,

который мог быть признан полностью соответствующим минимальным стандартам пропорциональности, справедливости и гуманности, которые должны применяться по отношению к законам ЕС в области иммиграции и предоставления убежища» [462].

Очевидно, что в окончательной версии директивы отсутствует большая часть тех предложений и поправок, которые были сделаны представителями церквей. Не удивительно в этом контексте разочарование, выраженное представителями как христианских, так и светских НГО. В то же время следует учитывать, что существенная разница во мнениях участников принятия решений сделала крайне трудным достижение общей позиции. Ещё более сложным было достичь позиции, которая бы соответствовала просьбам христианских организаций.

Поэтому даже частичный успех церквей позволяет говорить о том, что их влияние не следует недооценивать. В то же время «Директива о возвращении» — это, в большей степени, иллюстрация той тактики, которая используется христианскими организациями, нежели инструмент для оценки их реального веса и влияния. Кроме этого, в данном случае мы сталкиваемся со значительным совпадением целей христианских и светских НГО, что не позволяет оценить степень эффективности деятельности религиозных организаций.

6.5 Выводы

С момента вступления в силу Амстердамского соглашения (1999) ЕС постепенно увеличивал свои полномочия в сфере иммиграции и предоставления убежища. Можно выделить следующие основные этапы: переходный период (1999—2004 годы), когда полномочия в целом сохранялись за странами — членами ЕС, и период Гаагской программы (2004—2009 годы), когда (с мая 2005 года) стали использоваться совместное принятие решений и принцип квалифицированного большинства в сфере предоставления убежища, иммиграции и контроля над границами. В течение указанных выше этапов были приняты важные нормативные правовые акты, в том числе определяющие процедуры рассмотрения заявлений просителей убежища, права легальных мигрантов и меры по борьбе с нелегальной миграцией,

включая выдворение мигрантов, находящихся на нелегальном положении на территории ЕС.

Начало следующей, третьей стадии было положено вступлением в силу Лиссабонского договора (декабрь 2009 года) и принятием в том же месяце Стокгольмской программы, опубликованной в Официальном Журнале в мае 2010 года. Лиссабонский договор позволил расширить сферу применения совместного принятия решений и принципа квалифицированного большинства с включением таких областей, как легальная миграция, визовый список и визовые форматы. В Стокгольмской программе были определены ключевые цели ЕС в области миграции и предоставления убежища на пятилетний период (2010—2014 годы). Эти цели включали необходимость введения общей системы предоставления убежища, формирование более эффективных способов интеграции легальных мигрантов и использование более действенных мер по борьбе с нелегальной миграцией.

Христианские церкви работали в сфере миграции и предоставления убежища задолго до того, как Евросоюз получил адекватные полномочия в этой области. По инициативе церквей были образованы организации, занимающиеся проблемами миграции. В данной области представлены все три христианские конфессии, и их работа ведётся через такие организации, как КЦМЕ, МКМК, ИСБ Европа, КОМЕСЕ, «Каритас Европа» и СКЕД, использующие в своей деятельности стратегию, которая похожа на таковую обычных НГО, но в то же время отражает особые связи христианских НГО с церквями. Христианские организации, кроме рассылки писем и петиций как на европейском, так и на национальном уровне, проводят переговоры с лицами, ответственными за принятие решений. Такая форма работы наиболее эффективна в тех странах, где церкви имеют тесные связи с государственным аппаратом и где в целом они обладают высоким влиянием.

Роль христианских организаций особенно важна в области мониторинга и оценки, что признано представителями Европейской комиссии. Они следят за законодательными и иными инициативами в данной области, сопровождая их своими комментариями и предложениями. Проводится информирование европейских учреждений о реальных условиях содержания

в центрах по размещению мигрантов и о процедурах депортации. Кроме этого, христианские организации активно поддерживают программу расселения мигрантов.

В целом можно признать, что христианские организации, с учётом их опыта и экспертных знаний, стали уважаемыми партнёрами ЕС в сфере принятия решений по миграции и предоставлению убежища. Они имеют возможность взаимодействовать на высоком уровне с Европейской комиссией и Европейским парламентом. Их присутствие заметно в тех поправках, которые появляются в ходе законодательного процесса и иногда становятся частью окончательного документа. С учётом того, что экспертная квалификация церковных НГО постоянно растёт, в будущем их влияние может только усилиться.

Разумеется, нельзя игнорировать тот факт, что многие предложения христианских организаций (как заметно на примере «Директивы о возвращении») не были приняты во внимание. Тем не менее, не следует это расценивать как принижение влияния церквей. Масштаб деятельности церквей в данной области не столь значителен, как в случаях, когда речь идёт, например, об основополагающих документах ЕС (Конституции Евросоюза). Кроме этого, даже те политики, которые уважительно относятся к церквям, не всегда прислушиваются к их советам в области миграции (что заметно на примере Италии [463]). Одна из причин такого отношения заключается в том, что многие полагают, что вопросы биоэтики, семьи и нравственности гораздо важнее для христианского сообщества, нежели поддержка законодательства, призванного проявить заботу о нелегальных мигрантах и прочих «чужаках» на территории ЕС.

Наконец, ресурсы церквей ограничены и порой направляются в другие сферы, например, богословское образование и экуменическое сотрудничество, напрямую не связанные с деятельностью ЕС и объективно не требующие лоббирования или других действий на общеевропейском уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная цель настоящей работы состояла в том, чтобы определить место и роль церквей в европейской интеграции. Был проведён детальный анализ взаимодействия церквей и Европейского союза. Первоначально мы определили, что христианские церкви признаются участниками европейской интеграции, но без должной оценки уровня их присутствия и конкретного вклада в формирование политики ЕС. Более того, не всегда было понятно, в каком контексте и каким образом следует изучать церкви в разрезе европейской интеграции. Поэтому мы приступили к разработке необходимых концепций для реализации принципиальной цели данной монографии.

В первую очередь требовалось определить, возможно ли в принципе присутствие религии в теориях европейской интеграции. Проанализировав две основные теории евроинтеграции (неофункционализм и либеральный межправительственный подход), мы пришли к выводу, что данные теории практически не оставляют места для учёта религии в целом и церквей в частности в процессе европейской унификации. В упомянутых теориях внимание уделяется экономическим факторам, влиятельным национальным правительствам и сильным наднациональным учреждениям [464]. Другими словами, это теории крупных акторов (субъектов), имеющих тенденцию к доминированию. Как следствие, влияние прочих субъектов, в число которых включены церкви, представляется незначительным или же почти полностью зависимым от крупных субъектов.

Такой односторонний подход был отвергнут представителями теории социального конструкционизма, в рамках которой была представлена более адекватная картина европейской интеграции. Поэтому социальный конструкционизм был принят в качестве базовой теории для настоящей монографии, что позволило оценивать вклад церквей в процесс унификации Европы.

Церкви в социальном конструкционизме

Разнообразие и многоплановость процесса европейской интеграции, особенно заметные после Маастрихтского договора 1992 года, стали наглядным подтверждением, что две основные теории, предлагающие объяснение унификации Европы, являются, по меньшей мере, неполными. В 1990-е годы было невозможно отрицать, что процесс интеграции вышел за рамки искусственно созданных для него границ и перестал касаться только экономических вопросов. Присутствие негосударственных субъектов стало заметно на всех уровнях деятельности ЕС [465]. Политические и социальные аспекты созидания единого европейского пространства вызвали к жизни дискуссии об общих ценностях, принципах, нормах, истории и идеологии. Другими словами, на повестке дня появились компоненты идентичности и сама идентичность, причём в связке с унификационными процессами в Европе.

Поскольку включение идентичности, ценностей и идей не совсем соответствовало той картине интеграции, которая была создана неофункционалистами

и межправительственниками, возникла необходимость в появлении новой теории. Эта новая теория пришла под именем социального конструкционизма [466, с. 50], причём конструкционисты включили идентичность, нормы, ценности и НГО в анализ процесса европейской унификации [467]. Такой подход не только помог лучше понять процессы, происходящие в Европе, но и вывел новую теорию в разряд наиболее приемлемых и адекватных для изучения роли церквей в европейской интеграции.

Здесь необходимо следующее пояснение. Социальные конструкционисты в целом сохраняют молчание, когда речь идёт о церквях и их возможной роли в интеграции или вкладе в интеграцию. Но предлагаемые ими теоретические выкладки создают адекватный фундамент для включения церквей в анализ унификационных процессов. Это особенно заметно, когда мы пытаемся соединить некоторые особенности церквей с конструкционистским пониманием европейской интеграции. Речь, в частности, идёт о вопросах идентичности и включении негосударственных субъектов. Церкви, помимо своей роли в качестве духовных учреждений, также выполняют определённые социальные и общественные функции. Эти социальные функции объясняют, почему церкви могут иметь черты НГО или действовать как НГО в определённых обстоятельствах. Как НГО, они могут использовать те же методы, что и большинство других НГО: петиции, переговоры, лоббирование [468].

Кроме этого, церкви играют определённую роль в формировании идентичности, что рассматривается как очень важная сторона их деятельности, поскольку предоставляет возможность для защиты христианских ценностей. Церкви стремятся к тому, чтобы вносить свой вклад в формирование идентичности, как напрямую, так и опосредованно (например, через ценности как составную часть идентичности) [469]. В европейских условиях речь идёт о двойном вкладе: в формировании европейской идентичности и национальных идентичностей в странах — членах ЕС. Можно согласиться с теми исследователями, которые полагают, что идентичность европейцев (и Европы как союза) «по-прежнему находится под сильным влиянием христианских ценностей» [470].

Особая роль церквей

Вопрос о взаимоотношении церквей и Европейского союза не остался без внимания исследователей, поэтому опубликованные ими труды позволили выявить определённые тенденции в этой сфере. Научное сообщество по данному вопросу разделилось. С одной стороны расположились «негативные» мнения (Франсуа Форэ), согласно которым роль церквей ограничена и находится под контролем учреждений ЕС, которые следуют тем же принципам и политике, что и по отношению к другим организациям [471]. Мартин Стивен также высказался в поддержку того, что ЕС имеет секулярную природу, хотя и признал, что церкви могут влиять на европейские ценности и поведение при голосовании [472]. Бенуа Шаллан отметил, что в целом присутствие религии в законодательстве ЕС незначительно и растущий интерес Евросоюза к религии объясним сугубо прагматичными причинами [473]. Однако такие оценки выглядели менее обоснованными, чем мнения с позитивным взглядом на присутствие религии в ЕС.

Действительно, Кейт Дженкинс и Норман Доэ обратили внимание на присутствие религии во вторичном законодательстве ЕС, которое затрагивает трудовое законодательство, культуру, недискриминацию и т. п. [474]. Люсиан Леустеан подчеркнул, что после Маастрихтского соглашения 1992 года усилились контакты между европейскими учреждениями и церквями, причём последние стали более активно влиять на повестку дня первых [475]. Некоторые исследователи предприняли попытку оценить отношение церквей к ЕС, обнаружив самую высокую степень евроскептицизма среди неопротестантов [476].

В нашем случае, принимая точку зрения о более позитивной роли церквей в ЕС, мы развиваем идею, что церкви являются особыми и уникальными участниками европейской интеграции. Их уникальность подтверждается историческими обстоятельствами и особой связью с государством. В историческом плане церкви внесли значительный вклад в начальные процессы унификации Европы. Римские Папы после Второй мировой войны последовательно поддерживали интеграцию в Европе. «Отцы-основатели» объединённой Европы были практикующими христианами, причём христианская вера играла в их жизни очень большую роль [477].

Если же говорить о роли церквей в обществе, то нельзя не отметить, что она отлична от таковой негосударственных акторов (субъектов). В некоторых случаях церкви имеют государственный статус, тесные связи с властными структурами. В случае кооперационистской модели церковно-государственных отношений (и даже в случае разделительной модели) существуют, как правило, законы, которые гарантируют некоторое влияние церковных организаций в определённых областях государственной деятельности (например, в сфере образования) [478].

Мы также можем отметить, что степень влияния религии в ЕС не уменьшается, скорее, наблюдаемые тенденции носят обратный характер. Сама идея, что Евросоюз стал секулярным и даже антирелигиозным пространством, — это явное преувеличение [479]. На самом деле большинство европейцев считают себе верующими людьми (по крайней мере, формально), в то время как атеисты находятся в меньшинстве. Большинство европейцев заявляют о своей принадлежности к конкретной деноминации. Также уровень доверия церкви держится в ЕС на высокой отметке, так как значительная степень очень негативного отношения (отсутствие доверия) зарегистрирована только в четырёх странах: в Чехии — 39%, во Франции, Болгарии и Словении — между 26 и 30% [480].

Наконец, можно отметить растущее присутствие церквей на европейском уровне. Все три конфессии — православные, католики и протестанты — открыли представительства в Брюсселе, целью которых является взаимодействие с учреждениями ЕС. Самым крупным и влиятельным представительством в Брюсселе является офис КОМЕСЕ (Римско-католическая церковь).

Православные и, в меньшей степени, протестанты также смогли найти дорогу в брюссельские коридоры власти. Мы установили, что среди православных представительств наиболее активным и влиятельным является офис Православной церкви Греции, а у протестантов — представительство Евангелической церкви Германии. При этом православные, протестанты и старокатолики взаимодействуют с Евросоюзом не только напрямую, но и через экуменические

организации, среди которых наиболее известной и влиятельной является КЕЦ. КЦО КЕЦ, как и КОМЕСЕ, считается профессиональным и надёжным партнёром у официальных лиц в Брюсселе [481]. Постоянный диалог с учреждениями ЕС, проводимый на высшем уровне, включает представителей всех трёх конфессий, хотя, по вполне понятным причинам, предпочтение отдаётся более крупным и влиятельным церквям.

Тематические исследования: церкви и реформа договоров Евросоюза и церкви и политика Евросоюза в области иммиграции и предоставления убежища

В ходе нашей работы выбор был сделан в пользу двух тематических исследований, призванных оценить роль и влияние церквей на уровне договоров и политико-правовых решений ЕС. Планировалось отразить различные аспекты вовлечённости церквей в процесс интеграции. Выбор тематических исследований базировался на следующих критериях: интерес и вовлечённость церквей; полномочия ЕС; наличие информации. На уровне договоров было избрано исследование о вкладе церквей в недавнюю реформу договоров ЕС (2001—2009 годы). На уровне политико-правовых инициатив было проведено исследование о роли церквей в формировании политики ЕС в области иммиграции и предоставления убежища.

Тематическое исследование один. Церкви и реформа договоров ЕС

В первом тематическом исследовании был рассмотрен процесс реформы договоров ЕС. Речь шла о последней реформе, которая продолжалась с 2001 до 2009 года и закончилась со вступлением в силу Лиссабонского соглашения в декабре 2009 года. Начало реформы было обозначено на Лакенском совете в декабре 2001 года, который принял решение о созыве конвенции для обсуждения будущего Евросоюза [482]. Реформа прошла три основных этапа: 1) Конституционная конвенция (конвент), на которой был подготовлен текст Конституционного соглашения; 2) межправительственная конференция, в ходе которой в Конституцию были внесены поправки и её текст был согласован главами государств и правительств; 3) работа над Лиссабонским договором, когда после провала ратификации Европейской Конституции был разработан и успешно ратифицирован реформированный договор [483]. Роль церквей была проанализирована на всех трёх этапах.

В ходе работы Конституционного конвента (февраль 2002 — июль 2003 года) церкви стремились к тому, чтобы добиться приемлемых для них формулировок в тексте Конституционного соглашения. В большинстве случаев речь шла о возможности ссылки в тексте документа на Бога или христианские корни Европы. Кроме этого, церкви были заинтересованы в сохранении их статуса в рамках национального законодательства стран — членов ЕС и поддерживали необходимость регулярного и структурированного диалога с Европейским союзом [484]. В результате сложных переговоров [485] церкви смогли достичь поставленных перед ними целей, хотя и не в той пропорции, о которой первоначально шла речь. Например, в преамбуле Конституции ЕС была сделана

ссылка только на «религиозное наследие Европы», без указания конкретной религии. Также были даны гарантии сохранения статуса церквей в рамках национального законодательства, и в текст Конституции были внесены положения о регулярно, но не структурированном, диалоге Евросоюза с церквями.

В ходе второго этапа (межправительственная конференция, октябрь 2003 — июнь 2004 года) церкви пытались добиться изменений в формулировках Конституции ЕС, особенно в той части, которая касалась возможной ссылки на христианство (ссылка на религию выглядела безликой). Церквям также приходилось выдерживать борьбу с секулярными силами, старавшимися нивелировать достижения первого этапа. Вместе с тем на втором этапе роль церквей была не так заметна, как на первом. Но следует отметить, что ряд правительств публично поддерживал церкви (например, просьба о включении ссылки на христианство в текст Конституции ЕС была заявлена восьмью странами — Италией, Испанией, Ирландией, Мальтой, Польшей, Португалией, Чехией и Словакией [486, с. 3]. Тем не менее окончательные результаты практически не отличались от тех, которых церкви добились на Конституционном конвенте [487, с. 3, 54]. В ходе работы над Лиссабонским договором (декабрь 2006 — октябрь 2007 года, а также дальнейший процесс ратификации), присутствие церквей было малозаметно, исключая участие католической церкви в дебатах на референдуме в Ирландии по вопросу о ратификации договора. Отдельные католические организации поднимали вопросы морально-нравственного характера, заявляя, что ратификация Лиссабонского соглашения подрывёт конституционный запрет на аборт в Ирландии [488].

В первом тематическом исследовании мы определили, что общая оценка итога реформы договоров, выраженная большинством церквей, носила позитивный характер, с благосклонным отношением к окончательной версии Лиссабонского соглашения. Было отмечено, что его текст содержит многие положения, благоприятные для церквей, включая признание идентичности и особого вклада церквей, а также положение о необходимости организации регулярного диалога между церквями и Европейским союзом, что и было указано в статье 17 Договора о функционировании Европейского союза [489]. Негативные оценки были, главным образом, связаны с «недостатком прогресса в использовании невоенных методов предотвращения конфликтов и разрешения кризисных ситуаций» [490].

Тематическое исследование стало наглядным эмпирическим подтверждением ряда теоретических предположений. Реформа договоров имела важное значение для церквей, поскольку была связана с их правами и юридическим статусом. Кроме этого, она затрагивала проблему европейской идентичности и её связь с христианскими корнями Европы. При анализе дебатов, связанных с религиозными вопросами, было установлено, что проблемы идентичности находились в центре дискуссии. Обсуждение шло вокруг вопросов о том, чем является Европа, как и в каком контексте на неё влияло христианство и другие религии [491].

В первом тематическом исследовании мы смогли проанализировать многоплановую роль церквей. К примеру, их роль как НГО была отмечена в тех петициях и декларациях, которые появлялись в процессе реформы [492]. Их особый статус проявился в тех действиях, которые были практически невозможны для

обычных НГО. Так, встречи Папы Римского с высокопоставленными чиновниками ЕС стали возможны благодаря тому, что глава Римско-католической церкви является одновременно главой государства Ватикана. Заявления и просьбы политиков, направленные на защиту интересов церковью, появились отчасти благодаря национальным конституционным особенностям, отражавшим статус церковей, или, другими словами, благодаря специфике церковно-государственных отношений. Как правило, страны, в которых влияние религии было значительным, действовали во благо церковей. Кроме этого, церкви продемонстрировали высокую степень единства. В целом первое тематическое исследование стало наглядным подтверждением того, что церкви могут быть очень влиятельными, особенно если они готовы к значительному использованию имеющихся у них ресурсов и возможностей, как на национальном, так и наднациональном уровне.

Тематическое исследование два. Церкви и политика ЕС в области иммиграции и предоставления убежища

Второе тематическое исследование затрагивало политико-управленческий уровень. Это сфера ежедневной работы, в рамках которой происходит формирование нового законодательства и контроль за исполнением действующего законодательства [493]. Сфера миграции и предоставления убежища находится в зоне интересов церковей, причём этот интерес связан с желанием проявлять заботу о странниках и о тех, кто страдает и нуждается в помощи. Игнорирование мигрантов и их нужд со стороны церковей не соответствует их миссии и является негуманным [494]. В своей практической работе церкви предпочли заниматься вопросами миграции через специализированные НГО, учреждённые в некоторых случаях специально для этих целей. Доминируют НГО, связанные с католической церковью (МКМК, КОМЕСЕ, ИСБ Европа, «Каритас Европа»); при этом только два НГО не являются сугубо католическими — КЦМЕ и СКЕД [495].

В результате нашего исследования было установлено, что христианские организации, занимающиеся вопросами миграции, используют методы, похожие на методы других НГО. Они рассылают письма и петиции, а также издают совместные комментарии по проектам законов и другим важным вопросам. Христианские организации сотрудничают друг с другом и со светскими организациями, а также с учреждениями ЕС — Европейской комиссией, Европейским парламентом и секретариатом Европейского совета. В то же время они признают, что сотрудничество с советом наиболее затруднительно, в силу закрытости данного учреждения. Тем не менее христианские организации имеют возможность влиять на решения совета через страны — члены ЕС, с помощью церковей или национальных организаций [496]. В целом церкви воспринимаются как уважаемые партнёрские организации в сфере миграции и предоставления убежища, хотя, конечно, не следует преувеличивать степень их влияния. Ограниченный характер влияния во многом обусловлен многообразностью и противоречивостью мнений в данной области, как в европейских учреждениях, так и в странах — членах ЕС. Кроме этого, даже те политики и законодатели, которые с уважением относятся к церквям, нередко игнорируют их мнение в сфере миграции [497] в силу того, что предполагают данную проблематику не столь значимой для церковей, как вопросы морально-этического характера.

Значение христианских организаций признаётся представителями Европейской комиссии, хотя, главным образом, в сфере мониторинга и оценки [498]. Влияние церквей на принятие нормативных правовых актов не всегда очевидно, но следует помнить, что его порой сложно оценить. Действительно, церкви нередко действуют в составе коалиций, включающих нерелигиозные организации. Далеко не всегда можно узнать о конкретном влиянии каждого члена коалиции, даже если процесс лоббирования успешен.

Общий вклад монографии

Область исследований настоящей монографии находится на стыке нескольких дисциплин — социологии, политологии, европейстики и богословия. В сфере европейстики дополнена литература о теориях европейской интеграции, с указанием, что неофункционализм и либеральный межправительственный подход в значительной степени игнорируют роль религиозных факторов в европейской интеграции. Это же относится и к социальному конструкционизму, хотя данная теория представляется наиболее подходящей для изучения роли церквей в процессе унификации Европы.

В монографии анализируется роль идентичности и негосударственных субъектов в европейской интеграции, а также обращается особое внимание на религиозную компоненту, находящуюся в сфере изучения социальных институтов и процессов. Речь, в частности, идёт о том, что присутствие негосударственных субъектов и идентичности в европейской интеграции совместимо с включением церквей, поскольку последние могут действовать как участники формирования идентичности и негосударственные субъекты. В области богословия монография вносит вклад в нравственное богословие и, в некоторой степени, изучение Нового Завета. Особенно этот вклад заметен при анализе отношения церквей к европейской интеграции. Действительно, это отношение нередко зависит от особенностей восприятия церковью отдельных моральных и этических проблем и от интерпретации Библии и библейских пророчеств.

Монография вносит вклад в исследования, посвящённые анализу роли церквей в европейской интеграции и политике ЕС. Мы формируем целостную картину присутствия церквей в процессе унификации Европы, причём церкви определяются как особые и уникальные участники европейской интеграции. Монография также вносит вклад в исследования, посвящённые недавним реформам договоров ЕС и политике ЕС в области иммиграции и предоставления убежища. Разделы монографии, посвящённые анализу отношения церквей к евроинтеграции и Евросоюзу, дополняют литературу, посвящённую евроскептицизму.

Мы также подвергаем критике или существенным модификациям ряд предположений, выдвинутых предыдущими исследователями. Так, отвергнуто мнение, что европейская интеграция — это полностью светский проект. Вместо этого мы, во-первых, подтверждаем, что в этом проекте имеется важное церковное присутствие. Во-вторых, доказываем, что попытки антицерковного лобби лишить церкви их политической и социальной роли в целом потерпели фиаско на уровне ЕС. В-третьих, мы определили, что все три конфессии активно обсуждают общеевропейские вопросы и определяют своё отношение

к наиболее значимым из них. Невзирая на определённый скептицизм, церкви готовы вносить свой вклад в европейскую интеграцию. Таким образом они становятся более активными соиздателями повестки дня ЕС и более влиятельными субъектами, занимая при этом свою нишу, отличную от ниши других участников процесса европейской интеграции.

Ограниченность монографии и возможность будущих исследований

Данная монография не лишена определённой ограниченности, в силу объективных причин, хотя в ходе её написания удалось получить ответы на большую часть поставленных вопросов. Нераскрытые вопросы не умаляют качества настоящего исследования, но позволяют увидеть его лимитированность. Речь идёт о следующем. Во-первых, не всегда было возможно определить точный уровень влияния церквей на политику ЕС, и мы, конечно, были лишены возможности построения соответствующих математических моделей. Во-вторых, не всегда удавалось отделить влияние церквей от влияния светских организаций, особенно в случаях, когда их цели совпадали. В-третьих, было невозможно оценить влияние церквей на всех уровнях и во всех сферах, так как церкви взаимодействуют с учреждениями ЕС по многим вопросам, начиная от прав меньшинств и заканчивая проблемой изменения климата. Тем не менее, два тематических исследования были достаточно репрезентативны для того, чтобы оценить уровень влияния церквей в некоторых важнейших областях процесса интеграции и формирования политики ЕС.

На наш взгляд, существует хорошая возможность для дальнейших исследований в сфере сотрудничества церквей и Евросоюза. В частности, целесообразно детально проанализировать взаимодействие с ЕС в сфере морали и нравственности. Кроме этого, можно подвергнуть анализу вклад церквей в значимые события в Евросоюзе, которые не были проанализированы в данной монографии. Один из примеров — участие церквей в процессе расширения ЕС. Наконец, следует помнить о том, что после вступления в силу в декабре 2009 года Лиссабонского соглашения предусмотрено проведение «открытого, регулярного и транспарентного» диалога между церквями и ЕС. Кроме этого, Лиссабонский договор признаёт идентичность и особый вклад церквей. Таким образом, статья 17 Договора о функционировании Европейского союза создаёт новую, ранее не существовавшую возможность для сотрудничества между церквями и ЕС.

Исходя из этого, можно ожидать повышения интенсивности во взаимодействии церквей и европейских учреждений, что, в свою очередь, способно привести к росту интереса церквей к интеграционным вопросам и политике ЕС. Таким образом, появится возможность провести более тщательную оценку отношения церквей к Евросоюзу, в том числе тех церквей, которые ранее не проявляли большого интереса к деятельности ЕС и евроинтеграции.

Европейская интеграция — это текущий процесс, а христианские церкви — развивающиеся институты. Нет оснований предполагать снижения уровня их присутствия в Евросоюзе или уменьшения их влияния. Поэтому новые исследования в сфере «церкви — Европейский союз» возможны и целесообразны. Тем более, затронутая в монографии тема органично вписалась в сферу социально-гуманитарных наук и заняла в ней своё уникальное, подчёркнуто значимое и безусловно заметное положение.

РЕЗЮМЕ

Европейская интеграция представляет собой сложный и многоплановый процесс, в котором принимают участие, помимо государств, негосударственные субъекты. Кроме этого, европейская интеграция предполагает формирование европейской идентичности и создание системы европейских ценностей, призванных играть важную системообразующую роль в функционировании Европейского союза.

Неотъемлемым звеном европейской интеграции являются христианские церкви. В данной монографии анализируется взаимодействие церквей с учреждениями Европейского союза, с учётом статуса церквей и их особой роли в системе церковно-государственных отношений. Основным аргументом монографии заключается в том, что церкви определяются как особые участники интеграционных процессов, оказывающие влияние на ход интеграции, формирование идентичности и ценностей в Европейском союзе. В исследовании раскрывается отношение православных, католиков и протестантов к европейской интеграции и Европейскому союзу, а также анализируется степень влияния церквей на наднациональном (европейском) уровне. Практические аспекты взаимодействия церквей и учреждений ЕС рассмотрены в двух тематических исследованиях: церкви и реформы договоров ЕС и церкви и формирование иммиграционной политики ЕС.

В монографии доказывается, что церкви сохраняют возможность влиять на принятие решений на уровне учреждений Европейского союза, даже в условиях возрастающего сопротивления со стороны антирелигиозных организаций и ограниченности ресурсной базы церквей в общеевропейском контексте.

РЭЗІЮМЭ

Еўрапейская інтэграцыя ўяўляе сабой складаны і шматпланавы працэс, у якім прымаюць удзел, акрамя дзяржаў, недзяржаўныя суб'екты. Акрамя гэтага, еўрапейская інтэграцыя прадугледжвае фарміраванне еўрапейскай ідэнтычнасці і стварэнне сістэмы еўрапейскіх каштоўнасцей, закліканых іграць важную сістэмаўтваральную ролю ў функцыянаванні Еўрапейскага саюза.

Неад'емным звязом еўрапейскай інтэграцыі з'яўляюцца хрысціянскія цэрквы. У дадзенай манаграфіі аналізуецца ўзаемадзеянне цэркваў з установамі Еўрапейскага саюза, з улікам статусу цэркваў і іх асаблівай ролі ў сістэме царкоўна-дзяржаўных адносін. Асноўны аргумент манаграфіі заключаецца ў тым, што цэрквы вызначаюцца як асаблівыя ўдзельнікі інтэграцыйных працэсаў, якія аказваюць уплыў на ход інтэграцыі, фарміраванне ідэнтычнасці і каштоўнасцей у Еўрапейскім саюзе. У даследаванні раскрываецца стаўленне пратэстанцкіх, католікаў і праваслаўных, пратэстантаў да еўрапейскай інтэграцыі і Еўрапейскага саюза, а таксама аналізуецца ступень уплыву цэркваў на наднацыянальным (еўрапейскім) узроўні. Практычныя аспекты ўзаемадзеяння цэркваў і ўстаноў ЕС разглядаюцца ў двух тэматычных даследаваннях: цэрквы і рэформы дагавораў ЕС і цэрквы і фарміраванне іміграцыйнай палітыкі ЕС.

У манаграфіі даказваецца, што цэрквы захоўваюць магчымасць уплываць на прыняцце рашэнняў на ўзроўні ўстаноў Еўрапейскага саюза, нават ва ўмовах нарастання супраціўлення з боку антырэлігійных арганізацый і абмежаванасці рэсурснай базы цэркваў у агульнаеўрапейскім кантэксце.

RESUME

European integration is a complex and multi-layer process, where, apart from the states, non-state actors participate. Besides, European integration supposes the formation of European identity and the creation of the system of European values, which are called to play important systemic role in the functioning of the European Union.

Christian Churches are inalienable elements of European integration. This monograph analyses the interaction of Churches with the institutions of the European Union, taking into account the status of Churches and their specific role in the system of Church-State relations. The principal argument of this monograph is that Churches are regarded as special participants in the integration processes, which influence the course of integration, the formation of identity and values in the European Union. This research reveals the attitudes of Orthodox, Catholics and Protestants towards European integration and the European Union, and analyses the degree of influence of Churches on the supranational (European) level. The practical aspects of the interaction of Churches and the EU institutions are researched in the two case studies: Churches and the EU treaties reform and Churches and the EU immigration policy.

This monograph argues that Churches are able to influence the decision-making process at the level of the EU institutions, even in the circumstances of the growing resistance from the anti-religious organisations and the limits of the Churches' resources in the European context.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Haynes J. Religion and Politics in Europe, the Middle East and North Africa // Religion and Politics in Europe, the Middle East and North Africa / J. Haynes (ed.). Routledge. 2010. P. 1—20.
2. Ramet S. The way we were — and should be again? European Orthodox Church and the idyllic past // Religion in an Expanding Europe / T. Byrnes and P. Katzenstein (eds). Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. P. 148—175.
3. Franklin A. EU: the Final World Empire. Banner Publishing Ltd., 2004.
4. Noble A.: 1) The conspiracy behind the European Union: what every Christian should know [Electronic resource] / European Institute of Protestant Studies, 1998. URL: <http://www.ianpaisley.org/article.asp?printerFriendly=true&ArtKey=conspiracy> (date of access: 16.10.2013). ; 2) EU (4) Destroying our Protestant heritage and enslaving us again to Rome [Electronic resource] / European Institute of Protestant Studies, 1999. URL: <http://www.ianpaisley.org/article.asp?ArtKey=eu4> (date of access: 16.10.2013). ; Paisley I.: 1) Report on the opening of the Fifth Elected Parliament of Europe in Strasbourg and its occupancy of the new Parliament Buildings [Electronic resource] / European Institute of Protestant Studies, 1999. URL: <http://www.ianpaisley.org/article.asp?ArtKey=666> (date of access: 16.10.2013) ; 2) The Vacant Seat Number 666 in the European Parliament [Electronic resource] / European Institute of Protestant Studies, 2000. URL: <http://www.ianpaisley.org/article.asp?ArtKey=666> (date of access: 16.10.2013). ; Perver C. How Revelation reveals Europe in end time prophecy [Electronic resource]. 2006. URL: <http://www.evenmore.co.uk/prophecy/europa.html> (date of access: 13.02.2013). ; Winnail D. God, Religion and the European Union [Electronic resource]. 2007. URL: <http://www.tomorrowworld.org/cgi-bin/tw/twmag.cgi?category=Magazine47&item=1174006822> (date of access: 11.02.2013). ; Hilton A. Power Grab of the Pope — New Roman Emperor? [Electronic resource]. 2006. URL: <http://www.overcomerministry.org/content/view/230/74/> (date of access: 16.10.2013).
5. Noble A. The conspiracy behind the European Union: what every Christian should know [Electronic resource]. URL: <http://www.ianpaisley.org/article.asp?printerFriendly=true&ArtKey=conspiracy> (date of access: 16.10.2013).
6. Mudrov S. Patterns of Cooperation between Churches and the European Union: Representations, Dialogue, and Influence // The Review of Faith & International Affairs. 2014. Vol. 12 (4). P. 62–75. ; The Pew Forum on Religion and Public Life. Does Muslim Turkey Belong in Christian Europe? [Electronic resource] // Pew Forum, 2005. URL: <http://pewforum.org/Politics-and-Elections/Does-Muslim-Turkey-Belong-in-Christian-Europe.aspx> (date of access: 20.10.2013).
7. Burdzej S. Religion and Politics: Religious values in the Polish public square since 1989 // Religion, State and Society. 2005. Vol. 33, No. 2. P. 165–174. ; Dinan D. Institutions and Governance: Saving the Lisbon Treaty – An Irish Solution

to a European Problem // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2009. Vol. 47, Issue Supplement s1. P. 113–132. ; O'Brennan J. Ireland says No (again): the 12 June 2008 Referendum on the Lisbon Treaty // *Parliamentary Affairs*. 2009. Vol. 62, No. 2. P. 258—277.

8. C-FAM. Devout Catholic Rejected by European Parliament for Top EU Job [Electronic resource] / Center for Family and Human Rights, 2004. URL: https://c-fam.org/friday_fax/devout-catholic-rejected-by-european-parliament-for-top-eu-job/ (date of access: 20.12.2013).

9. Ibid.

10. Foret F. Religion: a Solution or a Problem for the Legitimation of the European Union? // *Religion, State and Society*. 2009. Vol. 37, No. 1. P. 37—50.

11. Ibid. P. 39.

12. Ibid. P. 47.

13. Challand B. From Hammer and Sickle to Star and Crescent: the Question of Religion for European Identity and a Political Europe // *Religion, State and Society*. 2009. Vol. 37, No. 1. P. 65—80.

14. Ibid. P. 70.

15. Steven M. Religious Lobbies in the European Union: from Dominant Church to Faith-Based Organisation? // *Religion, State and Society*. 2009. Vol. 37, No. 1. P. 181—191.

16. Ibid. P. 183.

17. Ibid. P. 184.

18. Doe N. Towards a Common Law on Religion in the European Union // *Religion, State and Society*. 2009. Vol. 37, No. 1. P. 147—166.

19. Ibid. P. 148.

20. Ibid. P. 157.

21. McCrea R. Religion and the Public Order of the European Union. Oxford Scholarship Online, 2011.

22. Leustean L. What is the European Union? Religion between Neofunctionalism and Intergovernmentalism // *International Journal for the Study of the Christian Church*. 2009. Vol. 9, No. 3. P. 165—176.

23. Silvestri S. Islam and Religion in the EU Political System // *West European Politics*. 2009. Vol. 32, No. 6. P. 1212—1239.

24. Leustean L. What is the European Union? Religion between Neofunctionalism and Intergovernmentalism. P. 174.

25. Haynes J. Religion in International Relations: A European Specificity? // Unpublished paper. University of Aston. 2010. November. ; Minkenberg M. Religion and Euroscepticism: Cleavages, Religious Parties and Churches in EU Member States // *West European Politics*. 2009. Vol. 32, No. 6. P. 1190—1211. ; Ramet S. The way we were — and should be again? *European Orthodox Church and the idyllic past*. P. 148—175.

26. Christiansen Th., Jorgensen K., Wiener A. The social construction of Europe // *Journal of European Public Policy*. 1999. 6 (4). P. 528—544.

27. Ibid. P. 528—544. ; Checkel J. Social Construction and Integration // *Journal of European Public Policy*. 1999. No 6 (4). P. 545—560.

28. Caporaso J. The dual nature of European identity: subjective awareness and coherence // *Journal of European Public Policy*. 2009. No. 16 (1). P. 19—42. ; Carey S. Undivided Loyalties: Is National Identity an Obstacle to European Integration // *European Union Politics*. 2002. No 3. P. 387—413. ; Cram L. Introduction: Banal Europeanism: European Union identity and national identities in synergy // *Nations and Nationalism*. 2009. No 15 (1). P. 101—109. ; Mayer F., Palmowski J. European Identities and the EU — The Ties that Bind the Peoples of Europe // *Journal for Common Market Studies*. 2004. No 42 (3). P. 573—598. ; McLaren L. Opposition to European integration and fear of loss of national identity: Debunking a basic assumption regarding hostility to the integration project // *European Journal of Political Research*. 2004. No 43. P. 895—911. ; Risse Th. The Euro between national and European identity // *Journal of European Public Policy*. 2003. No 10 (4). P. 487—505.

29. Enyedi Z. Conclusion: emerging issues in the study of church-state relations // *West European Politics*. 2003. No. 26 (1). P. 218—232. ; Korostelina C. The multiethnic state-building dilemma: national and ethnic minorities identities in the Crimea // *National Identities*. 2003. No 5(2). P. 141—159. ; Djupe P., Gilbert C. *The Political Influence of Churches*. Cambridge University Press, 2009. ; Warhurst J. The Catholic Lobby: Structures, Policy Styles and Religious Networks // *The Australian Journal of Public Administration*. 2008. No 67 (2). P. 213—230. ; McCrea R. *Religion and the Public Order of the European Union*. Oxford Scholarship Online, 2011.

30. Summary of the Third Meeting: The Role of Religion in European Integration [Electronic resource] // IHS, 2003. URL: http://www.iwm.at/index.php?option=com_content&task=view&id=370&Itemid=286 (date of access: 13.02.2013). ; Driskell R., Embry E., Lyon L. Faith and Politics: The Influence of Religious Beliefs on Political Participation // *Social Science Quarterly*. 2008. No 89 (2). P. 294—314. ; Mandry C. Instrument of Mobilization or a Bridge towards Understanding? Religion and Values in the Reform Process of the European Union // *Journal of Religion in Europe*. 2009. Vol. 2. P. 257—284.

31. O'Mahony A. The Vatican and Europe: Political Theology and Ecclesiology in Papal Statements from Pius XII to Benedict XVI // *International Journal for the Study of the Christian Church*. 2009. Vol. 9, Issue 3. P. 177—194. ; Boomgaarden H., Freire A. Religion and Euroscepticism: Direct, Indirect or No Effects? // *West European Politics*. 2009. Vol. 32, No. 6. P. 1240—1265. ; Katzenstein P. Multiple modernities as limits to secular Europeanization? // *Religion in an Expanding Europe* / T. Byrnes, P. Katzenstein (eds.). Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. P. 1—33. ; Risso L. Cracks in a facade of unity: the French and Italian Christian democrats and the early stages of the European integration process, 1945—1957 // *Religion, State and Society*. 2009. Vol. 37, No. 1. & 2, Special Issues. P. 99—114. ; Venneri G., Paolo Ferrara O. Alcide De Gasperi and Antonio Messineo: A Spiritual Conception of Politics and a Pragmatic Idea of Religion? // *Religion, State and Society*. 2009. Vol. 37, No. 1 & 2. Special Issues. P. 115—129.

32. Philpott D., Samuel Shah T. Faith, freedom and federation: the role of religious ideas and institutions in European political convergence // *Religion in an*

Expanding Europe / T. Byrnes and P. Katzenstein (eds). Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. P. 34—64.

33. House of Bishops Europe Panel. The Enduring Legacy of Robert Schuman: A Vision and Values for Europe in the 21st Century. [Electronic resource] / Church of England, 2010. URL: <http://www.churchofengland.org/media/45413/schuman.rtf> (date of access: 10.10.2013).

34. Leustean L. The Ecumenical Movement and the Schuman Plan, 1950—54 // *Journal of Church and State*. 2011. Vol. 53, No. 3. P. 442—471.

35. Leustean L. What is the European Union? Religion between Neofunctionalism and Intergovernmentalism // *International Journal for the Study of the Christian Church*. P. 165—176.

36. Nelsen B. Europe as a Christian Club: Religion and the Founding of the European Community, 1950—1975. The Ideological Dimension. [Electronic resource] / 2005. URL: [http://www2.furman.edu/academics/politicalscience/facultystaff/Nelsen/Documents Publications/APSA2005%20Europe%20as%20a%20Christian%20Club.pdf](http://www2.furman.edu/academics/politicalscience/facultystaff/Nelsen/Documents%20Publications/APSA2005%20Europe%20as%20a%20Christian%20Club.pdf) (date of access: 10.10.2013).

37. Leustean L. The Ecumenical Movement and the Schuman Plan, 1950—54 // *Journal of Church and State*. 2011. Vol. 53, No. 3. P. 442—471.

38. European Commission–BEPA. A Soul for Europe [Electronic resource] / Bureau of European Policy Advisers. URL: http://ec.europa.eu/dgs/policy_advisers/archives/activities/dialogue_religions_humanisms/sfe_en.htm (date of access: 10.10.2013).

39. Leustean L. Challenges to Church-State Relations in Contemporary Europe: Introduction // *Journal of Religion in Europe*. 2008. Vol. 1, No. 3. P. 247. ; Soper J., Fetzer C., Joel S. Religious Institutions, Church-State History and Muslim Mobilisation in Britain, France and Germany // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2007. No. 33 (6). P. 933—944. ; Robbers G. State and Church in the European Union. Nomos Verlagsgesellschaft, 2005. ; Francis J. The Evolving Regulatory Structure of European Church-State Relationships // *Journal of Church and State*. 1992. Vol. 34, Issue 4. P. 775—804.

40. Sandberg R. Church-State Relations in Europe: from Legal Models to an Interdisciplinary Approach // *Journal of Religion in Europe*. 2008. Vol. 1, No. 3. P. 329—352.

41. Stark R. Secularization, R.I.P. // *Sociology of Religion*. 1999. Vol. 60, No. 3. P. 249—273.

42. Pettersson Th. Religion in Contemporary Society: eroded by Human Well-being, Supported by Cultural Diversity // *Comparative Sociology*. 2006. No. 5 (2—3). P. 231—257.

43. Special Eurobarometer 225. Social Values, Science and Technology [Electronic resource] / Eurobarometer, 2005. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_225_report_en.pdf (date of access: 16. 06. 2013).

44. Fox J. Religion as an Overlooked Element of International Relations // *International Studies Review*. 2001. Vol. 3, No. 3. P. 53—73.

45. Jansen Th. Europe and Religions: the Dialogue between the European Commission and Churches or Religious Communities // *Social Compass*. 2000. Vol. 47, No. 1. P. 103—112.

46. Conference of European Churches (CEC). Churches in the Process of European Integration [Electronic resource] / CEC CSC, 2001. URL: http://csc.ceceurope.org/fileadmin/filer/csc/European_Integration/Churches_in_the_process_of_European_unification_final.pdf (date of access: 05. 01. 2013). ; Силуянова И. Конвенция о правах человека и биомедицине Совета Европы и основы социальной концепции Русской православной церкви: сравнительный анализ [Электронный ресурс] / Интернет-журнал Сретенского монастыря, 2001. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/society /socdoc.htm> (дата обращения: 19.04.2014). ; Values and Principles for the building of Europe / Athens: Apostoliki Diakonia of the Church of Greece, 2003.

47. O'Hanlon J. Europe and the Roman Catholic Church // The Future of Europe / J. O'Hanlon (ed.). Jesuit Centre for Faith and Justice, 2006. ; Nelsen B., Guth J., Fraser Ch. Does Religion Matter? Christianity and Public Support for the European Union // European Union Politics. 2001. Vol. 2 (2). P. 191—217.

48. Anderson M. Ungodly Ways: the Dark Side of the European Union [Electronic resource] / Orthodoxy Today, 2003. URL: <http://www.orthodoxy-today.org/articles2 /AndersonEurope.shtml> (date of access: 15.03.2014).

49. Гундяев К. Вступительное слово на европейской встрече по христианской культуре. Дать душу Европе [Электронный ресурс] / Интефакс-Религия, 2006. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=396> (дата обращения: 05.01.2014). ; Фролов К. Французская трещина для ЕС — шанс для восточно-христианской цивилизации [Электронный ресурс] / Украина Шенгенская, 2005. URL: <http://www.zaistinu.ru/articles/?aid=479> (дата обращения: 05.02.2014).

50. Hagevi M. Religiosity and Swedish Opinion on the European Union // Journal for the Scientific Study of Religion. 2002. Vol. 41, No. 4. P. 759—769. ; Madeley J. E unum pluribus. The role of religion in the project of European integration // Religion and Politics in Europe, the Middle East and North Africa / J. Haynes (ed). Routledge, 2010. P. 114—135.

51. House of Bishops Europe Panel. Submission by the Church of England's House of Bishops Europe Panel to the European Commission's consultation on EU 2020: a new strategy to make the EU a smarter, greener social market [Electronic resource] / Church of England, 2010. URL: <http://www.churchofengland.org/media/45412/europe2020sub.pdf> (date of access: 10.10.2013).

52. EKD [Evangelical Church in Germany]. EU Office Brussels [Electronic resource]. URL: http://www.ekd.de/english/eu_office_brussels.html (date of access: 16.06.2013). ; Representation of the Romanian Orthodox Church to the institutions of the European Union. Structure [Electronic resource]. URL: <http://www.orthodoxero.eu/pages/home/representationoffice/structure.php?lang=EN> (date of access: 15. 10. 2013).

53. Halman L. The European Values Study: A Third Wave [Electronic resource]. URL: http://spitswww.uvt.nl/web/fsw/evs/documents/Publications/Sourcebook/EVS_Source_Book.pdf (date of access: 16. 05. 2013). ; Special Eurobarometer 225. Social Values, Science and Technology [Electronic resource] URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_225_report_en.pdf (date of

access: 16. 06. 2013). ; European Social Survey. Belonging to particular religion or denomination [Electronic resource] / ESS Data, 2008. URL: <http://nesstar.ess.nsd.uib.no/webview/?v=2&mode=documentation&submode=abstract&study=http://129.177.90.164:80/obj/fStudy/ESS4e04.0&top=yes> (date of access: 16. 05. 2013).

54. Churches Commission for Migrants in Europe / Churches and Christian organisations in Europe on migration and asylum. Brussels, 2005. ; CCME. Churches Commission for Migrants in Europe / CCME Activity Report 2003—2005. Brussels, 2006. ; CCME. Churches Commission for Migrants in Europe / CCME Activity Report 2009. Brussels, 2010.

55. Schmitter Ph. Neo-Neofunctionalism // European integration theory / A. Wiener, Th. Diez (eds.). Oxford : Oxford Univ. Press, 2004.

56. Spinelli A. The Ventotene Manifesto (1941) // The European Union / B. Nelsen, A. Stubb (ed.). Palgrave Macmillan, 2003.

57. Churchill W. (1946). The tragedy of Europe // The European Union / B. Nelsen, A. Stubb (ed.). Palgrave Macmillan, 2003.

58. Schuman R. (1950). The Schuman Declaration // The European Union / B. Nelsen, A. Stubb (ed.). Palgrave Macmillan, 2003.

59. Pinder J. European Community and Nation-State: A Case for Neo-Federalism? // International Affairs. 1986. No. 62 (1). P. 41—54.

60. Loughlin J. Europe of the Regions and the Federalization of Europe // Publius. 1996. No. 26 (4). P. 141—162.

61. Constructing Europe? The evolution of French, British and German nation state identities / M. Marcussen [et al.] // Journal of European Public Policy. 1999. No. 6 (4). P. 614—633.

62. Loughlin J. Europe of the Regions and the Federalization of Europe // Publius. 1996. No. 26 (4). P. 141—162.

63. Burgess M. Introduction: Federalism and Building the European Union // Publius. 1996. No. 26 (4).

64. Ibid. P. 1—16.

65. Elazar D. From Statism to Federalism: A Paradigm Shift // Publius. 1995. No. 25 (2). P. 5—18.

66. Koslowski R. A constructivist approach to understanding the European Union as a federal polity // Journal of European Public Policy. 1999. No. 6(4). P. 561—578.

67. Haas E. The Uniting of Europe. Stanford, California : Stanford Univ. Press, 1968.

68. Ibid. P. 13.

69. Ibid. P. 14.

70. Lindberg L. The Political Dynamics of European Economic Integration. Stanford, California : Stanford Univ. Press, 1963.

71. Ibid. P. 284.

72. Ibid. P. 98.

73. Haas, E. The Uniting of Europe. P.15.

74. Ibid. P. XXVIII.

75. Ibid. P. 207.

76. Rosamond B. Theories of European integration. Palgrave Macmillan, 2000.

77. Puchala D. Of Blind Men, Elephants, and International Integration // Journal of Common Market Studies. 1972. No. 10. P. 267—285.

78. Sandholtz W., Zysman J. Recasting the European Bargain // *World Politics*. 1989. No. 42. P. 95—128.
79. *Ibid.* P. 108.
80. Schimmelfennig F. Liberal Intergovernmentalism // *European integration theory* / A. Wiener, Th. Diez (eds.). Oxford : Oxford Univ. Press, 2004.
81. Wallace H. Review section symposium: the choice for Europe: Social purpose and state power from Messina to Maastricht / H. Wallace [et al.] // *Journal of European Public Policy*. 1999. No. 6 (1). P. 155—179.
82. Moravcsik A. *The Choice for Europe*. UCL Press, 1998.
83. *Ibid.* P. 4.
84. *Ibid.* P. 87.
85. *Ibid.* P. 213.
86. *Ibid.* P. 317.
87. *Ibid.* P. 381.
88. *Ibid.* P. 386.
89. Review section symposium: the choice for Europe: Social purpose and state power from Messina to Maastricht / H. Wallace [et al.] // *Journal of European Public Policy*. 1999. No. 6 (1). P. 155—179.
90. *Ibid.* P. 162.
91. *Ibid.* P. 159.
92. Moravcsik A. Is something rotten in the state of Denmark? Constructivism and European integration // *Journal of European Public Policy*. 1999. 6 (4). P. 669—681.
93. *Ibid.* P. 674.
94. Risse Th., Wiener A. Something rotten and the social construction of social constructivism: a comment on comments // *Journal of European Public Policy*. 1999. 6 (5). P. 775—782.
95. Moravcsik A. Is something rotten in the state of Denmark? Constructivism and European integration. P. 678.
96. Christiansen Th., Jorgensen K., Wiener A. The social construction of Europe. P. 527.
97. *Ibid.* P. 529.
98. Risse Th., Wiener A. Something rotten and the social construction of social constructivism: a comment on comments.
99. Checkel J. Social Construction and Integration. P. 554, 555.
100. Diez T. Speaking Europe: the politics of integration discourse // *Journal of European Public Policy*. 1999. No. 6 (4). P. 598—613.
101. Koslowski R. A constructivist approach to understanding the European Union as a federal polity. P. 576.
102. Christiansen Th., Jorgensen K., Wiener A. The social construction of Europe. P. 532.
103. *Ibid.* P. 539.
104. *Ibid.* P. 540.
105. Wendt A. Identity and Structural Change in International Politics // *The Return of Culture and Identity in International Relations Theory* / Y. Lapid, F. Kratochwil (eds.). Boulder : Lynne Rienner Publishers Inc, 1996.

106. McLaren L. Opposition to European integration and fear of loss of national identity: Debunking a basic assumption regarding hostility to the integration project. P. 896.
107. Scheuer A. A political community? // Political representation and legitimacy in the European Union / A. Scheuer, H. Schmitt, J. Thomassen (eds.). Oxford : Oxford Univ. Press, 1999.
108. Vanheeswijck G. How can we overcome a politics of inarticulacy? // More Europe? A critical Christian inquiry into the process of European integration. Kampen : Pharos, 1997. P. 43—66.
109. Brubaker R., Cooper F. Beyond Identity // Theory and Society. 2000. No. 29 (1). P. 1—47.
110. Miller D. On nationality. Oxford : Oxford Univ. Press, 1997.
111. Mitchel P. Evangelicalism and national identity in Ulster, 1921—1998. Oxford : Oxford Univ. Press, 2003.
112. Korostelina C. The multiethnic state-building dilemma: national and ethnic minorities identities in the Crimea. P. 142.
113. Biles J., Spoonley P. National Identity: What It Can Tell Us about Inclusion and Exclusion // National Identities. 2007. Vol. 9, Issue 3. P. 191—195.
114. Henderson A., McEwen N. Do Shared Values Underpin National Identity? Examining the Role of Values in National Identity in Canada and the United Kingdom // National Identities. 2005. No. 7 (2). P. 173—191.
115. Miller D. On nationality. P. 44—45.
116. Challand B. From Hammer and Sickle to Star and Crescent: the Question of Religion for European Identity and a Political Europe. P. 66.
117. Ibid. P. 66—67.
118. Schlesinger P. On national identity: some conceptions and misconceptions criticized // Social Science Information. 1987. No. 26. P. 219—264.
119. Carey S. Undivided Loyalties: Is National Identity an Obstacle to European Integration. P. 388.
120. Ibid. P. 290.
121. Caporaso J. The dual nature of European identity: subjective awareness and coherence. P. 20.
122. Mayer F., Palmowski J. European Identities and the EU — The Ties that Bind the Peoples of Europe. P. 579.
123. Ibid. P. 581, 586.
124. McLaren L. Opposition to European integration and fear of loss of national identity: Debunking a basic assumption regarding hostility to the integration project. P. 897.
125. Cram L. Identity and European integration: diversity as a source of integration // Nations and Nationalism. 2009. No. 15 (1). P. 109—128.
126. Risse Th. The Euro between national and European identity // Journal of European Public Policy. 2003. No. 10 (4). P. 487—505.
127. Goksel D., Gune N., Birden R. The Role of NGOs in the European Integration Process: The Turkish Experience // South European Society and Politics. 2005. No. 10 (1). P. 57—72.

128. Huber S., Milzow K. Introduction-Taking a Closer Look at Non-State Actors: Challenges Ahead in European voices: actors and witnesses of European integration [Electronic resource] / HEIRS, 2007. URL: http://aei.pitt.edu/7517/01/HEIRS_3rd_colloquium_proceedings.pdf (date of access: 26.01.2013).
129. Jarré D. The Roles of NGOs at European Union Level [Electronic resource] / D. Jarre, 2005. URL: http://www.bezrobocie.org.pl/files/ekonomias-polezna.pl/public/biblioteka_eS_pliki/Dirk_Jarre_The_Roles_of_NGOs_at_European_Union_Level.pdf (date of access: 26. 01. 2013).
130. Ibid.
131. Jarman H. The Other Side of the Coin: Knowledge, NGOs and EU Trade Policy // *Politics*. No. 28 (1). P. 26—32.
132. Enyedi Z. Conclusion: emerging issues in the study of church-state relations. P. 223.
133. Church of Greece. The Holy Synod of the Church of Greece on the Future of Europe [Electronic resource] / Ecclesia, 2003. URL: http://www.ecclesia.gr/English/EnHolySynod/messages/europe_declaration.html (date of access: 23.01.2013).
134. Christodoulos. The Word and Role of Orthodoxy in the European Union [Electronic resource] / Ecclesia, 2000. URL: http://www.ecclesia.gr/English/EnArchbishop/EnSpeeches/role_of_orthodoxy.html (date of access: 16. 06. 2013).
135. Menendez A. A Christian or a Laic Europe? Christian Values and European Identity // *Ratio Juris*. 2005. Vol. 18, No. 2. P. 179—205.
136. Ibid. P. 185.
137. Foret F. Religion: a Solution or a Problem for the Legitimisation of the European Union? P. 42.
138. Ibid. P. 40.
139. Ibid. P. 40.
140. Minkenberg M. Democracy and Religion: Theoretical and Empirical Observations on the Relationship between Christianity, Islam and Liberal Democracy // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2007. No. 33 (6). P. 887—909.
141. Pettersson Th. Religion in Contemporary Society: eroded by Human Well-being, Supported by Cultural Diversity. P. 233.
142. Alfeyev H. On which values is Europe built? [Electronic resource] / Conference of European Churches, 2006. URL: <http://www.cec-kek.org/pdf/CLHilarion.pdf> (date of access: 15.03.2014).
143. Minkenberg M. Democracy and Religion: Theoretical and Empirical Observations on the Relationship between Christianity, Islam and Liberal Democracy. P. 891.
144. Halman L., Draulans V. How secular is Europe // *British Journal of Sociology*. 2006. No. 57 (2). P. 263—288.
145. Hollinger F., Haller M., Valle-Hollinger A. Christian religion, society and the state in the modern world // *Innovation*. 2007. No. 20 (2). P. 133—154.
146. Halman L., Draulans V. How secular is Europe. P. 20.
147. Hollinger F., Haller M., Valle-Hollinger A. Christian religion, society and the state in the modern world. P. 134.

148. Pettersson Th. Religion in Contemporary Society: eroded by Human Well-being, Supported by Cultural Diversity. P. 232.
149. Habermas J. Notes on Post-Secular Society // *New Perspectives Quarterly*. 2008. No. 25 (4). P. 17—29.
150. Warhurst J. The Catholic Lobby: Structures, Policy Styles and Religious Networks. P. 213.
151. Steven M. Religious Lobbies in the European Union: from Dominant Church to Faith-Based Organisation? P. 18.
152. Driskell R., Embry E., Lyon L. Faith and Politics: The Influence of Religious Beliefs on Political Participation. P. 296.
153. Summary of the Third Meeting: The Role of Religion in European Integration [Electronic resource]. URL: http://www.iwm.at/index.php?option=com_content&task=view&id=370&Itemid=286 (date of access: 13.02.2013).
154. Enyedi Z. Conclusion: emerging issues in the study of church-state relations. P. 228.
155. Leustean L. What is the European Union? Religion between Neofunctionalism and Intergovernmentalism. P. 165.
156. Philpott D., Samuel Shah T. Faith, freedom and federation: the role of religious ideas and institutions in European political convergence // *Religion in an Expanding Europe* / T. Byrnes and P. Katzenstein (eds). Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. P. 34—64.
157. Religion in an Expanding Europe / T. Byrnes and P. Katzenstein (eds). Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006.
158. Casanova J. Religion, European secular identities, and European integration // *Religion in an Expanding Europe* / T. Byrnes and P. Katzenstein (eds). Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. P. 65—92.
159. Hehir B. J. The old Church and the new Europe: charting the changes // *Religion in an Expanding Europe* / T. Byrnes and P. Katzenstein (eds). Cambridge : Cambridge University Press, 2006. P. 93—116.
160. Byrnes T. Transnational religion and Europeanization // *Religion in an Expanding Europe* / T. Byrnes and P. Katzenstein (eds). Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. P. 283—305.
161. Vanheeswijck G. How can we overcome a politics of inarticulacy? P. 50.
162. Venneri G., Paolo Ferrara O. Alcide De Gasperi and Antonio Messineo: A Spiritual Conception of Politics and a Pragmatic Idea of Religion? P. 121.
163. Ibid. P. 122.
164. Risso L. Cracks in a facade of unity: the French and Italian Christian democrats and the early stages of the European integration process, 1945—1957. P. 99.
165. Ibid. P. 100.
166. O'Mahony A. The Vatican and Europe: Political Theology and Ecclesiology in Papal Statements from Pius XII to Benedict XVI. P. 182.
167. Ibid. P. 183.
168. Ibid. P. 184.
169. Moravcsik, A. The Choice for Europe. UCL Press, 1998.

170. Interview with Peter Pavlovic, Study Secretary of the Church and Society Commission of the Conference of European Churches. Brussels. 23.01.2007.
171. Gallagher P. The Holy See and Europe: an Enduring Commitment // *A Theology for Europe: The Churches and the European Institutions* / J.Barnett (ed.). Bern : Peter Lang, 2005. P. 93—106.
172. Ibid. P. 99.
173. Ibid. P. 98.
174. Madeley J. E unum pluribus. The role of religion in the project of European integration. P. 119.
175. Katzenstein P. Multiple modernities as limits to secular Europeanization? P. 17.
176. Boomgaarden H., Freire A. Religion and Euroscepticism: Direct, Indirect or No Effects? P. 1240—1265.
177. Leustean L. The Ecumenical Movement and the Schuman Plan, 1950—54. P. 444.
178. Leustean L. What is the European Union? Religion between Neofunctionalism and Intergovernmentalism. P. 166.
179. Leustean L. The Ecumenical Movement and the Schuman Plan, 1950—54. P. 447.
180. Blaikie N. *Designing social research: the logic of anticipation*. Cambridge ; Malden, MA : Polity Press, 2000.
181. Ibid. P. 103—104.
182. Ibid. P. 104.
183. Stake R. Case studies // *Handbook of qualitative research* / A. Fontana, J. Frey, N. Denzin, Y. Lincoln (ed.). Thousand Oaks, CA: Sage, 2000. P. 435—445.
184. Bryman A. *Social research methods*. Oxford : Oxford Univ. Press, 2001.
185. Mason J. *Qualitative researching*. London : SAGE, 2002.
186. Ibid. P. 52.
187. Fontana A. The interview. From structured questions to negotiated text // *Handbook of qualitative research* / A. Fontana, J. Frey, N. Denzin, Y. Lincoln (ed.). Thousand Oaks, CA: Sage, 2000. P. 645—672.
188. Ibid. P. 649.
189. Ibid. P. 652.
190. Ibid. P. 653.
191. Mason J. *Qualitative researching*. P. 62.
192. Farquharson K. A Different Kind of Snowball: Identifying Key Policy-makers // *Int. J. Social Research Methodology*. 2005. Vol. 8, No 4. P. 345—353.
193. Mangen S. Qualitative research methods in cross-national Settings // *Int. J. Social Research Methodology*. 1999. Vol. 2, No. 2. P. 109—124.
194. Davie G. *Religion in Modern Europe: A Memory Mutates*. Oxford : Oxford Univ. Press, 2000.
195. Steven M. Religious Lobbies in the European Union: from Dominant Church to Faith-Based Organisation? P. 182.
196. Enyedi Z. Conclusion: emerging issues in the study of church-state relations. P. 226.

197. Ruane J. Protestant minorities in European states and nations // *National Identities*. 2009. No. 11 (1). P. 1—8.
198. Madeley J. A framework for the comparative analysis of church-state relations in Europe // *West European Politics*. 2003. No. 26 (1). P. 23—50.
199. *Ibid.* P. 34.
200. Soper J., Fetzer C., Joel S. Religious Institutions, Church-State History and Muslim Mobilisation in Britain, France and Germany. P. 937.
201. *Ibid.* P. 938.
202. *Ibid.* P. 941.
203. Enyedi Z. Conclusion: emerging issues in the study of church-state relations. P. 218—232.
204. Minkenberg M. Democracy and Religion: Theoretical and Empirical Observations on the Relationship between Christianity, Islam and Liberal Democracy. P. 905.
205. Vorbeck M. Perceptions of the Churches by the European Institutions // *A Theology for Europe: The Churches and the European Institutions* / J. Barnett (ed.). Bern : Peter Lang, 2005. P. 197—209.
206. *Ibid.* P. 207.
207. The Porvoo Communion [Electronic resource]. URL: <http://www.porvoochurches.org/whatis/index.php> (date of access: 20. 10. 2013).
208. Hagevi M. Religiosity and Swedish Opinion on the European Union. P. 759—769.
209. Church of Denmark. Protection of minorities in the EU [Electronic resource] / The Council on International Relations, 2003. URL: <http://www.interchurch.dk/cn/pdf/Churchnews2003.pdf> (date of access: 23.01.2013).
210. CPCE [Community of Protestant Churches in Europe]. Five good wishes for the future of Europe [Electronic resource] / CPCE, 2007. URL: <http://leuenberg.eu/sites/default/files/doc-7156-1.pdf> (date of access: 10.10.2013).
211. *Ibid.* P. 2—3.
212. LCF [Leuenberg Church Fellowship]. Position Paper of the Executive Committee of the Leuenberg Church Fellowship concerning the Work of the EU Convention on the Future of Europe [Electronic resource] / LCF, 2002. URL: <http://www.leuenberg.eu/daten/File/Upload/doc-2160-1.pdf> (date of access: 10.10.2013).
213. Carey G. The Millennium and the Soul of Europe [Electronic resource] / Archbishop of Canterbury, 1999. URL: <http://www.archbishopofcanterbury.org/carey/speeches/990327.htm> (date of access: 23.01.2013).
214. *Ibid.*
215. House of Bishops Europe Panel. The Enduring Legacy of Robert Schuman: A Vision and Values for Europe in the 21st Century [Electronic resource] / Church of England, 2010. URL: <http://www.churchofengland.org/media/45413/schuman.rtf> (date of access: 10.10.2013).
216. House of Bishops Europe Panel. Submission by the Church of England's House of Bishops Europe Panel to the European Commission's consultation on EU

2020: a new strategy to make the EU a smarter, greener social market [Electronic resource] / Church of England, 2010. URL: <http://www.churchofengland.org/media/45412/europe2020sub.pdf> (date of access: 10.10.2013).

217. Paisley I. The Vacant Seat Number 666 in the European Parliament [Electronic resource] / European Institute of Protestant Studies, 2000. URL: <http://www.ianpaisley.org/article.asp?ArtKey=666> (date of access: 16.10.2013).

218. Noble A. The conspiracy behind the European Union: what every Christian should know [Electronic resource] / European Institute of Protestant Studies, 1998. URL: <http://www.ianpaisley.org/article.asp?printerFriendly=true&ArtKey=conspiracy> (date of access: 16.10.2013).

219. Synod of Bishops. Jesus Christ, alive in His Church, the Source of Hope for Europe [Electronic resource] / Global Catholic Network, 1999. URL: http://www.ewtn.com/new_evangelization/europe/synod/instrument.htm (date of access: 20.12.2013).

220. Ibid.

221. O'Hanlon J. Europe and the Roman Catholic Church. P. 58.

222. O'Mahony A. The Vatican and Europe: Political Theology and Ecclesiology in Papal Statements from Pius XII to Benedict XVI. P. 190.

223. Zalecki P. Polish Roman Catholic Church and European Union: Selected Cultural Issues [Electronic resource] / ISUMK, 1999. URL: <http://www.umk.pl/~zalecki/txt/amsterdam.html> (date of access: 11.02.2013).

224. Mudrov S. Religion and the European Union: Attitudes of Catholic and Protestant Churches toward European Integration // Journal of Church and State. 2014. doi: 10.1093/jcs/csu003.

225. FitzGibbon J. Citizens against Europe? Civil Society and Eurosceptic Protest in Ireland, the United Kingdom and Denmark // Journal of Common Market Studies. 2013. Vol. 51. No.1. P. 105—121.

226. Nelsen B., Guth J., Fraser Ch. Does Religion Matter? Christianity and Public Support for the European Union. P. 201.

227. Giblin T. Saying No to Europe // More Europe? Critical Christian inquiry into the process of European integration. Kampen : Pharos, 1997. P. 67—104.

228. Conclusions of the Inter-Orthodox Consultation on the Draft Constitutional Treaty of the European Union [Electronic resource] / Orthodox Wiki, 2003. URL: http://orthodoxwiki.org/InterOrthodox_Consultation_on_the_Draft_Constitutional_Treaty_of_the_European_Union (date of access: 10.10.2013).

229. Church of Greece. The Holy Synod of the Church of Greece on the Future of Europe [Electronic resource]. URL: http://www.ecclesia.gr/English/EnHoly-Synod/messages/europe_declaration.html (date of access: 23.01.2013).

230. Christodoulos. The Presence of the Church on the Horizon of Europe [Electronic resource] / Orthodoxy Today, 2003. URL: <http://www.orthodoxytoday.org/articles2/AbpChristodoulosEurope.shtml> (date of access: 21.12.2013).

231. Christodoulos. The Word and Role of Orthodoxy in the European Union [Electronic resource] URL: http://www.ecclesia.gr/English/EnArchbishop/EnSpeeches/role_of_orthodoxy.html. (date of access: 16.06.2013).

232. Interview with bishop Athanasios Hatzopoulos, Church of Greece representative to the EU. Brussels. 25.01.2007.

233. Alfeyev H. Christian Witness to Uniting Europe: A view from the Russian Orthodox Church [Electronic resource] / Orthodoxy Today, 2002. URL: www.ortho-doxtoday.org/articles/AlfeyevChristianEurope.shtml (date of access: 15.03.2014).

234. Гундяев К. Культурный и религиозный плюрализм как шанс для Европейского союза и его соседей [Электронный ресурс] / М-во иностр. дел Рос. Федерации, 2004. URL: http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/0/d77c2fba029743b1c3256ec80049a7e5?OpenDocument (дата обращения: 05.01.2014).

235. Alfeyev H. Christian Witness to Uniting Europe: A view from the Russian Orthodox Church [Electronic resource]. URL: www.orthodoxy-today.org/articles/AlfeyevChristianEurope.shtml (date of access: 15.03.2014).

236. Гундяев К. Вступительное слово на европейской встрече по христианской культуре «Дать душу Европе» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=396> (дата обращения: 05.01.2014).

237. Фролов К. Французская трещина для ЕС — шанс для восточно-христианской цивилизации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zaistinu.ru/articles/?aid=479> (дата обращения: 05.02.2014).

238. Interview with bishop Athanasios Hatzopoulos, Church of Greece representative to the EU. Brussels. 25.01.2007.

239. Haynes J. Religion in International Relations: A European Specificity? // Unpublished paper. University of Aston. 2010. November.

240. Special Eurobarometer 225. Social Values, Science and Technology [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_225_report_en.pdf (date of access: 16.06.2013). P. 9.

241. Ibid. P. 9.

242. European Social Survey. Belonging to particular religion or denomination [Electronic resource]. URL: <http://nesstar.ess.nsd.uib.no/webview/?v=2&mode=documentation&submode=abstract&study=http://129.177.90.164:80/obj/fStudy/ESS4e04.0&top=yes> (date of access: 16.05.2013).

243. Halman L. The European Values Study: A Third Wave [Electronic resource]. URL: http://spitswww.uvt.nl/web/fsw/evs/documents/Publications/Sourcebook/EVS_SourceBook.pdf (date of access: 16.05.2013).

244. Leustean L. The Ecumenical Movement and the Schuman Plan, 1950—54. P. 442—471.

245. European Commission—BEPА. A Soul for Europe [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/dgs/policy_advisers/archives/activities/dialogue_religions_humanisms/sfe_en.htm (date of access: 10.10.2013).

246. COMECE [Electronic resource]. URL: <http://comece.org/>. (date of access: 11.11.2013).

247. Mudrov S. Patterns of Cooperation between Churches and the European Union: Representations, Dialogue, and Influence. P. 62—75.

248. Interview with Revd Aimilianos Bogiannou, secretary at the Liaison Office of the Orthodox Church to the European Union. Brussels. 22.07.2010.

249. Interviews: 1) with bishop Athanasios Hatzopoulos, Church of Greece representative to the EU. Brussels. 25.01.2007. ; 2) with metropolitan Athanasios Hatzopoulos, Church of Greece representative to the EU. By e-mail. 14.09.2010. ; 3) with Kostas Zorbas, member of staff of the representation of the Church of Greece to the EU. Brussels. 07.07.2010.

250. Interviews: 1) with Revd Anthony Ilyin, acting head of the Representation of the Moscow Patriarchate to the EU. Brussels. 17.07.2010; 2) with Tatiana Zdanoka, MEP. Brussels. 15.07.2010.

251. Representation of the Romanian Orthodox Church to the institutions of the European Union. Structure [Electronic resource]. URL: <http://www.orthodoxero.eu/pages/home/representation-office/structure.php?lang=EN> (date of access: 15.10.2013). ; Interview with Revd Sorin Selaru, Director of the Representation of the Romanian Orthodox Church to European institutions. By e-mail. 22.11.2011.

252. Interview with Bishop Porfyrios Papastilianou, Church of Cyprus representative to the EU. Brussels. 12.07.2010.

253. Ilyin A. The Committee of Representatives of Orthodox Churches to the European Union. Mission possible [Electronic resource] / Russkiy Mir Foundation, 2010. URL: <http://www.russkiymir.ru/en/publications/139516/> (date of access: 26.01.2013).

254. Ibid.

255. Mudrov S. Patterns of Cooperation between Churches and the European Union: Representations, Dialogue, and Influence. P. 62—75.

256. EKD [Evangelical Church in Germany]. EU Office Brussels [Electronic resource]. URL: http://www.ekd.de/english/eu_office_brussels.html (date of access: 16.06.2013).

257. CARE for Europe Policy Papers [Electronic resource] / CARE for Europe. URL: <http://www.careforeurope.org/index.php/what-we-do/policy-papers/> (date of access: 23.01.2013).

258. Eurodiaconia [Electronic resource]. URL: <http://www.eurodiaconia.org/> (date of access: 10.10.2013).

259. European Evangelical Alliance. About the EEA [Electronic resource]. URL: <http://www.europeanea.org/> (date of access: 10.10.2013).

260. CEC (Conference of European Churches). How we work. [Electronic resource] / Conference of European Churches. URL: <http://www.ceceurope.org/how-we-work/> (date of access: 16.12.2013).

261. CEC CSC. Who We Are [Electronic resource] / Conference of European Churches. URL: <http://csc.ceceurope.org/who-we-are/> (date of access: 16.12.2013).

262. APRODEV. About us [Electronic resource] / APRODEV. URL: http://www.aprodev.eu/index.php?option=com_content&view=article&id=25&Itemid=2&lang=en. (date of access: 15.03.2014).

263. Leustean L. Representing Religion in the European Union. A Typology of Actors // Politics, Religion and Ideology. 2011. No. 12 (3). P. 295—315.

264. European Commission—BEPA. Dialogue with religions, churches and communities of conviction [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/bepa/activities/outreach-team/dialogue/index_en.htm (date of access: 15.10.2013).

265. Leustean L. What is the European Union? Religion between Neofunctionalism and Intergovernmentalism. P. 175.

266. COMECE and CSC CEC. Article 17 of the treaty on the functioning of the European Union. General considerations on the implementation of the dialogue foreseen by its paragraph 3 [Electronic resource] / COMECE and CEC CSC, 2010. URL: http://csc.ceceurope.org/fileadmin/filer/csc/European_Integration/20100427_COMECE_CSC_Proposal_on_Article_17_TFEU.pdf (Date of access: 11.11.2013).

267. Ibid. P. 4.

268. Ibid. P. 5.

269. European Commission-BEPA. Dialogue with religions, churches and communities of conviction [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/dgs/policy_advisers/activities/dialogues_religions/index_en.htm (date of access: 10.10.2013).

270. Best Ed. The Institutions of the Enlarged European Union: Continuity and Change / Ed. Best, Th.Christiansen, P.Settembri (eds). Cheltenham : Edward Elgar, 2008.

271. Lantis J. The European Constitution // The Life and Death of International Treaties. OSOM, 2008. P. 177—197.

272. Presidency Conclusions. European Council Meeting in Laeken. 2001. 14—15 December.

273. Ibid.

274. Grotsch F. The Mobilization of Religion in the EU (1976—2007): From Blindness to Religion to the Anchoring of Religious Norms in the EU // Journal of Religion in Europe. 2009. Vol. 2, No. 3. P. 231—256.

275. Ibid. P. 241.

276. Ibid. P. 242.

277. European Humanist Federation. The Churches' Campaign for Special Rights in the EU [Electronic resource] / European Humanist Federation. URL: <http://humanistfederation.eu/pages.php?page=churches-campaign-for-specific-rights-in-the-eu-> (date of access: 10.10.2013).

278. Kole W. Debate rages over whether to pay homage to Europes Christian roots // Associated Press. 2002. 19 June.

279. Kaunert C. The Lisbon Treaty and the Constitutionalization of the EU // Journal of Contemporary European Research. 2009. No. 5 (3). P. 465—471.

280. COMECE. The Future of Europe, Political Commitment, Values, and Religion. Contribution of the COMECE secretariat to the Debate on the Future of the European Union in the European Convention. Brussels, 2002.

281. Ibid.

282. Ibid.

283. Interview with metropolitan Athanasios Hatzopoulos, Church of Greece representative to the EU. By e-mail. 14.09.2010.

284. Zorbas K. Evropi—Thriskiya—Politismos. Athens : Apostoliki Diakonia, 2003.

285. CSC CEC [et al.]. Letter to Giscard d'Estaing. Brussels, 28.06.2002.
286. CSC CEC and COMECE. Churches and Religious Communities in a Constitutional Treaty of the European Union. Brussels, 27.09.2002.
287. Leustean L. Religious terms in the debate on the European Constitution // *La Constitution Europeenne: Elites, Mobilisations, Votes* / A. Cohen, A. Vauchez (eds.). Brussels : Presses de l'Universite de Bruxelles, 2007. P. 113—127.
288. Schlesinger P. Political Roof and Sacred Canopy? Religion and the EU Constitution // *European Journal of Social Theory*. 2006. No. 9 (1). P. 59—81.
289. Mandry C. Instrument of Mobilization or a Bridge towards Understanding? Religion and Values in the Reform Process of the European Union. P. 266.
290. *Ibid.* P. 268.
291. *Ibid.* P. 273.
292. *Ibid.* P. 279—280.
293. The European Convention. Joint documentation by CEC, COMECE and EKD. 2003.
294. *Ibid.* P. 15.
295. *Ibid.* P. 23.
296. Interview with COMECE member of staff. By e-mail. 02.11.2010.
297. Leustean L. Religious terms in the debate on the European Constitution. P. 113—127.
298. Smith N. Religious identity enters Convention debate // *EUObserver.com*. 2002. 8 November.
299. *Ibid.*
300. Interview with Joachim Wuermeling, former MEP and former member of the European Convention. By telephone. 21.09.2010.
301. Interview with Peter Pavlovic, Study Secretary of the Church and Society Commission of the Conference of European Churches. Brussels. 12.07.2010.
302. CONV 480/03 (The European Convention). Contribution by Mr Joachim Wuermeling, alternate member of the convention: Religious reference in the Constitutional Treaty. Brussels, 31.01.2003.
303. The European Convention. Joint documentation by CEC, COMECE and EKD. P. 80.
304. *Ibid.* P. 82.
305. Smith N. Convention: religious debate still on the boil // *EUObserver.com*. 2002. 4 December.
306. CSC CEC and COMECE. Churches and Religious Communities in a Constitutional Treaty of the European Union II. Brussels, 18.12.2002.
307. *Ibid.*
308. Glomp J. // *AFP*. 2003. 3 January.
309. Brand C. EU Divided Over Invoking Name of God // *AP Online, International News*. 2003. 5 February.
310. The European Convention. Joint documentation by CEC, COMECE and EKD. 2003.
311. Interview with Alojz Peterle, MEP, former member of the presidium of the European Convention. By telephone. 13.09.2010.

312. Personal remarks by Professor D. Hubner, Representative of the Government of Poland to the European Convention. Plenary Session, 27. 2003. 28 February.

313. Sodano A. 3 things the Church hopes to see in a European Constitution [Electronic resource] / Zenit, 2003. URL: <http://www.zenit.org/article-6569?l=english>. (date of access: 16.06.2013).

314. Conclusions of the Inter-Orthodox Consultation on the Draft Constitutional Treaty of the European Union [Electronic resource]. URL: http://orthodoxwiki.org/InterOrthodox_Consultation_on_the_Draft_Constitutional_Treaty_of_the_European_Union (date of access: 10.10.2013).

315. Interview with metropolitan Athanasios Hatzopoulos, Church of Greece representative to the EU. By e-mail. 14.09.2010.

316. Church of Denmark. Protection of minorities in the EU [Electronic resource]. URL: <http://www.interchurch.dk/cn/pdf/Churchnewsmay2003.pdf> (date of access: 23.01.2013).

317. Interview with Elina Eloranta, representative of the Churches of Sweden and Finland to the EU. Brussels. 16.07.2010.

318. Ibit.

319. Interview with Martina Weitsch, Joint Representative of the Quaker Council for European Affairs. Brussels. 20.07.2010.

320. Thomas B. Values Matter // Quakers Reflect on Europe / B. Thomas (ed.). 2003. ; Interview with Martina Weitsch, Joint Representative of the Quaker Council for European Affairs. Brussels. 20.07.2010.

321. Interview with Martina Weitsch, Joint Representative of the Quaker Council for European Affairs. Brussels. 20.07.2010.

322. The European Convention. Joint documentation by CEC, COMECE and EKD. 2003. P. 127.

323. CONV 722/03 (The European Convention). Preamble. Brussels, 28.05.2003.

324. Moscow Patriarchate. Statement of the Moscow Patriarchate on the draft of the EU Constitution [Electronic resource] // Department for External Church Relations, 2003. URL: <http://orthodoxeurope.org/page/4/3.aspx>. (date of access: 16.06.2013).

325. CONV 795/03 (The European Convention). Contribution by Prof. Edmund Wittbrodt, member of the European Convention and Ms Marta Fogler, alternate member of the European Convention: Text bases on the draft preamble prepared by the Praesidium of the Convention. Brussels, 06.06.2003.

326. CONV 769/03 (The European Convention). Contribution of Mr Frantisek Kroupa, alternate member of the Convention: The wording of a part of the preamble of Constitutional Treaty of EU. Brussels, 28.05.2003.

327. Proposed amendments to the text of the articles of the Treaty establishing a Constitution for Europe [Electronic resource] / European Convention, 2003. URL: <http://european-convention.eu.int/amendments.asp?content=1000&lang=EN>. (date of access: 22.06.2013).

328. Suggestion for amendment of Article: I-51. By Soren Lekberg [Electronic resource] // European Convention, 2003. URL: <http://european-convention.eu.int>

/docs/treaty/pdf/37/37_Art%20I%2051%20Lekberg%20EN.pdf. (date of access: 22.06.2013).

329. Streinz R. The European Constitution after the Failure of the Constitutional Treaty // *Zeitschrift für öffentliches Recht*. 2008. No. 63. P. 159—187.

330. AFP (Agence France Presse). Pope says EU constitution should cite Christian heritage // *International News*. 2003. 28 June.

331. List Prezydium Episkopatu Polski do Premiera Silvio Berlusconiego w sprawie projektu Konstytucji europejskiej [Electronic resource]. URL: <http://www.episko-pat.pl/?a=dokumentyKEP&doc=konstytucja0309pl> (date of access: 10.10.2013).

332. Address by Archbishop Christodoulos to Eurodeputies [Electronic resource] / Church of Greece Representation to the European Union, 2003. URL: <http://www.regue.org/view.asp?cid=&pid=476&sid=102&ssid=0&lang=1>. (date of access: 15.03.2014).

333. CIG 37/03 (Conference of the Representatives of the Governments of the Member States). IGC — Non-institutional issues; including the amendments in the economic and financial field. Brussels, 24.10.2003.

334. EPP Group in the European Parliament. Christian heritage of Europe in the Constitution [Electronic resource] // Press-Release, 2003. URL: <http://www.eppgroup.eu/press/showPR.asp?PRControlDocTypeID=1&PRControlID=2342&PRContentID=4507&PRContentLg=en> (date of access: 16.06.2013).

335. Ibid.

336. Schlesinger P. Political Roof and Sacred Canopy? Religion and the EU Constitution. P. 68—69.

337 Values and Principles for the building of Europe. P. 474.

338. Evans R. Religion ignites debate over EU constitution // *National Post*, Canada. 2003. 9 December.

339. Ibid.

340. Interview with Anne Van Lancker, former MEP and former member of the European Convention. By e-mail. 26.10.2010.

341. CIG 87/2/04 (Conference of the Representatives of the Governments of the Member States). Treaty establishing a Constitution for Europe. Brussels, 29.10.2004.

342. Ibid, P. 54.

343. COMECE. The Treaty Establishing a Constitution for Europe. Elements for an Evaluation. Brussels, 2005.

344. Ibid. P. 14—15.

345. Syrpis P. The Treaty of Lisbon: Much Ado...But About What? // *Industrial Law Journal*. 2008. Vol. 37, No. 3. P. 219—235.

346. Ibid. P. 221.

347. Tsebelis G. Thinking about the Recent Past and the Future of the EU // *Journal of Common Market Studies*. 2008. Vol. 46, No. 2. P. 265—292.

348. Christiansen T., Reh Ch. Constitutionalizing the European Union. Basingstoke : Palgrave Macmillian, 2009.

349. König T., Daimer S., Finke D. The Treaty Reform of the EU: Constitutional Agenda-Setting, Intergovernmental Bargains and the Presidency's Crisis Management of Ratification Failure // *Journal of Common Market Studies*. 2008. Vol. 46, No. 2. P. 337—363.
350. Christiansen T., Reh Ch. Constitutionalizing the European Union. P. 254.
351. Dinan D. Institutions and Governance: Saving the Lisbon Treaty — An Irish Solution to a European Problem. P. 116.
352. O'Brennan J. Ireland says No (again): the 12 June 2008 Referendum on the Lisbon Treaty. P. 258—277.
353. CSC CEC. CSC Report on the Treaty of Lisbon. Brussels. 2009. December.
354. Ibid.
355. Interview with Peter Pavlovic, Study Secretary of the Church and Society Commission of the Conference of European Churches. Brussels. 12.07.2010.
356. Interview with Elina Eloranta, representative of the Churches of Sweden and Finland to the EU. Brussels. 16.07.2010.
357. Interview with Martina Weitsch, Joint Representative of the Quaker Council for European Affairs. Brussels. 20.07.2010.
358. Interview with Revd Anthony Ilyin, acting head of the Representation of the Moscow Patriarchate to the EU. Brussels. 17.07.2010.
359. Ibid.
360. Interview with Bishop Porfyrios Papastylianou, Church of Cyprus representative to the EU. Brussels. 12.07.2010.
361. Interview with Sophie In't Veld, MEP, chair of the inter-party platform on secularism in politics in the European Parliament. By telephone. 27.08.2010.
362. Interview with Peter Pavlovic, Study Secretary of the Church and Society Commission of the Conference of European Churches. Brussels. 12.07.2010.
363. Bartholomeos. Values and Principles for the Building of Europe // *Values and Principles for the building of Europe / Athens: Apostoliki Diakonia of the Church of Greece*, 2003. P. 451—457.
364. Christodoulos. The Word and Role of Orthodoxy in the European Union [Electronic resource]. URL: http://www.ecclesia.gr/English/EnArchbishop/EnSpeeches/role_of_orthodoxy.html. (date of access: 16.06.2013).
365. Vanheeswijck G. How can we overcome a politics of inarticulacy? P. 43—66.
366. Menendez A. A Christian or a Laic Europe? Christian Values and European Identity. P. 179—205.
367. Values and Principles for the building of Europe / Athens: Apostoliki Diakonia of the Church of Greece, 2003.
368. Menendez A. A Christian or a Laic Europe? Christian Values and European Identity. P. 185.
369. Values and Principles for the building of Europe. P. 297.
370. Bartholomeos. Values and Principles for the Building of Europe. P. 456.
371. Values and Principles for the building of Europe. P. 479.
372. Ibid. P. 482.

373. John Paul II. Post Synodal Apostolic Exhortation *Ecclesia in Europa* [Electronic resource] / Vatican, 2003. URL: http://www.vatican.va/holy_father/john_paul_ii/apost_exhortations/documents/hf_jp-ii_exh_20030628_ecclesia-in-europa_en.html (date of access: 11.11.2013).
374. British Humanist Association. Proposed Constitution for European Union [Electronic resource] / British Humanist Association, 2003. URL: <http://humanism.org.uk/wp-content/uploads/BHA-Submission-on-proposed-EU-Constitution.pdf>. (date of access: 16.06.2013).
375. Broadhead G. Gays demand that God be left out of EU Constitution [Electronic resource] / GALHA, 2003. URL: http://www.galha.org/press/2003/02_02.html (date of access: 16.06.2013).
376. Ferrari S. The Secular and Sacred in Europe's Constitution / 2003. URL: www.project-syndicate.org/commentary/ferrari1/English (date of access: 16.06.2013).
377. Interview with Sophie In't Veld, MEP, chair of the inter-party platform on secularism in politics in the European Parliament. By telephone. 27.08.2010.
378. Schlesinger P. Political Roof and Sacred Canopy? Religion and the EU Constitution. P. 70
379. Ibid. P. 71.
380. Mandry C. Instrument of Mobilization or a Bridge towards Understanding? Religion and Values in the Reform Process of the European Union // *Journal of Religion in Europe*. 2009. Vol. 2. P. 257—284
381. Ibid. P. 263.
382. Interviews: 1) with Marian Apostol, assistant on intercultural dialogue at the EPP group in the European Parliament. Brussels. 22.07.2010 ; 2) with Revd Noel Treanor, General Secretary of the COMECE. Brussels. 23.01.2007.
383. Interview with Sophie In't Veld, MEP, chair of the inter-party platform on secularism in politics in the European Parliament. By telephone. 27.08.2010.
384. D'Appollonia A. Immigration, Security, and Integration in the European Union // *Immigration, Integration, and Security* / A. D'Appollonia, S. Reich (eds.). Pittsburgh : Univ of Pittsburgh Press, 2008. P. 203—228.
385. Geddes A. *Immigration and European integration*. Manchester : Manchester Univ. Press, 2008.
386. Churches Commission for Migrants in Europe. *Churches and Christian organisations in Europe on migration and asylum*. Brussels, 2005.
387. D'Appollonia, A. *Immigration, Security, and Integration in the European Union*. P. 206.
388. Schierup C.-U. *Migration, Citizenship, and the European welfare state*. Oxford : Oxford Scholarship Online Monographs, 2006.
389. Bell M. *Racism and Equality in the European Union*. Oxford : Oxford Scholarship Online Monographs, 2009.
390. Peers S. *EU Justice and Home Affairs Law*. Oxford : Oxford Univ. Press, 2006.
391. Ibid. P. 21.

392. Ibid.
393. Presidency Conclusions. Tampere European Council. 1999. 15—16 October. P. 14.
394. Presidency Conclusions. European Council Meeting in Laeken. 2001. 14—15 December.
395. Presidency Conclusions. Seville European Council. 2002. 21—22 June.
396. Peers S. EU Justice and Home Affairs Law. P. 22.
397. Ibid. P. 120.
398. Ibid. P. 120.
399. The European Refugee Fund (ERF) III [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/homeaffairs/funding/refugee/funding_refugee_en.htm (date of access: 20.12.2013).
400. The Hague Programme. Presidency Conclusion. Brussels European Council. 2004. 4—5 November.
401. Ibid. 1.5.
402. Ibid. 1.6.
403. Plender R. EU Immigration and Asylum Policy — The Hague Programme and the way forward // ERA Forum. 2008. Vol. 9, No. 2. P. 301—325.
404. European Commission. Home Affairs Policies in the area of Home Affairs [Electronic resource] / European Commission. Migration and Home Affairs. URL: http://ec.europa.eu/home-affairs/policies/intro/policies_intro_en.htm. (date of access: 10.10.2013).
405. The Stockholm Programme / Official Journal. 2010/C 115/01. 04.05.2010. P. 1—38.
406. Geisler R., Schar B. Foreword // Theological Reflections on Migration. A CCME Reader. Brussels, 2008.
407. Ibid. P. 4.
408. Ekue A. Negotiating vulnerability and power. The construction of migrant religious identity // Theological Reflections on Migration. A CCME Reader. Brussels, 2008.
409. Ela J.-M. Un Dieu metis // Theological Reflections on Migration. A CCME Reader. Brussels, 2008.
410. Bedford-Strohm H. Responding to the challenge of migration and flight from a perspective of theological ethics // Theological Reflections on Migration. A CCME Reader. Brussels, 2008.
411. Ibid. P. 39.
412. Ibid. P. 43.
413. Caritas Europa. A reflection on the dynamics between Migration and Development [Electronic resource] / Caritas Europa, 2010. URL: <http://nadiesinfuturo.orgIMG/pdf/CaritasEuropaReflectionPaperonMigrationandDevelopment-Feb2010.pdf>. (date of access: 24.10.2013).
414. Ibid. P. 10.
415. John Paul II. Post Synodal Apostolic Exhortation Ecclesia in Europa [Electronic resource]. URL: http://www.vatican.va/holy_father/john_paul_ii/apost_exhortations/documents/hf_jp-ii_exh_20030628_ecclesia-in-europa_en.html (date of access: 11.11.2013).

416. Churches Commission for Migrants in Europe. M. 1.1. P. 1.
417. CCME. Churches Commission for Migrants in Europe. P. 2.
418. Churches Commission for Migrants in Europe. 1.5. P. 1.
419. Ibid. 1.2. P.2.
420. Ibid. 1.3. P. 3.
421. Caritas Europa. A reflection on the dynamics between Migration and Development [Electronic resource]. URL: <http://nadiesinfuturo.org/IMG/pdf/CaritasEuropaReflectionPaperonMigrationandDevelopment-Feb2010.pdf> (date of access: 24.10.2013).
422. Churches Commission for Migrants in Europe. 3.11, 1.4.
423. CCME. Churches Commission for Migrants in Europe / CCME Activity Report 2005—2007. Brussels, 2008.
424. CCME. Churches Commission for Migrants in Europe. P. 4.
425. Interview with Peter Verhaeghe, migration officer at Caritas Europa. By telephone. 27.08.2010.
426. Interview with COMECE member of staff. By e-mail. 02.11.2010.
427. Interview with Petra Hueck, Europe Programme Manager of the International Catholic Migration Commission. Brussels. 13.07.2010.
428. Ibid.
429. Interview with Stefan Kessler, Policy and Advocacy Officer at the Jesuit Refugee Service Europe. Brussels. 23.07.2010
430. Ibid.
431. Interview with Doris Peschke, Executive Secretary at the Churches' Commission for Migrants in Europe. Brussels. 06.07.2010
432. Interview with an official from the European Commission, Directorate General for Justice and Home Affairs. Brussels. 13.07.2010.
433. Interview with an official from the European Commission, Directorate General for Justice and Home Affairs. Brussels. 13.07.2010.
434. Bell, M. Racism and Equality in the European Union. P. 141—142.
435. Ibid. P. 142.
436. Commission of the European Communities. Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on common standards and procedures in Member States for returning illegally staying third-country nationals. 01.09.2005.
437. Ibid. P. 2
438. Joint Comments. Caritas Europa, CCME, COMECE, ICMC, JRS-Europe, QCEA. 2002. May.
439. Ibid. P. 5.
440. CCME and COMECE. Churches Commission for Migrants in Europe and COMECE / Contributions by Felix Leinemann on behalf of the Migration Working Group of COMECE and by Doris Peschke of CCME as part of the Christian organisations response to the Green Paper. Brussels, 16.07.2002.
441. Joint Comments. Caritas Europa, CCME, COMECE, ICMC, JRS-Europe, QCEA. P. 5.
442. Commission of the European Communities. Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on common standards and procedures in Member States for returning illegally staying third-country nationals. P. 3.

443. Interview with Peter Verhaeghe, migration officer at Caritas Europa. By telephone. 27.08.2010.

444. Acosta D. The Good, the Bad and the Ugly in EU Migration Law: Is the European Parliament Becoming Bad and Ugly? (The Adoption of Directive 2008/15: The Returns Directive) // *European Journal of Migration and Law*. 2009. Vol. 11, No. 4. P. 19—39.

445. *Ibid.* P. 26—27.

446. Common Principles on removal of irregular migrants and rejected asylum seekers [Electronic resource] / RefWorld, 2005. URL: <http://www.refworld.org/docid/437dd5304.html>. (date of access: 24.10.2013).

447. Joint Comments. Caritas Europa, CCME, COMECE, ICMC, JRS-Europe, QCEA. 2006. November.

448. *Ibid.* P. 4.

449. *Ibid.* P. 5.

450. *Ibid.* P. 6.

451. *Ibid.* P. 8.

452. *Ibid.* P. 10.

453. CCME. Churches Commission for Migrants in Europe / CCME Activity Report 2005—2007. Brussels, 2008.

454. European Parliament. Report on the proposal for a directive of the European Parliament and of the Council on common standards and procedures in Member States for returning illegally staying third-country nationals / European Parliament. 20.09.2007.

455. *Ibid.* P. 19.

456. *Ibid.* P. 23.

457. *Ibid.* P. 16.

458. *Ibid.* P. 22.

459. *Ibid.*

460. Baldaccini A. The Return and removal of irregular migrants under EU law: an analysis of the Returns Directive // *European Journal of Migration and Law*. 2009. 11. P. 1—17.

461. *Ibid.* P. 9—14.

462. *Ibid.* P. 17.

463. Panara C. In the name of God: State and Religion in Contemporary Italy // *Religion and Human Rights*. 2011. No. 6. P. 75—104.

464. Haas E. The Uniting of Europe. ; Lindberg L. The Political Dynamics of European Economic Integration. ; Moravcsik A. The Choice for Europe.

465. McLaren L. Opposition to European integration and fear of loss of national identity: Debunking a basic assumption regarding hostility to the integration project. P. 896.

466. Wendt A. Identity and Structural Change in International Politics // *The Return of Culture and Identity in International Relations Theory* / Y. Lapid, F. Kratochwil (eds.). Boulder : Lynne Rienner Publishers Inc, 1996.

467. Christiansen, Th., Jorgensen K., Wiener A. The social construction of Europe. P. 528—544. ; Checkel J. Social Construction and Integration. P. 545—560.

468. Summary of the Third Meeting: The Role of Religion in European Integration [Electronic resource]. URL: http://www.iwm.at/index.php?option=com_content&task=iew&id=370&Itemid=286. (date of access: 13.02.2013). ; Driskell, R., Embry E., Lyon L. Faith and Politics: The Influence of Religious Beliefs on Political Participation. P. 294—314. ; Mandry C. Instrument of Mobilization or a Bridge towards Understanding? Religion and Values in the Reform Process of the European Union. P. 257—284.
469. Enyedi Z. Conclusion: emerging issues in the study of church-state relations. P. 218—232. ; Korostelina C. The multiethnic state-building dilemma: national and ethnic minorities identities in the Crimea. P. 141—159.
470. Menendez A. A Christian or a Laic Europe? Christian Values and European Identity. P. 185.
471. Foret F. Religion: a Solution or a Problem for the Legitimisation of the European Union? P. 37—50.
472. Steven M. Religious Lobbies in the European Union: from Dominant Church to Faith-Based Organisation? P. 181—191.
473. Challand B. From Hammer and Sickle to Star and Crescent: the Question of Religion for European Identity and a Political Europe. P. 65—80.
474. Jenkins K. The Churches and Europe: Relating to the European Institutions // *Theology for Europe: The Churches and the European Institutions*. 2005. P. 73—91. ; Doe N. Towards a Common Law on Religion in the European Union. P. 147—166.
475. Leustean L. What is the European Union? Religion between Neofunctionalism and Intergovernmentalism. P. 165—176.
476. Minkenberg M. Religion and Euroscepticism: Cleavages, Religious Parties and Churches in EU Member States // *West European Politics*. 2009. Vol. 32, No. 6. P. 1190—1211. ; Haynes J. Religion and Politics in Europe, the Middle East and North Africa // *Religion and Politics in Europe, the Middle East and North Africa* / J. Haynes (ed.). Routledge. 2010. P. 1—20. ; Madeley J. E unum pluribus. The role of religion in the project of European integration // *Religion and Politics in Europe, the Middle East and North Africa*. P. 114—135.
477. Casanova J. Religion, European secular identities, and European integration. P. 65—92. ; Risso L. Cracks in a facade of unity: the French and Italian Christian democrats and the early stages of the European integration process, 1945—1957 // *Religion, State and Society*. 2009. Vol. 37, No. 1 & 2, Special Issues. P. 99—114. ; Venneri G., Paolo Ferrara O. Alcide De Gasperi and Antonio Messineo: A Spiritual Conception of Politics and a Pragmatic Idea of Religion? // *Religion, State and Society*. 2009. Vol. 37, No. 1 & 2. Special Issues. P. 115—129.
478. Leustean L. Challenges to Church-State Relations in Contemporary Europe: Introduction // *Journal of Religion in Europe*. 2008. Vol. 1, No. 3. P. 247—250. ; Soper J., Fetzer C., Joel S. Religious Institutions, Church-State History and Muslim Mobilisation in Britain, France and Germany // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2007. No. 33 (6). P. 933—944. ; Robbers G. State and Church in the European Union. Nomos Verlagsgesellschaft, 2005. ; Francis J. The Evolving Regulatory Structure of European Church-State Relationships // *Journal of Church and State*. 1992. Vol. 34, Issue 4. P. 775—804.

479. Stark R. Secularization, R.I.P. // *Sociology of Religion*. 1999. Vol. 60, No. 3. P. 249—273.

480. Special Eurobarometer 225. Social Values, Science and Technology [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_225_report_en.pdf (date of access: 16.06.2013). ; European Social Survey. Belonging to particular religion or denomination [Electronic resource]. URL: <http://nesstar.ess.nsd.uib.no/webview/?v=2&mode=documentation&submode=abstract&study=http://129.177.90.164:80/obj/fStudy/ESS4e04.0&top=yes> (date of access: 16.05.2013). ; Halman L. The European Values Study: A Third Wave [Electronic resource]. URL: http://spitswww.uvt.nl/web/fsw/evs/documents/Publications/Sourcebook/EVS_SourceBook.pdf (date of access: 16.05.2013).

481. Interview with an official from the European Commission, Bureau of the European Policy Advisors. Brussels. 13.07.2010.

482. Presidency Conclusions. European Council Meeting in Laeken. 2001. 14—15 December. P. 24.

483. Christiansen T., Reh Ch. *Constitutionalizing the European Union*. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2009.

484. COMECE. *The Future of Europe, Political Commitment, Values, and Religion*. Contribution of the COMECE secretariat to the Debate on the Future of the European Union in the European Convention. Brussels, 2002. ; Zorbas, K. *Evropi—Thriskiya—Politismos*. Athens: Apostoliki Diakonia, 2003. ; CSC CEC et al. Letter to Giscard d'Estaing. Brussels, 28.06.2002. ; CSC CEC and COMECE. *Churches and Religious Communities in a Constitutional Treaty of the European Union*. Brussels, 27.09.2002.

485. The European Convention. Joint documentation by CEC, COMECE and EKD. 2003. ; Smith N. Religious identity enters Convention debate // *EUObserver.com*. 2002. 8 November. ; Interviews : 1) with Galina Fomenchenko, political adviser at the European People's Party (EPP). Brussels. 19.07.2010. ; 2) with Peter Pavlovic, Study Secretary of the Church and Society Commission of the Conference of European Churches. Brussels. 12.07.2010.

486. CIG 37/03 (Conference of the Representatives of the Governments of the Member States). IGC — Non-institutional issues; including the amendments in the economic and financial field. Brussels, 24.10.2003.

487. CIG 87/2/04 (Conference of the Representatives of the Governments of the Member States). Treaty establishing a Constitution for Europe. Brussels, 29.10.2004.

488. Dinan D. *Institutions and Governance: Saving the Lisbon Treaty – An Irish Solution to a European Problem*. P. 113—132. ; O'Brennan J. Ireland says No (again): the 12 June 2008 Referendum on the Lisbon Treaty // *Parliamentary Affairs*. 2009. Vol. 62, No. 2. P. 258—277. ; Quinlan S. *The Lisbon Treaty Referendum 2008 // Irish Political Studies*. 2009. Vol. 24, No. 1. P. 107—121.

489. Interviews: 1) with Revd Anthony Ilyin, acting head of the Representation of the Moscow Patriarchate to the EU. Brussels. 17.07.2010. ; 2) with Elina Eloranta, representative of the Churches of Sweden and Finland to the EU. Brussels. 16.07.2010. ; 3) with COMECE member of staff. By e-mail. 02.11.2010.

490. CSC CEC. CSC Report on the Treaty of Lisbon. Brussels, December 2009.

491. Harth E. No place for religion in EU Constitution: the absence of God does not mean an absence of good [Electronic resource] / Catholics for free choice, 2003. URL: http://findarticles.com/p/articles/mi_hb064/is_1_24/ai_n28999730/ (date of access: 16.10.2013). ; Interview with Sophie In't Veld, MEP, chair of the inter-party platform on secularism in politics in the European Parliament. By telephone. 27.08.2010 ; Schlesinger P. Political Roof and Sacred Canopy? Religion and the EU Constitution // *European Journal of Social Theory*. 2006. No. 9 (1). P. 59—81. ; Bartholomeos. Values and Principles for the Building of Europe // *Values and Principles for the building of Europe* / Athens : Apostoliki Diakonia of the Church of Greece, 2003. P. 451—457.

492. Sodano A. 3 things the Church hopes to see in a European Constitution [Electronic resource]. URL: <http://www.zenit.org/article-6569?l=english> (date of access: 16.06.2013). ; Conclusions of the Inter-Orthodox Consultation on the Draft Constitutional Treaty of the European Union [Electronic resource]. URL: http://orthodoxwiki.org/InterOrthodox_Consultation_on_the_Draft_Constitutional_Treaty_of_the_European_Union (date of access: 10.10.2013).

493. D'Appollonia A. Immigration, Security, and Integration in the European Union. P. 203—228. ; Schierup C.-U. Migration, Citizenship, and the European welfare state. Oxford Scholarship Online Monographs, 2006. ; Bell M. Racism and Equality in the European Union. Oxford : Oxford Scholarship Online Monographs, 2009.

494. Bedford-Strohm H. Responding to the challenge of migration and flight from a perspective of theological ethics // *Theological Reflections on Migration*. A CCME Reader. Brussels, 2008.

495. Churches Commission for Migrants in Europe. Churches and Christian organisations in Europe on migration and asylum. Brussels, 2005.

496. CCME. Churches Commission for Migrants in Europe. CCME Activity Report 2009. Brussels, 2010. ; Jesuit Refugee Service (JRS) / Europe 2009 Report. Brussels, 2010. ; Caritas Europa. A reflection on the dynamics between Migration and Development [Electronic resource]. URL: <http://nadiesinfuturo.org/IMG/pdf/CaritasEuropaReflectionPaperonMigrationandDevelopment-Feb2010.pdf> (date of access: 24.10.2013). ; Interviews: 1) with Peter Verhaeghe, migration officer at Caritas Europa. By telephone. 27.08.2010 ; 2) with COMECE member of staff. Brussels. 15.07.2010. ; 3) with Petra Hueck, Europe Programme Manager of the International Catholic Migration Commission. Brussels. 13.07.2010 ; 4) with Stefan Kessler, Policy and Advocacy Officer at the Jesuit Refugee Service Europe. Brussels. 23.07.2010 ; 5) with Doris Peschke, Executive Secretary at the Churches Commission for Migrants in Europe. Brussels. 06.07.2010.

497. Panara C. In the name of God: State and Religion in Contemporary Italy // *Religion and Human Rights*. 2011. No. 6. P. 75—104.

498. Interviews: 1) with an official from the European Commission, Directorate General for Justice and Home Affairs. Brussels. 13.07.2010. ; 2) with an official from the European Commission, Directorate General for Justice and Home Affairs. Brussels. 13.07.2010.